

ТУАЕНТ

РАВООЧИЙ

А. ПАРАМОНОВ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

В ЕДИНЕНИИ ТРУДА И
ЗНАНИЯ—НАША СИЛА.

СТУДЕНТ-РАБОЧИЙ

ooo № 9 (17) ooo

ОКТЯБРЬ, 1924 г.

ОРГАН ИСПОЛБЮРО ПРОФСЕКЦИИ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Адрес редакции: Екатеринбург, ул. Декабристов № 2—Исполбюро.

ЕКАТЕРИНБУРГ, ТИП. «ГРАНИТ»
АКЦ. ОБ-ВА УРАЛКНИГА, 1924 г.

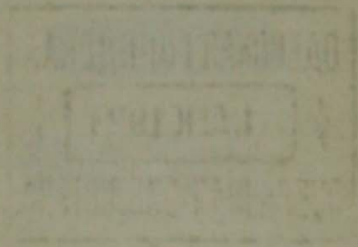
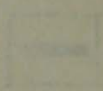
— ДАВНО ПЕРЕЧИТАТ —
КАКИ АКАДИ — СМЕРЬ

СТУДЕНТ-РАБОРНИК

№ 9 (17) 000

ОКТАБРЬ 1954 г.

УРАЛСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
И ЕГО РАБОТНИКОВ

Наше положение и перспективы в наступающем учебном году. *)

Начало учебного года в ВУЗ'ах всегда заставляет нас оглядываться на пройденный путь, учитывать ошибки и, исходя из этого, строить план работы на будущее время. Задачи, которые мы ставим в этом году на разрешение, следующие:

1) Максимально возможное улучшение материального положения пролетарского студенчества; 2) оживление общественной работы студенчества и преподавателей; 3) увеличение производительности академической работы, путем нововведений в методах учебной работы; 4) принять все меры к разгрузке от общественной работы ответственных работников.

Я полагаю в этой статье осветить наше положение как материальное, так и в отрасли профессионально-союзной работы и перспективы наступающего года. Вопросы, которые я думаю осветить, не все имеют вполне законченный вид—некоторые из них дискуссионного порядка, о некоторых я буду говорить на основе данных, которые мне удалось получить в Центральном бюро Пролетстуда в начале сентября.

Структура студорганizations.

До настоящего времени у нас студенты—члены профсоюзов объединяются в профсекции общеуниверситетского масштаба вне зависимости от факультетов, с профкомом для текущей профессиональной работы профсекций, имея по факультетам уполномоченного профкома.

Для административно-академической работы по каждому факультету имеется факком, избираемый всеми студентами данного факультета. Задачи факкома—руководство работой членов предметных комиссий, президиумов, групп (на рабфаке), вопросы переработки учебных планов, программ, методов преподавания, участие в работе президиума факультета через члена президиума—студента.

Профсекции и факкомы объединяются—исполбюро Вуз'а, избираемого на конференции профсекций раз в начале учебного года.

Вот основные массовые организации студенчества. Если посмотреть на пройденный путь и работу этих организаций, то трудно сказать, где кончается роль факкома, а где предоставлено право работе профкома.

Работа профсекций отсутствовала, ибо ее и нельзя ставить при несогласованности учебных занятий (на рабфаке с 9 до 3-х, а на основных с 9 утра до 9 веч.), при территориальном разделении и т. д. Связь профкома с факкомом не ясна. В чем и кто должен влиять—трудно сказать. В нынешнем году нужно с этой неразберихой покончить, дабы поставить работу на здоровую почву.

Мы выставили перед Ц. Б. следующие соображения:

1. Профсекции создать в факультетском масштабе, ибо фактически работа экономическая, культурно-просветительная возможна только при перенесении ее на отдельные факультеты.

*) За недостатком места статья тов. Морозова несколько сокращена.

Ведь основа построения обще-университетских профсекций обеспечит влияние рабфаковцев на студенчество основных факультетов. Сейчас этот вопрос пережил себя, ибо на основных факультетах на 60 проц. рабфаковский дух; все руководство за рабфаковцами. Пора строить организации для оживления и постановки работы так, чтобы легко и плодотворно можно вести общественно-союзную работу и ввести максимальную производительность учебы.

2. Профсекции данного факультета объединить в факпрофбюро (а на горфаке только профком, которому и передать функции факпрофбюро, ибо там только одна профсекция ВСГ).

3. Все факпрофбюро объединяются для руководства исполбюро университета.

Ц. Б. постановило воздержаться от перестройки по этому проекту до 1-го Всесоюзного съезда студенчества в декабре, на котором будут выработаны для всего СССР формы студорганizations.

Но ведь до декабря нужно жить—нужно работать.

Наше мнение на этот счет сейчас таково, что в основе всю работу экономическую, культурно-просветительную нужно перенести на факультеты. Для чего, оставив профсекции обще-университетскими, оформить ее факультетские коллективы и работу в профсекции ставить в факультетском коллективе, разбив работников профкома по коллективам. Этот вопрос не касается профсекций, которые имеют своих членов только на одном факультете, например, рабфаке, а на других не имеют. В данном случае профком или уполномоченный ведет работу целиком и полностью в своей профсекции.

Поскольку на данном факультете, например, рабфаке будет несколько факультетских коллективов от общеуниверситетских профсекций и несколько профсекций, которые только рабфаковские, ибо на других факультетах членов данной профсекции нет,—то, конечно, профработу не придется ставить в каждом коллективе по отдельности. Всю эту работу нужно координировать в факкоме рабфака, где вся работа проводится при участии и посредством руководителей коллективов и рабфаковских профсекций.

На химико-металлургическом факультете координировать работу факультетских коллективов также в факкоме, причем, как правило, нужно считать, что факком рабфака и хим.-мет. ф-та исполняют решения совещания, а не предписывают коллективам проведение тех или иных вопросов.

На горфаке нужно факком ликвидировать и передать всю работу профкому ВСГ, ибо его база и центр на Горном факультете. Оба факкома и профком ВСГ выделяют отрасли работы: экономическую, культурно-просветительную и академическую.

Но нужно считать, что такая структура только должна быть временной. 1-й Всесоюзный съезд в декабре должен решить вопрос о структуре, а сейчас пора нам на основе опыта обменяться мнением на страницах нашего журнала—«как Уралу выступать на съезде по вопросу построения студорганizations».

Одновременно с этим необходимо оформить дело со всеми остальными массовыми организациями в университете (кроме РЛКСМ и РКП), как МОПР, ОДВФ, Доброхим, о-во «Руки прочь от Китая» и т. д. сделав их исключительно обще-университетскими при центральном клубе.

Производственный принцип. Согласно постановления мартовского совещания при Ц. Б. членство в ВУЗ'ах должно проводиться не по производственному признаку студента в университете, а он вливается в профсекцию одноименную с тем союзом, в котором он состоял до поступления в ВУЗ.

Практика работы нам говорит именно за производственный принцип, например, студент Горфака работает на практике в горном производстве, ведет культу-рарботу среди членов ВСГ, в будущем думает работать в горном деле, он совершенно теряет связь с каким-либо союзом со-работников или пицевиков, в котором он состоял до поступления в ВУЗ.

По нашему настоянию Ц. Б. постановило произвести опыт в УГУ до Всесоюзного съезда—перейдя на производственный принцип членства. С областными профсоюзами этот вопрос также согласован на совещании при Уралпрофсовете. Но здесь требуется и наша осторожность, ибо на рабфаке ярко выраженного производственного уклона нет, как на основных факультетах. Поэтому в начале октября мы будем проводить производственный принцип только на основных факультетах, не задевая рабфака.

Переучет пролетарских сил. В начале октября по всему университету, согласно циркуляра Ц. Б., приступим к переучету членов профсекций.

Переучет будет носить характер подсчета пролетарских рядов в УГУ—оформление производственного принципа и т. д., дабы нам знать, с кем мы вступаем в учебный год.

Перевыборы. После окончания переучета членов и оформления профсекций немедленно приступить к перевыборам профкомов и факкомов и исполбюро.

В то же время приурочиваются перевыборы предметных комиссий, президиумов факультетов и правления университета. Большой вопрос этих перевыборов,—кого мы будем выбирать во все вышеуказанные органы. У нас самые лучшие силы пролетарского и коммунистического студенчества заняты до сих пор вопросами общественного порядка, но только не учебой.

Работники студорганizations вырождаются в профессионалов «ответработников» с «солидным стажем». В результате этот ответработник вынужден или бросать учиться, или бежать в другой ВУЗ.

Всех накопивших уже порядочный стаж в работе университета нужно освободить от ответработы—пора посерьезнее взяться за учебу.

Нужна ежегодная смена работников. Потеря учебы—не больше года.

Вопросы связи. Здесь три основных связи, о которых я думаю вести разговор.

1. Связь исполбюро с профсекциями и факкомами, связь профсекций с окружными и районными комитетами.
2. Связь исполбюро с Ц. Б. и Уралпрофсоветом.
3. Связь между ВУЗ'ами и Техникумами.

Для урегулирования первого рода связи необходимо в этом году, кроме личной связи и участия профкомов и факкомов в работе пленумов исполбюро ввести письменную отчетность, выработав форму отчетности. До сих пор у нас нет занесенной на бумаге истории студенческой жизни. Больше все носится в голове работника. А уйдет он—с ним и вся история уходит. На вопрос: сколько в таком то месяце и году было членов профсекции в данной профсекции и чем они занимались в этот месяц—трудно ответить. Нужно регулярно посылать все протоколы заседаний профкома, а также и собраний профсекций.

Такая же связь профсекций должна быть с окружкомом или райкомом своего союза. Но здесь нужно указать на необходимость участия представителя профкома на заседаниях комитета своего союза и привлекать представителя на заседания профкома. Это с одной стороны, с другой нужно вводить в состав окружкома или райкома в качестве члена или кандидата, на съездах, студенческих представителей.

Связь с Ц. Б. требует желать лучшего. Плохо, что на этот счет нет со стороны Ц. Б. никаких форм отчетности. Но сейчас путем информационных писем, обмена протоколов, надо полагать, что сумеем оживить связь.

С Уралпрофсоветом необходимо укрепить связь через введение в члены Уралпрофсовета студпредставителя, с другой стороны—держат личную связь с руководителями Уралпрофсовета.

Вопросы связи между ВУЗ'ами и Техникумами в области стоит весьма остро. Здесь вопрос выливается в необходимость создания областного бюро пролетстуда для руководства работой 3-х ВУЗ'ов на Урале и около 40 Техникумами. Пермьки против создания Облбюро. Но им надо будет раз навсегда сказать, что пора кончить чужими руками жар загребать. Мы за них работаем везде и всюду в областных организациях. Областной фонд мы создавали—наши работники работают,

а пермяки плоды пожинают. Такое явление, конечно, ненормально. Нужно создать Облбюро. Втянуть, хотя бы не на постоянную работу, а на пленумы Облбюро пермяков, втянуть в работу Комуниверситет, начать работу в Техникумах.

Ц. Б. постановило создать Уралбюро пролетстуда. Для подготовительной работы создать назначенное бюро из представителей УГУ, ПГУ, Комуниверситета и Горбюро техникумов г. Екатеринбурга. Это бюро должно будет подготовить Областную конференцию и избрать Облбюро.

Об университете. Прежде несколько слов о нашем положении технических факультетов. Не сократят ли нас? На этот счет сведения таковы. Сокращение, под которое попал и наш Медфак, носит по Главпрофобру название «планового сокращения». В ближайшее время подобных плановых сокращений, конечно не может быть, этот год, по крайней мере, мы можем работать спокойно. Думаю, что и в следующий год 25—26 мы вступим также спокойно.

Второй вопрос о нашем внутриуниверситетском положении. Здесь вопрос обстоит острее. Мы живем фактически без «головы» — ректора нет. Так дальше работать нельзя.

Во вторых, кустарное влияние исполбюро на правление, нужно превратить в фактическое участие студенчества через представителя — члена правления в строительстве университета.

Во всех ВУЗ'ах Москвы в числе рабочей тройки правления ВУЗ'а, везде имеется один член правления — студент по студенческим делам, такое же положение и в Перми.

Экономические вопросы.

Стипендиальный вопрос. От разрешения этого вопроса зависит вся наша производительность, а также и общественная работа. Вопрос о стипендиях еще не имеет законченного вида. Но о видах на стипендию и подготовительной работе можно кое-что сказать. В прошлом учебном году мы получали 290 государственных стипендий размером в 10 рублей. Все остальное количество стипендий и дотаций к госстипендии мы получали от областного фонда, который создавался из $1/2^0$ зарплат. Теперь положение резко меняется. Областной фонд с 1-го октября ликвидируется, в связи с общей линией снятия накладных расходов с промышленности и организации всесоюзного фонда. Но дотаций из областного фонда мы уже фактически не получаем с июля месяца. За последние месяцы областная стипендиальная комиссия занята вопросом сбора долгов с отдельных учреждений и организаций по расчетам отчислений до 1-го октября. Надо полагать, что к моменту ликвидации областного фонда мы, может-быть кое-что получим.

Теперь, в связи с общим сокращением числа госстипендий почти на 50% мы, таким образом должны бы получить из центра около 120 госстипендий в этом учебном году, но не 10 рублевых, а немножко больше размером.

Результатом такого резкого изменения явилось то, что мы вынуждены были выдать за сентябрь рабфактовцам по 10 рублей; студентам основных факультетов, оставленных на лето, на стипендии также по 10 рублей и студентам, приехавшим к занятиям 15-го сентября, по 5 рублей. Пока трудно сказать, что дадим мы за сентябрь. Все зависит от источников дохода в местную стипендиальную комиссию, хоть маленькую дотацию, местная стипендиальная комиссия сумеет дать и за сентябрь.

Новые условия стипендиального вопроса у нас должны начаться с 1 октября. Областные организации, учитывая резкое изменение в связи с ликвидацией областного фонда, пришли нам на помощь. Из местного областного бюджета на УГУ ПГУ утверждено 400 стипендий двадцатирублевых. Уралпрофсовет полагает дать также на оба университета 100 стипендий двадцатирублевых. Всего на Урале мы имеем 500 стипендий, из коих на УГУ, надо полагать, что попадает максимум 200 стипендий. Но эти 200 стипендий далеко меньше того, что нам давал областной фонд, и второй вопрос о сроке действия этих 200 стипендий. На эти 200 стипендий нам

приходится меньше всего ориентироваться, ибо они могут быть у нас в этом году, но не быть в будущем году. Наша задача, в связи с ликвидацией областного фонда, усиленно будировать необходимость включения, хотя бы минимум на госстипендии, но что бы это было прочно. Поэтому, учитывая, что местный бюджет нам окажет некоторую помощь, мы ставим определенно вопрос перед центральной стипендиальной комиссией, что нам нужно минимум 485 стипендий на основные факультеты, не считая помощи из местного бюджета. Получение того или иного количества госстипендии из центра всецело будет зависеть каким бюджетом будет располагать Ц. С. К. В этом учебном году создается Всесоюзный фонд. Вопрос не решен, как будет конструироваться этот фонд. Есть два пути: первое это 1% зарплаты, второе 15% с уравнительного фонда. Вопрос ближайшего дня (а может быть теперь уже решен).

Утверждено на всю СССР 30.000 стипендий (не включая Рабфаки).

Размер госстипендий для Москвы и Ленинграда 20 рублей, а для провинции 16 рублей.

Центральное бюро постановило приравнять УГУ к Москве и Ленинграду, а при определении количества госстипендий ориентироваться на заявку исполбюро УГУ (485).

Столовая. В прошлом году наша столовая существовала на кредиты, отпускаемые из областного фонда и местного бюджета. В настоящее время столовая работает только на кредиты местного бюджета. С 1 октября и эти кредиты прекратятся. Мы на этот счет держимся определенного мнения, что столовую нужно оставить и ввести платность обедов. Цены на обеды должны быть по карману студенту.

Общежития. Общее квартирное положение не совсем благополучно. Благополучнее дела на Рабфаке, чем на основных факультетах.

Придется пересмотреть персонально живущих в общежитиях и разгрузить их. Нужно помнить, что правление университета не берет на себя обязанности давать общежития вновь поступающим (как и вообще всем студентам). Поэтому общежития нужно оставить и в будущем давать места студентам, которые с общественной стороны заслуживают этого.

Так как жилая площадь у нас увеличивается гораздо меньше, чем прием в университет, то с каждым годом придется делать пертурбации в общежитиях при наличии претендентов из новых приемов.

Отсюда вывод: студент, живущий в общежитии, например, в прошлом году, при наличии свободных мест, не должен полагать, что он останется и в нынешнем году, ибо это не гарантируется ни кем.

У нас стоит большой вопрос по оплате коммунальных услуг. В общежитие семейных мы не пускаем, а если есть, так выселяем. Семейные живут на частных квартирах. Много также и холостяков на частной квартире. И что же мы видим: живущий на частной квартире должен платить за дрова, за жилую площадь, за электричество, за уборку и т. д., т. е. ровно уходит полстипендии зачастую, да у другого плюс—семья обременяет. А живущий в общежитии холостячек получает такую же стипендию, как и живущий на частной квартире, пользуясь до сих пор всем готовым.

Надо высказаться по этому вопросу в нашем журнале.

Касса взаимопомощи. Мы имеем общеуниверситетскую кассу. До сих пор еще нет добровольного членства, нет организационного оформления работы о взаимопомощи. В центре были такие же студенческие кассы взаимопомощи и все потерпели аварию. Сейчас там идет массовое слияние студенческих касс с общесоюзными, ибо студенческие кассы оказались бедны, малооборотны, не активны. Надо обсудить нам вопрос в журнале о перспективах работы взаимопомощи в УГУ.

3-я конференция пролетстуда УГУ должна будет этот вопрос решить. А сейчас пока нужно их укреплять. Профсекции должны серьезно взяться за эту

работу. В октябре нужно закончить массовое добровольное членство кассы. Нужно ввести порядок во взаимопомощь, а то студент, не вступив в кассу, подает заявление о безвозвратной ссуде.

Кооперирование. Почти нераздельным вопросом от кассы взаимопомощи стоит вопрос о кооперировании. У нас есть два течения на этот счет. Одни говорят: давайте создадим студенческий кооператив на свои средства, разовьем деятельность, а другие говорят, что это ложный путь. По моему, надо ориентироваться только на ЦРК. Не надо нам своего кооператива, у нас нет денег: нам жаль отрывать еще десяток студентов от учебы на эту работу; мы мало разовьем оборот, ибо студенты бедны. Студент беден—нужно льготное кредитование, сравнительно небольшой взнос, нужна, наконец, лавка ЦРК.

ВОПС. (Всесоюзное о-во помощи пролетарскому студенчеству). 7-го сентября по инициативе тов. Лозовского создано это общество. Задачи общества улучшить материальное положение пролететуда через привлечение к делу помощи широких слоев советской общественности путем вовлечения в члены целых фабрик, заводов, отдельных предприятий, организаций и т. д.

Установлен размер взносов. Для организаций, предприятий и учреждений вступительный не менее 100 рублей и ежемесячный членский не менее 25% вступительного. Индивидуальный вступительный не менее 50 коп. Ежемесячный членский—25 копеек.

На Урале уже создано Оргбюро о-ва под председательством тов. Гольдич, зампреда тов. Оршанского.

Я полагаю, что при развитии деятельности о-ва на Урале студенчество также вступит членами его. Исполбюро повидимому, также вступит как организация.

В связи с созданием о-га Ц. Б. постановило ликвидировать КУВУЧ.

Заграничная помощь. До сих пор из заграницы от разных обществ в студенчества мы получали две помощи—первая 20.000 долларов и вторая, —разного вида продуктами. В будущем заграничная помощь предполагается в виде снабжения учебниками. Не исключена возможность вступления в наше ВОПС заграничных обществ и т. д.

Учебно-академические вопросы.

Ректорское совещание. 21-го октября при Главпрофобре состоится очередное ректорское совещание. На нем будут подытоживаться опыты работ мест в деле перестройки выс. школы. Это первое совещание, на котором будут также работать и студенческие представители. Главпрофобр дал 20 мест на ректорское совещание для студенческих представителей, преимущественно Москвы и Ленинграда. Наше исполбюро получило приглашение от Академсекции ЦБ на ректорское совещание и вероятно, мы своего представителя пошлем.

Предметные комиссии. Одной из главных задач нужно считать поднятие активности предметных комиссий, а они у нас еще до сих пор бездеятельны. Главпрофобр на I-е полугодие 24—25 уч. год поставил в план работ окончательное оформление вопроса о сроке учебного плана (сколько лет) о том, кого мы должны выпускать: или узкого специалиста, или специалиста, напр., металлурга, но которого нужно обучить и строительному искусству, ибо при нашем хозяйстве силовых и рядом металлург сам ведет и все строительные работы в заводе и т. д., вопросы методов преподавания, эти вопросы еще не проработаны. Срок дается полгода. Нужно работать—надо внести свой опыт в работу Главпрофобра.

Наша профессура активнее многих других в провинции, но этого мало. Нужна неустанная работа вокруг учебных планов, программ, формы зачетов и т. д.

Производительность работы.—Вопрос успешности требует большого внимания к себе. В прошлый год мы жили в материальном отношении далеко лучше других ВУЗ'ов. У нас к стипендии была бесплатная столовая, бесплатные общежития. Но средняя успешность относительно мала.

В чем причины?

Надо этот вопрос проанализировать. Говорят лекции скучны, да стоит ли их и слушать, когда все равно потом сидишь две недели за учебником, чтобы сдать зачет. В этом есть доля правды. Надо к этому прислушиваться. Корень зла не целиком в системе лекций—здесь другой момент играет роль—необязательность посещения семинарских лекций и т. д.

Необходимо форму зачетов отменить. Внести проработку курса в семинарские—групповые занятия; привлечь для руководства ими всех ассистентов и лаборантов, где не хватает, так опытных студентов.

Учебники и учебные пособия. На помощь нашим небольшим закупкам через Исполбюро для пополнения профессиональных библиотек факультетов и фундаментальной библиотеки приходит стеклография Исполбюро, где печатаются руководства и все учебники, которые профессора составляют по своему курсу. В этой работе два затруднения:—первое—медленный темп дачи работ профессорами и второе—дороговизна изданий стеклографии.

Научные сотрудники.—Весьма мала активность пролетарского студенчества в деле подготовки научных сотрудников. Мало претендентов. Очередная задача—пропаганда за подготовку научных сотрудников из среды пролетарского студенчества.

Культурно-просветительные вопросы.

Нужно сказать, что до сих пор культурная работа была поставлена слабо из-за материальных средств, организационной невязки и т. п.

Обстановка НЭП'а, слабая постановка, слабость преподавания общественных наук, при наличии огромного кадра политически малограмотных, подчас безграмотных студентов заставляет считать эту работу одной из главных. Центром всей работы должен быть ВУЗ и клуб. При нем должны остаться непосредственно только кружки и о-ва общеуниверситетского значения, вся же массовая работа должна перенестись на факультеты. Драматические постановки надо свести до минимума. В культурную работу необходимо также вовлекать и научных работников. Что касается шефства, то нужно сказать, что полезнее брать шефство всем факультетам, причем брать шефство только по силам—«лучше меньше, да лучше».

Самый большой недостаток в работе клуба—это отсутствие базы в работе финансов. С упорядочением работы клуб должен быть не только названием, но и организованной единицей. Для этого в октябре нужно провести кампанию за вступление в члены клуба. Все студенчество и профессура должны быть членами клуба.

С другой стороны нужно добиться планового финансирования клуба со стороны Облполитпросвета. Каждая профсекция должна поставить вопрос перед своим союзом, дабы последний ежемесячно отчислял на культурную работу своей профсекции.

Планирование.—Вопросом учета свободного времени у студента у нас мало кто занимается. Загрузка студента зависит от постановки всей школьной работы. Наш лозунг: «больше учета времени студента, ближе к разумной нагрузке». Поэтому вся работа, кроме учебной—считается внешкольной. Высшим органом в ун-те в рабфаке, ведающим внешкольной работой, должна быть культсекция Исполбюро. Ни одно мероприятие, ни один кружок на факультете не должен создаваться без постановления и подтверждения культсекции Исполбюро.

Все должно планироваться не в ущерб академической работе—все должно быть обдумано на совещаниях культсекций и внесено в план внешкольной работы.

Кончая свое обозрение, призываю работников профсекций и факкомов на страницах журнала высказать свое мнение по ряду затронутых вопросов дискуссионного характера.

Н. ГОРИН.

Технические факультеты к началу 24-25 учебного года.

В текущем году Уральский Государственный Университет вступает в пятый год своего существования. Организованный в 1920 году на основе Уральского Горного Института Уралуниверситет в 1920-21 уч. году приступил к работе в составе одиннадцати факультетов.

По первоначальному проекту организаторов университета на Урале, он должен был состоять из шести институтов с 24 факультетами. Тяжелые материальные условия, необеспеченность учебными пособиями, педагогическим персоналом и т. д., привели к необходимости постепенно отказываться от широких планов, уменьшать число факультетов, сливать их и т. д.

В первую очередь был ликвидирован словесно-исторический факультет, затем естественно-географический и сельско-хозяйственный; геолого-разведочный и рудничный факультеты были слиты в один горный; химический, металлургический и механический факультеты были слиты в один химико-металлургический с указанными тремя специальностями. Дальнейшее стремление Главпрофобра к сокращению и уплотнению сети ВУЗ'ов привело к ликвидации механической специальности и к объединению инженерно-лесного факультета с химико-металлургическим, на правах специальности в составе последнего.

Наконец с 1 августа 1924 года ликвидирован медицинский факультет, и Уралуниверситет с текущего года будет продолжать свою работу в составе двух технических факультетов и рабочего.

Деление факультетов по специальностям.

Горный факультет разделяется на два отделения: геолого-разведочное и рудничное, заключаая в себе пять предметных комиссий: маркшейдерско-геодезическую, минералого-петрографическую, геологическую, горного дела и обогащения полезных ископаемых.

Химико-металлургический факультет разделяется—на металлургическое отделение, химическое и лесоинженерную специальность. Факультетские предметные комиссии: металлургическая, химико-технологическая и инженерно-лесная.

Дисциплины, общие обоим факультетам, объединяются в предметных комиссиях: физико-математической, чистой химии, механической, общественных наук, новых языков.

Первые три межфакультетских комиссии территориально и в хозяйственном отношении связаны с химико-металлургическим факультетом.

Кафедры и их заполнение.

К началу 1924—25 учебного года технические факультеты приложили значительные усилия к пополнению профессорско-преподавательских сил в особенности по горному факультету.

Советом горного факультета замещены пустовавшие два года кафедры динамической геологии и петрографии. На первую избран геолог М. И. Липовский, на вторую—Н. И. Безбородько. Ведутся переговоры с Н. А. Шадлуном о замещении кафедры рудных месторождений и, вероятно, эта кафедра будет также замещена. Таким образом по горному факультету мы имеем следующее замещение кафедр: кафедры геодезии и маркшейдерского искусства—проф. П. К. Соболевский; кристаллографии—проф. А. В. Шубников; минералогии—проф. К. К. Матвеев; петрографии—

Н. И. Безбородько; рудных месторождений—предполагается Н. А. Шадлун; динамической геологии—М. И. Липовский; обогащения полезных ископаемых—М. Ф. Ортин.

Остаются пока незамещенными профессорами кафедры палеонтологии, исторической геологии, горного искусства. Работа по замещению этих кафедр будет поставлена на ближайшую очередь. Кафедра золотоплатинового дела обслуживается в порядке совместительства профессором химико-металлургического факультета Н. Н. Барабошкиным. Кафедра горного искусства полностью обслуживается имеющимися преподавателями горного факультета: А. И. Смирновым, В. П. Любимовым и В. П. Шишовым. Палеонтология и историческая геология смогут быть обслужены вновь привлеченными лицами и наличным числом преподавателей факультета. Правлением университета объявлен конкурс на замещение свободных кафедр горного факультета.

Химико-металлургическим факультетом вновь избраны: проф. Ефремов по кафедре общей химической технологии (приложения физической химии к заводским процессам) с поручением чтения курса общей химии; Н. Н. Рогаткин—по кафедре химической переработки дерева; С. Г. Карманов—(ныне умерший) по каф. органической химии; Клячин по кафедре лесной технологии; В. О. Клер замещает кафедру зоологии (лесное отделение). Кроме того избраны преподавателями: по лесоводству—Демидов; по лесной технологии—Киблер. По металлургической предметной комиссии замещены кафедры: металлургии чугуна и теории металлургических процессов—И. А. Соколов; металлографии—Н. А. Бушков; металлургии цветных металлов—Н. Н. Барабошкин. Не замещены кафедры горячей обработки металлов и металлургии стали (в связи с уходом В. Е. Грум-Гржимайло).

Кафедра металлургии стали вероятно будет замещена в начале учебного года. Переговоры о ее замещении с соответствующими кандидатами ведутся, конкурс объявлен. Кафедра горячей обработки металлов обслуживается преподавателями Б. П. Сергиевским и Ф. Ф. Эйхе.

По химико-технологической предметной комиссии замещены кафедры: общей химической технологии—проф. Ефремов; технической электро-химии—А. Е. Маковецкий (также и по кафедре общей химической технологии); химической переработке дерева—Н. Н. Рогаткин; технологии цветных и благородных металлов—обслуживается по совместительству Н. Н. Барабошкиным. Ведутся переговоры о замещении кафедры технологии силикатов, конкурс объявлен, кафедра пока не замещена. Не замещена также профессора по кафедре основных химических производств, преподавание обеспечено преподавателем С. Н. Остроуховым.

По лесной предметной комиссии замещены кафедры: лесоустройства и таксации—К. С. Семенов; лесной технологии—Клячин; ботаники—А. С. Казанский; зоологии—В. О. Клер, причем курс энтомологии обеспечен известным на Урале специалистом Ю. М. Колосовым.

Не замещена профессора по кафедре лесоводства, переговоры о замещении кафедры ведутся. Кафедру обслуживает преподаватель—Демидов. Что касается межфакультетских предметных комиссий, то замещены кафедры: высшей математики—Н. П. Горин; теоретической механики—Н. П. Горин и преподаватель В. М. Шлыгин; физики—А. М. Титов (физико-математическая предметная комиссия); общей химии Ефремов и Н. Н. Рогаткин; органической химии—С. Г. Карманов; физической химии—В. К. Першке. Незамещенные кафедры аналитической химии, вполне обслуживаются преподавателями Богдановичем, Левиным, Сырокомским, Щербаковой, Владимировым.

Дисциплины механического характера, входящие в круг ведения механической предметной комиссии—обслуживаются самостоятельными преподавателями: прикладная механика—П. М. Шлыгин; сопротивление материалов и стр. механика—Б. П. Горюнов; электротехника—И. В. Стецула; теплотехника—В. А. Каякин, строительное искусство и гитротехнические сооружения—Кац, Барсуков и т. д.

Кафедра общественных наук замещена С. Я. Бобинским; новые языки обслуживаются тремя преподавателями.

В общей сложности.

По факультету	Профессоров	Преподавателей	Ассистентов	Лаборантов	Примечание
Горному	7	13	2	—	При предметных комиссиях. Четыре предм. комиссии и новые явныи.
Химико-металлургическому	10	12	3	4	
Межфакультетским предм. комиссиям	5	25	6	4	
Всего	22	50	11	8	

В прилагаемой таблице не помещены преподаватели, а также профессорские места, замещаемые по совместительству (геодезия, теоретическая механика и т. д.). Из общего числа 42 кафедр, предполагаемых по штатам, всего замещено и обеспечено руководством профессоров 25 кафедр. Следует отметить, что в число 42 кафедр входит 6 кафедр механической предметной комиссии, преподавание на коих обеспечено исключительно самостоятельными преподавателями. Таким образом, по отдельным предметным комиссиям, из 36 кафедр—25 обеспечено руководством профессоров.

Учебно-вспомогательные учреждения.

Состояние учебно-вспомогательных учреждений при Университете рисуется в следующем виде.

При горном факультете имеется снабженный вполне достаточным количеством приборов и инструментов кабинет геодезический; оборудованная лаборатория маркшейдерская с отделами: магнитометрическим, картографическим и службой времени; минералогический музей с лабораторией и практикумом; прекрасно оборудованная лаборатория—кристаллографическая; кабинеты петрографии, геологии, палеонтологии, рудных месторождений с отделом полезных ископаемых Урала; кабинет горного искусства с отделами: бурения, проветривания, освещения и спасательного дела; лаборатория механического обогащения полезных ископаемых; организуются: лаборатория золото-платинового дела и кабинет рудничных сооружений.

По химико-металлургическому факультету и межуфакультетскими предметными комиссиями имеются оборудованные и работающие учебно-вспомогательные учреждения: лаборатории технического анализа, приложений физической химии к заводским процессам, общей неорганической технологии, органической технологии, основных химических производств, сухой перегонки дерева, бумажно-целлюлозного производства, фотографическая, общей химии, качественного анализа, количественного анализа, органической химии, физической химии, лаборатория металлургии цветных металлов, технической электрохимии, металлографии, лаборатория при тепловой испытательной станции (паровых котлов и двигателей), электро-техническая. С начала учебного года приступят вновь к работе лаборатория теории металлургических процессов, сопротивления материалов, кабинет прикладной механики и деталей машин. Организуются кабинет производства чугуна и металлургии железа и стали, лаборатория для исследований высоких температур и давлений, снабженная специальными установками, полученными из Германии. Развертывается лаборатория-технологии силикатов, находившаяся до сих пор в свернутом виде.

Кроме того имеются: кабинет математики и теоретической механики с библиотекой и собранием моделей и демонстрационных, четрежей; лаборатория физическая с библиотекой, практикумом и кабинетом, для исследовательской работы, чертежная и рисовальный зал для студентов I курса, чертежная старших курсов и дипломного проектирования; развертывается на новом месте тепловая испытательная станция (была оборудована еще проф. Усенко.)

Лесная специальность имеет: лабораторию ботаники, зоологии, кабинет энтомологии, лесоводства, лесной таксации и лесоустройства, механической обработки дерева с мастерской при нем; Таватуйское учебно-показательное лесничество; лесной питомник и оранжереи. Общественные науки обладают кабинетом марксизма с психотехнической лабораторией при нем, библиотекой и читальней.

За прошлый 1923—24 уч. год при Университете открыта постоянная выставка-музей уральской промышленности, положено основание и теперь ведутся работы по развертыванию механической и столярной мастерских, занятых до сих пор работой по оборудованию лабораторий и кабинетов Университета.

Фундаментальная и факультетские библиотеки имеют свыше 150.000 томов книг, выписывается большое количество русских и зарубежных журналов. В текущем году лаборатории горного факультета обогатятся вновь закупленными проф. Ортиным в Швеции приборами и оборудованием.

Научно-исследовательская работа.

За истекший 1923—24 учебный год в связи с тем, что почти все наиболее важные лаборатории и кабинеты достигли больших успехов в смысле оборудования, было выполнено значительное число исследовательских работ, как самостоятельных, так и по заданиям промышленности.

Почти каждая лаборатория Университета создавалась при участии и содействии того или иного треста, того или другого государственного промышленного или хозяйственного учреждения, этим объясняется та тесная связь Уралуниверситета с уральской промышленностью, которую можно усмотреть, пробегаая список произведенных лабораториями работ. Не входя в подробное перечисление работ, приведу лишь их число по отдельным лабораториям и кабинетам:

Лабор.: маркшейдерская 5 работ, кристаллографическая 4 работы, обогащения полезн. ископаемых 5 работ, минералогическая 6 работ, электротехническая 6 работ, технического анализа 9 работ, металлографии 8 работ, количественного анализа 5 работ, органической химии 5 работ, неорганической технологии 13 работ, тепловая 1 работа, технической электрохимии 3 работы, физической химии 3 работы, приложений физической химии к заводским процессам 3 работы, сухой перегонки дерева 3 работы, целлюлозно-бумажного производства 2 работы, металлургии цветных металлов 1 работа, металлургии 10 работ, математика и теорет. механика 6 работ, физики 4 работы, кабин. ботаники 3, энтомологии 5 работ, лесной технологии 3 работы. Всего 113 работ.

Около 85—90% этих работ носят исключительно прикладной характер и выполнены по заданиям промышленности.

В этих цифрах иногда, а по первым четырем лабораториям в особенности, единица означает целую серию работ определенного характера и целую группу исследований в определенной области. Число отдельных работ несколько более приводимого здесь числа, ибо не все лаборатории еще дали сведения о своих работах, а некоторые очертили свою деятельность недостаточно полно. Среди этих работ особо крупное значение для уральской промышленности имеют работы лабораторий: маркшейдерской, кристаллографической, обогащения полезных ископаемых, минералогического музея, металлографии, общей неорганической технологии, количественного анализа.

В практической исследовательской работе установлена связь приблизительно с тридцатью различными учреждениями, трестами, объединениями и т. д.

Центр дальнейшей работы технических факультетов лежит именно в этом направлении, в направлении обслуживания промышленности и в особенности уральской, в развитии научно-исследовательской работы. Для объединения всей исследовательской работы и постановке ее на должную высоту, Правление Университета нашло своевременным и необходимым, в интересах работы и промышленности, возбудить перед Главпрофобром вопрос об организации Научно-исследовательского Института.

Научно-Исследовательский Институт при Уралуниверситете будет иметь своей главной целью производство исследований преимущественно в тех областях науки и техники, кои непосредственно связаны с Уралом и его промышленностью. В его задачи будет входить также обслуживание уральской промышленности, путем дачи заключений, консультаций, производства обследований, установок и заводов, составление проектов, установок и заводов и т. д. По разработанному проекту Исследовательский Институт будет состоять из пяти отделов:

1) Добыча, исследование и обработка минеральных ископаемых. 2) Маркшейдерские, геодезические и магнитометрические исследования. 3) Электромеханические и теплотехнические исследования. 4) Химико-металлургические исследования и 5) Изучение дерева и его переработки.

Проект этот получил одобрение Облсовнархоза, Главпрофобра, Главнауки и последнею представляется на утверждение в Государственный Ученый Совет.

Настоящий 1924—25 учебный год встретит лаборатории технических факультетов объединенными и организованными, для планомерной работы по обслуживанию промышленности и выполнению ее заданий.

Издательство и кружки.

Самостоятельным изданием Уралуниверситета являются «Известия Уральского Государственного Университета».

За четыре года своего существования (с 1920 года) Уралуниверситет выпустил два тома «Известий» и заканчивает печатанием третий том. В первом томе, за 1920 год, напечатаны статьи: Горина, Усенко, Шубникова, Грум-Гржимайло, Иольсона и Колосова.

Во втором томе за 1921 год напечатаны статьи: Горина, Стецулы, Шубникова, Мокрушина, Юшкевича, Галли, Титова, Русских, Семенова, Колосова, Шохат.

В третьем томе за 1922 и 1923 год печатаются статьи Горина, Дудина, Зетель, Титова, Павлова, Смирнова, Колосова, Абельс, Першке, Петрашень, Мокрушина.

До конца 1924 года предполагается приступить к изданию «Известий» за 1924 год. Нужно отметить, что многие профессора и преподаватели Университета участвовали в издании и печатали свои статьи и работы в «Трудах У. О. Л. Е», в «Трудах Уральского Медицинского Общества» и т. д. Дело издания «Известий» приходилось налаживать с большим трудом, т. к. на издательство университету не отпускалось ничего и лишь в смете на будущий год бюджетной комиссией Облфинотдела эта статья расходов была признана необходимой.

С организацией Научно-Исследовательского Института возможно будет печатание его трудов и работ.

Кроме печатания статей в своих «Известиях», профессора и преподаватели Университета печатают свои работы также в «Известиях Академии Наук», в журнале Русского Metallургического Общества и т. д.

Широко развилось за последний год студенческое издательство стеклографическим способом. Эти издания в смысле технического исполнения нужно признать вполне удовлетворительными. Студенческим издательством выпущены курсы:

1) «Прикладной механики». В. М. Шлыгина, 2) «Гидравлика» П. А. Карякина, 3) «Электрических станций» И. В. Стецула, Качественный химич. анализ «II.» В. И. Петрашень, 5) «Элементарная теория определения погрешности наблюдений» А. М. Титова, 6) «Физической химии». В. К. Першке, 7) «Руководство к практическим работам по физической химии». В. К. Першке, 8) «Атлас диаграмм по курсу чугуно-плавильного производства». И. А. Соколова, 9) «Алмазное бурение», В. П. Любимова, 10) «Крепление горных выработок» В. П. Любимова, 11) «История горного дела» Гирбасова, 12) «Кристаллография». А. В. Шубникова.

При Университете работал Научный кружок профессоров и преподавателей, созываемый секцией научных работников.

Кружок для докладов и сообщений собирался почти регулярно два раза в месяц в течение всего учебного года за исключением каникулярных перерывов. Не сообщая здесь подробностей, скажу лишь, что состоялось 10 заседаний и заслушано около 20 докладов. Часть докладов и сообщений печатается в III томе «Известий Уралуниверситета».

Организовано «Общество друзей минералогии» при Университете, устав которого послан на утверждение в центр.

Функционировал «Студенческий научно-лесной кружок» при лесном отделении. Устав его также направлен для утверждения.

Работали кружки: «Студенческий металлургический», «Студенческий электротехнический», «Горный кружок профессоров, преподавателей и студентов».

Эти последние кружки должны провести еще работу по оформлению их уставов.

Также работали кружки: 1) «по изучению исторического материализма», 2) «по изучению марксизма», 3) по профдвижению, 4) «Долой неграмотность», 5) «Друзей воздушного флота», 6) «Доброхима», 7) Ячейка МОПР'а.

Учебные планы и программы.

За истекший год были вновь переработаны учебные планы металлургического отделения, химического и инженерно-лесной специальности. Учебные планы металлургического отделения Главпрофобром были утверждены еще в старой редакции, относящейся к этому времени, когда при факультете существовало механическое отделение. В связи с этим правление университета возбудило вопрос о дополнительном утверждении специальности по прокатке, согласно новым учебным планам. Главпрофобром это предложение одобрено и направлено в Государственный Ученый Совет на утверждение.

Учебные планы химического отделения в истекшем 1923—24 году утверждены, учебные планы горного факультета утверждены еще в 1922—23 учебном году.

Учебные планы лесной специальности еще не утверждены в связи с невыясненностью вопроса о преобразовании этой специальности в отдельный факультет.

За 1923—24 уч. год разработаны программы по всем читаемым на технических факультетах курсам и практическим занятиям, и пересланы в Главпрофобр. На основании присланных материалов Главпрофобром будут разработаны примерные программы по различным курсам. В текущем 1923—24 году было приступлено к обсуждению чисто методических вопросов.

Советом горного факультета избрана особая комиссия во главе с проф. Соболевским для разработки методических вопросов. Как завершение этой подготовительной работы, была организована публичная дискуссия на тему: «Каким инженерам нужны Уралу». В дискуссии приняло большое участие число приглашенных представителей производственных, хозяйственных и наробразовских организаций. Нужно полагать, что в 1924-25 учебном году работа в этом направлении будет продолжаться.

Летняя практика студентов в 1924 году.

Главпрофобром большое значение придается летней практике студентов, как это было сообщено на последнем совещании ректоров при Главпрофобре. Такая точка зрения на летние практические работы вполне понятна и уместна.

Однако в истекшем году (лето 1924 года) летняя практика в Уралуниверситете едва не была сорвана по вине центральной комиссии по летней практике.

Ни один ВУЗ и ВТУЗ не имеет права посылать своих студентов на практику, не получив почтой разверстки мест по заводам и трестам от Центральной Комиссии.

По Горному факультету эта разверстка получена была 22 мая, а по Химико-Металлургическому — 19-го июня 1924 года. Поверочные комиссии должны были

закончить свои работы к 1-му июня. Таким образом уже разверстка по горному факультету явилась запоздалой, ибо к этому времени была закончена почти вся работа по техническим факультетам в части ВУЗ'овской комиссии, а получение разверстки по химико-металлургическому факультету 19-го июня означало бы полный срыв практики, еслибы технические факультеты не находились в ближайшем соседстве с самим производством.

Не останавливаясь на подробностях, сообщу лишь, что горному факультету центральной комиссией было предоставлено всего 57 платных мест, из них вне Урала (Грозный)—два места и по химико-металлургическому 92 платных места и из них 32 вне Урала.

Ввиду длительного неполучения сведений о распределении мест по летней практике от центральной комиссии, правление университета и местная комиссия по летней практике приняла меры к распределению студентов на практику при помощи и содействии Уралоблсовнархоза. Уралоблсовнархозом, на основании имеющихся у него мест и заявок университета, было предоставлено 238 мест на заводах Урала по следующим специальностям: электро-техников и электриков—15, горняков—73, металлургов—74, теплотехников и механиков 25, химиков—25, таксаторов—1, лесников—3, геолого-разведчиков—15, золото-платиновое дело—7, из них по горному факультету 95 мест и по химико-металлургическому—143.

Эти цифры были в состоянии лишь удовлетворить старшие курсы и поэтому как правило, было принято решение о раскомандировании на практику студентов старших курсов, начиная со второго.

По химико-металлургическому факультету в окончательном виде состоялось следующее распределение студентов по трестам:

	Дано мест	Отправлено на практику
Уралмедь	7	7
Пермский трест	10	10
Надеждинский комбинат	10	10
Камураллес трест	17	13
Уралплатина	3	2
Средне-Уральский трест	34	35
Гормет	19	20
Южно-Уральский трест	26	26
Уралхим	10	10
В с е г о	136	133

По Горному факультету:

	Дано мест	Отправлено на практику	Примечание
Уралмедь	10	11	Семь мест было предоставлено Облсовнархозом студ. других ВУЗ'ов ввиду задержки студ. Горфака на геодезической практике.
Кизелкопи	20	19	
Пермский трест	3	1	
Надеждинский комбинат	2	2	
Уралплатина	30	30	
Золоторуда	9	12	
Ураласбест	10	6	
Средне-Уральский трест	2	1	
Русские Самоцветы	2	2	
Южно-Уральский трест	7	4	
В с е г о	95	88	

Кроме того на пермский орудийный завод командировано двое. Таким образом по Уралу было распределено 223 студента. Из мест, предоставленных центральной комиссией по летней практике, было использовано: два места в Грознефти,

одно в Сормовском заводе, одно на Ленинградской бумажной фабрике «Коммунар» — всего 4 места из 34, предоставленных вне Урала. Горный факультет свои два места вне Урала успел использовать. Студентов же химико-металлургического факультета, ввиду полной безнадежности своевременного получения распределения центральной комиссии, правление университета раскомандировало на практику по Уралу.

Кроме заводской практики была проведена геодезическая практика для студентов горного факультета и таксационная и геодезическая практика для студентов лесной специальности в показательном Таватуйском лесничестве. Студенты, как горняки, так и студенты химико-металлургического факультета были снабжены инструкциями по проведению летней практики.

По техническим факультетам на 1-ое мая числилось студентов.

Количественный состав студентов.

Факультеты	Отделения					Примечание
		I курс	II курс	III курс	IV курс	
Горный факультет	Геолого-разведочный	80	45	7	—	132
	Рудничное	62	37	1	3	103
Химико-металлургич. факультет	Металлургическое	163	84	25	27	299
	Химическое	39	27	9	8	83
	Лесная специальность	30	37	2	—	69
		374	230	44	38	686

III к. 299 и IV к. вместе с механиками.

На первое августа 1924 года имелось студентов вместе с переведенными в другие ВУЗ'ы.

Факультеты	Отделения					Примечание
		I курс	II курс	III курс	IV курс	
Горный факультет	Геолого-развед.	70	36	5	—	111
	Рудничное	50	31	1	1	83
Химико-металлургич. факультет	Металлург.	141	71	23	25	260
	Химическое	31	23	8	7	69
	Лесная специальность	24	26	2	—	52
		316	187	39	33	575

В настоящее время закончил курс последний студ. руд. отд. Двое кончили до 1-го августа.

В истекшем году состоялся первый выпуск инженеров. Выпущено четыре человека с горного факультета—рудничного отделения и двое с химико-металлургического-металлургической специальности. В первом семестре 1924/25 уч. года предполагается вновь выпуск студентов по металлургической и химической специальностям.

Новый прием.

Ввиду уменьшенного приема студентов на 1924/25 уч. год по всем ВУЗ'ам вообще, комплект принимаемых лиц в Уралуниверситете (на технические факультеты) установлен был первоначально в 100 человек. Дополнительной телеграммой Облесполкому было сообщено, что прием увеличен до 130 человек, из них 50 на Горный и 80 на Химико-металлургический. Кроме того четыре места на 1 курс предоставлено екатеринбургской секции научных работников, из них два на Горный и 2 на Химико-металлургический факультет.

Из 80 человек, назначенных на Химико-металлургический, предполагается принять 40—на металлургическое отделение, 20—по лесной специальности. На Горном факультете первый курс общий по обоим отделениям.

Правление университета не имело официальной разверстки 100 человек по рабфакам от Главпрофобра. Имеется лишь сообщение уполномоченного университета из Москвы, что 100 человек распределяются следующим образом: Совнацмен—2 места. Архангельский Рабфак—2, Ярославский—1, Иркутский—3, Пермский—7, Уральский—70, Туркестанский—2, Оренбургский—2, Владикавказский—5, всего 94 места. Остальные шесть мест очевидно предназначены для лиц по партийным командировкам (общее извещение Главпрофобра определяет 95 мест для рабфактов и 5 для Ц. К. Р. К. П.).

Дополнительные 30 мест, как можно заключить из сообщений Главпрофобра, точно также будут распределяться между рабфаками, причем 15 мест уже предоставлено Оршанскому и Минскому рабфактам.

Прием на 1 курс во ВТУЗ'ы в 1924/25 учебном году ограничивается исключительно лицами, окончившими рабочие факультеты, причем, согласно телеграммы Замнаркома г. Ходоровского, места, незаполненные рабфаковцами, разрешается заполнить абитуриентами других категорий (окончившими техникумы, школы II ступени и т. д.).

Такое же исключение из общего правила разрешено провести и по отношению к тем специальностям, по которым не будет заполнен установленный комплект.

Согласно специальных инструкций приемным комиссиям, прием и восстановление в правах лиц, исключенных комиссией по качественной проверке студентов в текущем году, не допускается; восстановление в правах бывших студентов разрешается при условии, чтобы перерыв в учебной работе был не свыше трех лет. Переводы из одного ВУЗ'а в другой и с факультета на факультет производятся в общем порядке через приемные комиссии, переводы студентов из закрываемых ВУЗ'ов—по специальным разверсткам Главпрофобра. В Уралуниверситет на II курс химического отделения переводится 30 человек студентов ликвидированного Казанского Политехнического Института. Возможен также перевод студентов из других ВУЗ'ов и по лесной специальности.

ТАМПОФольский.

Рабфак к началу учебн. года.

В новом учебном году Рабфак численно значительно сократился сравнительно с прошлым и прежними годами.

Всего только 635 студентов, вместо 720 прошлого, 1923 г. (в 1921 г. по окончании приема на Рабфаке считалось свыше 900 студентов). Соответственно сократилось и число групп: вместо 26 прошлого года (36—1921 г.), мы имеем всего 20 групп: 6 на первом курсе, 8 на втором и 8 на третьем.

Это количественное сокращение, за счет качественного как со стороны классово-учебной, так и учебной, улучшения состава студенчества, значительно облегчает и упрощает работу академических организаций факультета. Производственные предпосылки, как основа учебных занятий, намечающие естественный подход к рабочей аудитории, без искусственного надлома классово-идеологии студентов-рабочих, и обеспечивающие наиболее понятное и легкое усвоение научных знаний преподаваемых на Рабфаке, отчасти нащупанные в течение работы прошлого учебного года, в наступающем—могут проводиться с достаточной настойчивостью.

К сожалению, материальные условия нашего Рабфака, по-прежнему, остаются не вполне удовлетворительными, и нам не удастся и в текущем году осуществить в той мере, в какой это необходимо, лабораторно-исследовательский метод занятий учащихся. Но на сколько позволят средства, будут усилены физический, естественнонаучный и литературный кабинеты; будет заложен кабинет математический. Не зависимо от этого будут приняты меры к установлению постоянной связи с научно-вспомогательными учреждениями университета, главным образом, по использованию чертежных мастерских и химической лаборатории. Между прочим, мы еще не подвели итогов каникулярных работ наших студентов.

Если выяснится, что летние задания по собиранию производственно-учебных материалов и разного рода коллекций выполнены хотя бы на половину, наши кабинеты будут снабжены весьма ценными демонстративными пособиями.

Приступая к учебным занятиям, мы знаем, что нам еще многого не хватает, чтобы работа нашего Рабфака вполне удовлетворяла жизненным требованиям современной пролетарской школы.

Но здесь, как и в других областях хозяйственной и культурной деятельности Советских Республик, все говорит за то, что мы неизбежно движемся по пути ленинизма. Дело самих рабфаковцев и, в особенности, рабфаковцев нового приема, еще полностью дышащих ароматом производственно-трудового Урала, товарищески помочь нам в дальнейших исканиях этого пути, приняв самое активное участие в общей работе.

Т. КАМЕНЕВ.

Старая и новая школа.

(К началу нового учебного года).

I.

Школа—явление общественного порядка, которую нельзя рассматривать изолированно, вне связи с той сложной организацией, какую является человеческое общество. Школа—не только неразрывная составная часть общественного организма определенной эпохи, определенной структуры,—звено в надстройке над материальным базисом, школа является своеобразным отражением внутренней сущности самого общества.

Под старой школой—мы подразумеваем, конечно, школу ближайшего к нам прошлого—школу при капитализме, буржуазную, без анализа и критики которой нельзя понять новые черты современной школы, нельзя сознательно участвовать в строительстве этой новой школы.

При рассмотрении феноменов капиталистического общества необходимо помнить, что отличительной особенностью социологических категорий капитализма является то обстоятельство, что, выражаясь высоким стилем, нумен и феномен не всегда совпадают: сущность явлений и их внешнее проявление, так сказать, не покрывают друг друга. Без уяснения этого основного признака нельзя понять ни одного общественного явления капиталистического общества, двойственный характер, причину и сущность которого мы попробуем разобрать ниже,—проникать всю структуру капитализма, все его отдельные формы и всю богатую государственно-правовую и идеологическую надстройку.

Необходимо оговориться, что на данной стадии развития человеческого знания аналогичными особенностями обладают категории и других отраслей знания, а не только обществоведения, но разбор этого нас завел бы слишком далеко.

Вся задача при познании общественных явлений капиталистического общества и заключается в том, чтобы за обманчивою видимостью внешних проявлений познать скрытую за ними истинную сущность.

С этой точки зрения и необходимо подойти к анализу и пониманию структуры старой буржуазной школы, причем, с точки зрения методической (а пожалуй и методологической), удобнее начать с видимости явления, с внешнего проявления.

«Старая школа заявляла, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще» (Ленин. Речь на III-м Съезде Р.К.С.М.). Дальше—школа должна стоять вне политики, школа аполитична. Последнее—школа существует для всех, там может учиться каждый, независимо от его положения в обществе.

Вот основные черты буржуазной школы, вот ее основные признаки. Рассмотрим их по порядку; начнем с последнего. Если вспомнить недавнее прошлое, то, с первого взгляда, действительно кажется, что это утверждение соответствует истине: за немногими исключениями (привилегированные учебные заведения)—школы не закрывали двери ни перед кем—в русских университетах учились наряду с детьми дворянства и буржуазии дети мелкого чиновничества, были выходцы из крестьян и даже рабочих и т. д.

Впечатление получалось такое, что в университете, что называется, полная демократия, полное равенство.

Второе—школа вне политики, вне партий; школа—в роли науки, где служат чистой беспристрастной истине, стоящей выше житейских невзгод и тревожений. Истина абсолютна; она не идет ни за какой партией, она—ценность высшего порядка, ценна сама по себе, вне зависимости от классовых и групповых интересов. Ученый жрец науки, служитель этой истины, хранитель чистоты знания, готовый умереть за истину и т. д., и т. п.

Все это наиболее излюбленные заявления официальных представителей официальной университетской науки. Этими «священными» лозунгами профессора покрывали—в первое время после Октябрьской революции, свое нежелание допустить в университеты Советскую власть, ибо политика в школе «ведь это профанация науки».

Подобные мысли, положим, (к сожалению) не выветрились из высшей школы еще и до сих пор: жалобы на засилье марксизма, на душение «свободной» научной мысли в области обществоведения не прекращаются и до настоящего времени. И эти утверждения имеют под собою видимость истины. В самом деле—разве положения математики зависят от того, какая партия стоит у власти, какой образ правления существует в стране. Разве свойства электричества будут другие при другом общественном строе и т. д.

Последнее утверждение—школа создает человека всесторонне образованного. Если обратиться к программам прежних средних школ, да и высших, пожалуй, то действительно приходится удивляться, как вмещали головы учащихся ту уйму знаний, которая преподавалась. Одно перечисление «наук» займет достаточное количество бумаги: тут все отрасли человеческого знания: естествознание с его разветвлениями, гуманитарные науки, не забывались даже классические древности (латинский и греческий языки) и т. д.

Во всяком случае для упреков в односторонности, как будто нет особенных оснований.

Повторяем, такова видимость явлений.

Попробуем добраться до их сущности; здесь-то нам и поможет то предварительное замечание, которое мы сделали в начале статьи.

Равенство. О каком равенстве может идти речь в классовом обществе? Нам отвечают—о равенстве юридическом, равенстве пред законом. Вот здесь то и начинается расхождение: равенство писаное, по закону, вопреки, м. б., законам математики, не равно фактическому равенству, ибо... существует имущественное неравенство, неравенство в отношении людей к средствам производства, отсюда деление людей на классы, т. е. на имущих и неимущих, на буржуазию и пролетариат, которые (это признает, когда ему выгодно и буржуй), конечно, не равны между собою; владелец средств производства и владелец единственного товара—рабочей силы—противостоят друг другу, как две составные части капиталистического отношения, части одинаково необходимые для господина капитала, но противоположные друг другу.

Отсюда все качества... Рабочий по закону мог обучать своих детей в гимназии (прямых запрещений по этому вопросу в законе не было), но рабочий не мог воспользоваться своим правом, потому что у него не хватало мелочи, пустяка...—не было средств содержать своих учащихся детей. Но ведь в этом, согласитесь, они предпочитают оставаться в темноте, вот чем утешала себя либеральная буржуазия, т. к. выходило и овцы целы и волки сыты: и закон соблюден, и «кухаркины дети» не допускались в гимназию. Когда этого экономического препятствия было недостаточно и «кухаркины дети» все-таки просачивались в среднюю школу, русская буржуазия не брезговала и прямым, как мы помним, запрещением доступа в школу детям пролетариата.

Дальше—школа вне политики.

Во первых—стоять вне политики есть тоже своеобразная политика. Это было средством для либеральной буржуазии и ее университетских представителей т. г. профессоров—средством пассивного сопротивления против грубого, часто чрезвычайно невежественного (вспомним историю Казанского университета) вмешательства феодально-дворянской власти в жизнь университета, когда, ученые обязаны были даже при математических доказательствах прибегать к фетишу божественной силы, и когда после всех необходимых для формально-логического доказательства условий треугольники могли быть только с божьей помощью равны.

При таких условиях единственным средством отгородить себя от отживающей дворянской власти нужно было противопоставить своеобразную политику—поставить университеты вне политики.

По мере развития в России капитализма, а, следовательно, и укрепления буржуазии, тактика была изменена, школа имела свою политику, буржуазную политику. Как наиболее яркое проявление этого, при высшем развитии буржуазии, мы не можем не отметить в печати мало известного явления, как отразилась последняя империалистическая война на школе. Я в то время был студентом одного из специальных высших учебных заведений в России. И вот, с начала 1914 года вдруг читаемые курсы начали принимать своеобразное, новое содержание, напр., финансовое право превратилось в цикл лекций по вопросу: «финансы и война», с определенным, конечно, уклоном—необходимости всемерно поддерживать, пропагандировать и распространять среди населения военные займы.

Но этим дело не ограничилось, появился новый курс,—объявленный одним черносотенным профессором и признанный правлением обязательным «ближневосточный вопрос».

В курсе самым «беспристрастным» и «научным» способом доказывалось, что Россия имеет все несомненные права на Константинополь и Дарданеллы... Это не анекдот: студенты это заучивали и сдавали. Жалею (история много потеряла), что курс лекций не появлялся в печати; студенты готовились по запискам и соответствующим статьям Милюкова из «Речи».

Еще один факт. В старом заслуженном научном юридическом об-ве при университете в нашем городе (там, где я учился) на торжественном публичном заседании тот же профессор читает высоко-научный доклад на тему крылатой фразы Милюкова: «Дарданеллы—ключ от собственного дома». Полагаю, что комментарии излишни.

Но это, так сказать, откровенные проявления буржуазной политики в школе. Но и помимо этого весь строй школы, вся система преподавания была проникнута ясной и определенной политикой,—приготовить агентов капитала. Это особенно отражалось на, так называемых, гуманитарных науках: закон божий заранее ставил границы пытливой мысли учащихся; история внедряла дух великодержавного русского патриотизма; древние языки упражняли мысль на отдаленных от жизни явлениях и т. д., и т. п.

Многопредметность загружала память учащихся лишним хламом, ненужным балластом совершенно бесполезных сведений и т. д. Одним словом, ученик с первых шагов становился в такие рамки, что его мировоззрение формулировалось в определенном направлении, удобном для господствующего класса. Недаром лексикон русского языка обогатился новым словом «вышколить»—выражение достаточно удачно схватывает сущность школьной муштры и переделки поступающего в виде сырого материала ученика в определенный готовый продукт, агента капитала.

Наконец, последнее—школа готовит всесторонне образованного человека и т. д.

Во первых, всестороннее развитие человека основано на непрерывном соединении и правильном сочетании физического и умственного труда. В школах с самого начала и до конца отрывают учащихся от физических работ и готовят людей только умственного труда.

Это, конечно, естественное отражение общественного разделения труда в самом капиталистическом обществе, где физический труд, труд непосредственного производства ценностей является уделом одного класса—пролетариата, а умственный труд является привилегией класса капиталистов.

Следовательно, средняя и высшая школа, вопреки своим заявлениям, заранее уже готовят людей привилегированных.

Самое понятие—образованный человек включает в себе содержание: человек, стоящий выше обычного уровня, выше массы, черня, стоящей над нею. Отсюда исторически выработалось, что образованному человеку необходим определенный объем знаний, хотя практически и ненужных, но отвечающих требованиям образованного «своего» круга людей.

Отсюда излишнее нагромождение ничемных сведений, отупляющих разум, засоряющих память, но, необходимых для «образованного» человека, т. е. человека высшего круга, высшего об-ва. Вспомним хотя бы обычай говорить на французском языке (чтобы другие, необразованные, не поняли, отделать себя от них, поставить выше), на котором говорила российская аристократия, определенная манера держаться и т. д.

Даже такая мелочь, форма для учащихся: мундир, тужурка играли свою роль; это внешний признак раннего выделения, отделения будущего представителя умственного труда, чиновника, начальства от простого народа.

Все до мелочей в школе было отражением своего общества, капиталистического общества. Все заявления буржуазии были насквозь лживы, «ибо все общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплуататоров и угнетенных» (Ленин. Речь на III-м Съезде РКСМ).

Каждый класс общества свою культуру считает общечеловеческой культурой; буржуазия свой строй тоже считала вечным, а свою культуру непреходящей.

Мы знаем, что всякое классовое общество построено на эксплуатации, на угнетении, но мы должны не забывать различия в формах эксплуатации, присутствующих исключительно той или другой структуре общества, ибо эта форма не остается без влияния на остальные стороны общественной жизни, в частности форма эксплуатации при капитализме помогут нам найти объяснение к, так называемой, двойственности, двусторонности всех социологических категорий капиталистического общества.

Возьмем помещичье—крепостное общество. Там было два основных класса: помещики и крепостные. Прибавочный труд крестьян в пользу помещиков был явным, открытым, ясно выраженным юридически: определенную часть продуктов своего труда крепостные обязаны были отдавать в пользу помещика.

При барщинной, напр., системе прибавочный труд и необходимый труд различались и по месту, и по времени: три дня, предположим, в неделю крестьянин работал на барском поле, другие три дня на своем. Эксплоатация носила открытый характер.

Отсюда и вся идеология общества строилась по этому принципу: люди—это господа, помещики, для них и только для них существуют все блага культуры: наука, литература, школа и т. д.; крепостные—это рабочий скот, люди низшего разряда, для них не нужны ни школа, ни грамота и т. д. Вспомним, что в России, примерно, к Тургеневу относится «открытие», что крепостной крестьянин—«тоже человек». До этого времени, до этого открытия—эта «научная истина» лежала вне разума господ помещиков и существовала, так сказать, «für ich»—для себя, выражаясь по-кантовски, но не für uns,—не для нас, не для образованных помещиков.

Совсем не то при капитализме. Рабочий, создающий прибавочную ценность для капиталиста—наемный рабочий, он юридически свободный человек, «равный» капиталисту в этом отношении; «свобода» договора найма закрывает истинную сущность общественного капиталистического отношения. Заработная плата рабочего, как плата за его труд в производстве, являясь по форме ценою этого труда, создает видимость, что рабочий получает полностью цену затраченного труда.

Потребовался анализ Маркса (на этом вопросе спотыкнулась вся классическая политическая экономия до Рикардо включительно), чтобы выявить, что заработная плата является ценою рабочей силы, а не ценою труда, что «цена труда» выражение иррациональное, что необходимо отличать стоимость рабочей силы от стоимости созданного ею продукта, рабочую силу от ее функционирования. Продукт, созданный функционирующей рабочей силой, и рабочая сила—ценности не равные; первая больше второй, что ценность этих величин объясняется различными причинами: ценность рабочей силы зависит от ценности ее воспроизводства, т. е. от минимума средств существования рабочего, а ценность продукта, ею созданного—от продолжительности ее функционирования и от общественно-технических условий производства (производительность труда).

Следовательно, эксплуатация, с падением крепостного права, не отпала, а приняла другую форму, скрытую, ушла в землю, стала невидима для глаз, для поверхностного наблюдения. Но сущность осталась та же: труд рабочего разделяется на две части: необходимый и прибавочный; первый воспроизводит стоимость рабочей силы, рабочий создает ценность, равную заработной плате; второй—прибавочный труд создает прибавочную стоимость для капиталиста. Изменилась только форма рабства,—говорит Маркс,—сущность осталась та же:—эксплоатация одного класса другим.

Сама форма заработной платы, повременная и сдельная, окончательно скрывает сущность явления: почасовая плата—в самом названии выражается, что плата за весь день и при этом совершенно ускользает от наблюдения тот факт, что часть рабочего дня не оплачивается; почасовая—сдельная указывает, что оплачивается весь труд, потраченный на изготовление данной вещи, данной штуки товара и т. д.

Вот это основное в капиталистическом обществе.

Эксплуатация носит скрытый характер.

Это явление, как я уже указал выше, накладывает свой отпечаток на всю надстройку капиталистического общества, начиная с государственного строя, кончая частным бытом буржуа: всюду ложь, лицемерие и обман, блестящая внешность и эксплуататорское содержание.

Укажем основное.

За демократией, всеобщим равенством и т. д. скрывается диктатура буржуазии; в международных отношениях между буржуазными странами, «язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли», т. е. говорится, проявляется одно, а делается другое; даже в частном быту за чрезвычайно корректным и вежливым обращением скрывается взаимная ненависть. Эта ложь проникает в искусство, литературу, религию и т. д. Проследить отношение основного признака строения классово-капиталистического общества до деталей, во всех указанных областях жизни, представляет громадный научный интерес и является чрезвычайно благодарной задачей для молодых исследователей марксистов. До сих пор еще этого не сделано, вопрос ждет своего «нового» ученого. Эта же черта отражается и на школе: ложь, двойственность, лицемерие пропитывают всю жизнь в школе.

Теперь обратно—уяснив кратко сущность структуры буржуазно-капиталистического способа производства, вернемся вновь и подведем итоги, как это преломляется в школе.

Капиталистическое общество, построенное на скрытой эксплуатации, имеет кроме того следующие черты: конкуренция, т. е. борьба всех против каждого и каждого против всех, отсюда—развитие индивидуализма—сильный побеждает слабого, крупный капитал поглощает средний и мелкий.

Система школ и система программ знаний в школе довольно точно отражает это явление. Наука, как нечто единое, цельное не существовала при буржуазно-капиталистическом обществе, вся сумма человеческих знаний разделялась на множество предметов, специальностей, причем узкая специализация является на определенной стадии развития производительных сил, необходимым условием увеличения производительности труда—в дальнейшем становится тормозом для этого развития. В науке и школе повторяется, отражается то же, что происходит и в производстве: первым способом капиталистического производства, как известно, являлась мануфактура с ее далеко идущим разделением труда, детальным рабочим и частичным орудием. Как мануфактурный способ производства, калечив рабочего, развивая узко и односторонне одну какую-нибудь его способность и подавляя многостороннюю игру мускулов и нервов человеческого организма, точно так же специализация в науке, в школе давала односторонне развитых людей.

При этом надо отметить, что форма производства научных, «духовных» ценностей чрезвычайно сильно отставала от форм производства ценностей материальных: в то время, как последнее при капитализме в основных отраслях хозяйства носило общественный характер, когда в крупных фабриках и заводах концентрировались тысячи рабочих, работающих коллективно, связанных друг с другом, в области создания научных ценностей преобладает еще и до сих пор отсталый, индивидуальный, ремесленный способ производства, когда в своей лаборатории (мастерской) профессор (мастер) со своими лаборантами (подмастерьями) отдельно, изолированно от других производит свою работу,—это остался в высшей школе и по сие время. Коллективной работы в научной среде мы пока еще не знаем.

В университетах до самого последнего момента сидело средневековье—кафедра (церковного происхождения), самая номенклатура общественной иерархии—доктор (мастер), доцент (подмастерье), студент (ученик). Полагаю, что пролетарское студенчество сумеет внести в эту среду новую жизнь...

II.

Перейдем к основным чертам новой школы.

Элементы новой школы, как и элементы нового бесклассового общества, вырастают в недрах общества капиталистического. Как известно, неизбежным спутником капитализма является пролетариат; по мере развития капитализма, растет мощь пролетариата, этого основного элемента, фундамента, на котором должно строиться новое общество.

В системе обучения детей пролетариата и закладываются первые ростки новой школы.

«Как ни убоги в целом были параграфы фабричного закона относительно воспитания малолетних рабочих, они все-таки обявили элементарное образование обязательным условием для употребления детского труда. По английскому фабричному закону, родители не могут посылать своих детей моложе 14 лет на фабрики, «находящиеся под контролем», не давая им одновременно элементарного образования. Фабрикант отвечает за соблюдение этого закона. «Обучение фабричных детей обязательно и есть условие работы».

Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и гимнастики с физическим трудом,—следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора скоро узнали из свидетельских показаний школьных учителей, что фабричные дети, хотя они учатся во времени вдвое меньше обыкновенных учеников, успевают столько же и часто даже больше... «В фабричной системе вырос зародыш воспитания будущего, которое для всех детей свыше известного возраста соединит производительный труд с обучением и гимнастикой, и это будет не только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитого человека» (К. Маркс. Капитал. 1, 300—341).

«Если фабричное законодательство, в качестве вырванной с трудом у капитала первой уступки, соединило элементарное обучение с фабричной работой, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание рабочим классом политического господства завоюет в школах для рабочих место теоретическому и практическому обучению технологии».

(Там же, стр. 344).

Таковы заветы Маркса.

В настоящее время среди педагогов—марксистов можно считать установленным, что положения Маркса остаются в силе: целесообразность соединения физического труда с обучением—никем не оспаривается. Вопрос только в том, имеются ли в настоящее время достаточные для этого материальные предпосылки, спор идет о темпе приближения к этому идеалу.

Если представитель ленинградских рабфаков тов. С. Шведов предлагает произвести соединение производства и обучения сейчас, в настоящем учебном году, то, с другой стороны, товарищи—возглавляющие отдел рабфаков: т. Вихирев, Колеснев и др. рекомендуют—осторожность в этом направлении. Тов. Шведов пишет: Рабочие факультеты должны быть целиком и полностью увязаны с производительным трудом и современной действительностью, а потому они должны быть реорганизованы так, чтобы обучение на них не было связано с отрывом от производства во всех его видах (по примеру вечерних рабочих факультетов) («Правда» от 18 июля с. г.).

Не входя в этот спор по существу, необходимо установить одно, что принципиально, повторяю, эта точка зрения не встречает возражения. Как бы то ни было, работа в этом направлении соединения теории и производственной практики

ведется во многих местах. Здесь необходимо отметить ответ Урало-Сибирского Ком. Университета, с его летними практическими занятиями студентов, занятиями, давшими, несмотря на ряд ошибок, чрезвычайно интересные результаты.

В «Известиях Ц.И.К.» от 2 сентября с. г. № 199—имеется сообщение, что в ВСНХ разрабатывается проект организации образцового металлообрабатывающего завода для работы студенчества ВТУЗ'ов гор. Москвы, выдвинутый Московским бюро пролетарского студенчества и в идее, поддержанный т. Дзержинским... «Студенты проводят свои работы на заводе академическими группами по принципу кооперативной системы, по которой студенты курсов разбиваются на три группы, каждая из которых 4 месяца (один триместр) должна работать на заводе».

Таковы—факты. Полагаю, что они не единичны.

Рассмотрим теперь поближе основные черты новой школы.

Наиболее типичными в этой отношении являются рабфаки и партийные учебные заведения.

Прежде всего, состав слушателей жестко-классовый—рабочий, с определенным процентом, крестьянской молодежи и с ограниченным количеством—представителей других слоев. В данном случае, определенно, классовый, пролетарский состав в частности Рабфака—есть, конечно, отражение современного общественно-политического строя после революции: преобладание пролетариата в школе есть отражение диктатуры пролетариата в обществе.

Социальный состав слушателей налагает определенный отпечаток на весь строй школы, на содержание предметов, на систему преподавания.

Как известно, отличительные черты пролетариата, как класса, следующие: 1) активность, 2) коллективизм, 3) практицизм и конкретность мышления.

Все эти черты выковываются у пролетариата в силу его положения в обществе: он непосредственный участник производства, его деятельность—есть сплошная борьба; создавая материальные ценности, пролетариат изменяет материю, борется с природой; в процессе классовой борьбы—революция, забастовки и т. д.—пролетариат выковывает психологию борьбы и в обществе. Самый процесс производства при капитализме, носит, как известно, общественный характер, где отдельный рабочий—неразрывная часть производственного целого.

Новая школа, в том числе и Рабфак, должна исходить из этих основных черт психологии пролетариата и в процессе обучения расширяет и углубляет их. Конечно, лучшим способом для этого, было-бы, бесспорно, соединение обучения с непосредственным участием студентов в производстве. Но и при отсутствии этой возможности, работа в новой школе носит совершенно иной характер, чем в школах капиталистического общества.

Если всю систему и характер преподавания поставить так, что исходным пунктом работы будет служить производственный и революционный опыт пролетариата, то, естественно, отпадут прежде всего все те части абстрактно-теоретических знаний, которые имеют целью—знание для знания, для абстрактно—абсолютной истины, остается только то, что необходимо для практики.

Даже наиболее теоретические, казалось бы, отдаленные от грешной практики предметы принимают земную практическую окраску: эстетическая точка зрения в литературе заменяется изучением языка, слова, как орудия в классовой борьбе, как организующего момента классового самосознания, классового мировоззрения; история принимает форму истории классовой борьбы, на которой пролетарская молодежь изучает стратегию и тактику борьбы за свое освобождение; политическая экономия—подводит фундамент под изучение строения об-ва и т. д.

Вместе с тем необходимо практически разрешить на рабфаках (у нас он еще не изжит) следующий вопрос: объединить в одно целое чисто-учебные занятия студентов в аудиториях, с их общественно политической жизнью. Все студенты рабфака, члены профессиональных союзов, большинство партийные или члены РЛКСМ; у них свои общественные обязанности, своя общественная работа—собрания, доклады и т. д. Перекинуть мостик от работы в аудитории к студен-

ческой общественной работе—одна из ближайших задач в частности на нашем рабфаке. Мы считаем это не резко возможным, но и плодотворным для обоих видов работы.

Цикл естественно-математических наук, как будто наиболее объективная часть знания и менее всего подвергающаяся изменению в зависимости от перемены общественного строя,—и тот постепенно принимает новый облик. Характерны в этом отношении новые, утвержденные Гусом, программы для рабфаков, которые, хотя и остановились на полпути, но несомненно самый путь наметили правильно: естественные науки принимают жизненно-практическое значение, что отражается даже в самих названиях: «биологические основы народного хоз-ва», «физиология человека, в связи с физиологией труда» и т. д.

В объяснительной записке к программе по математике прямо рекомендуется—«выпускать теоремы, не имеющие практического применения и со сложными доказательствами».

Несомненно, что закрепляя определенный этап в развитии рабочих факультетов, новые программы, хотя и достаточно робко, взяли курс правильный. Ведь здесь осторожно намечается вообще новое распределение знаний.

Новое общественное содержание общественного производства в переходный период, когда коллективный рабочий—из категории наемного рабочего превращается в коллективного хозяина производства, не может не отразиться и на самой структуре знания. Прежде при капитализме—представитель знания противостоял пролетариату, как агент капитала, на долю рабочего выпадала только исполнительная функция, на долю инженера—техника, обладающего знанием—функция распорядительская, организационная.

Это отделение умственного труда от физического было основой общественного разделения труда—капиталу принадлежала роль организатора, он же покупал и знание в виде представителей науки, приглашая их к себе на службу; пролетариату, наоборот, подлежало только неукоснительно выполнять приказания, распоряжения капиталиста или его представителей.

В настоящее время, в эпоху строительства нового общества, постепенно исчезает и основа капиталистического общественного разделения труда. Труд исполнительский и труд организатора приближаются друг к другу, концентрируясь в руках пролетариата, как класса. Рабочие на заводе и через своих выборных, и непосредственно сами в различных совещаниях, собраниях активно участвуют в организационной работе производства: обсуждают производственные программы, указывают на технические недочеты и т. д.

Это соединение знания с непосредственной практикой, эти элементы нового общества, не могут не отразиться и на самом знании, и, прежде всего на пролетарских школах.

Студенты рабфаков исходным пунктом знания не могут не считать свою прежнюю практическую деятельность; да и критерием правильности знания является проверка его на практике. Отсюда естественно отпадают все чисто схематические части прежде преподаваемых предметов; разрозненные на отдельные предметы—знания вновь концентрируются, объединяемые единой человеческой практикой—борьбой пролетариата с природой и обществом. Приближением к этому единству науки, как известно, является комплексный метод, постепенно пробивающий себе путь в школу.

Незыблемые прежде границы между отдельными предметами, как незыблемые перегородки между отдельными классами при капитализме, после революции, когда последние перегородки между классами—основательно перетряхнуты, стираются, знание—как организованный опыт человеческого общества—перекраивается заново, по новым принципам, при этом, при новой группировке, при влиянии друг на друга прежде строго отделенных предметов—дело только выигрывает, уничтожаются параллелизмы, вырабатывается единый метод и т. д.

Все это только начатки того великого сдвига в самой системе знания, который, несомненно, будет, когда пролетариат овладеет всей суммой знаний, накопленных прежним обществом, и конечно, начало этого строительства должно идти снизу, т. е. с тех учебных заведений, которые являются детьми революции и которые в своих аудиториях в детях пролетариата таят великие возможности будущего строительства.

В школе громадную роль играет способ передачи знаний ученикам, система преподавания, которая в свою очередь зависит от определенных общественных условий.

Преобладающая система в прежней школе—лекционная, в высшей, рассказ—в средней и низшей—были не случайностью: отделение умственного труда от физического, разделение общества на знающих (привилегированный класс) и незнающих (низшие классы), сказывалось и здесь: профессор, преподаватель—монополист знания—научал аудиторию, класс—толпу не знающих.

Знание сообщалось, передавалось, а учащиеся должны только запомнить, что им сообщают. Аудитория обрекалась на пассивную роль, роль слушателя, исполнителя.

Активная пролетарская аудитория не может смириться с пассивной ролью, отводимой ей лекционным способом преподавания. Методы коллективного производства, активного участия в производстве—пролетарская молодежь переносит и в аудиторию. Лекционный способ заменяется лабораторным методом, когда аудитория активно, самостоятельно, под руководством преподавателя находит выводы; знания добываются исследовательским методом. Роль преподавателя меняется: из учителя он превращается в организатора коллективных, групповых работ.

Индивидуализм, поощряемый в старой школе всеми педагогическими и педагогическими мерами (отметка, награды), заменяется коллективной переработкой материала. Школа постепенно превращается в своего рода мастерскую, где идет общее производство.

До объединения обучения с производством—в школах громадную роль должны играть кабинеты, лаборатории, мастерские, где студенты, повторяю, под руководством преподавателя, самостоятельно в процессе работы усваивают необходимые им знания.

Отсутствие средств на оборудование указанных учебно-вспомогательных институтов должно быть возмещено отчасти активной помощью профессоров, отчасти коллективной самостоятельностью студенчества, ибо многие пособия и инструменты, по крайней мере, простейшие из них могут быть приготовлены силами самих студентов. Тогда постепенно рабфак и мастерская сольются, школа и работа будут составлять единое целое.

В заключение необходимо отметить еще следующее обстоятельство.

Революция не совершается вне времени и пространства, она не происходит в безвоздушном пространстве; революция происходит при определенных исторических условиях, в определенной общественной среде и т. д. Поэтому и новое общество приходится строить из тех элементов, которые имеются в настоящее время налицо, из того человеческого материала, который оказался в наличии в революционную эпоху.

«Мы знаем, что с неба ничего не свалится, мы знаем, что коммунизм вырастает из капитализма, что только из его остатков можно построить коммунизм, из плохих, правда, остатков, но других нет» (Ленин. Речь на III-м Всероссийском съезде рабочих водного транспорта).

Приведенные слова Ленина целиком и полностью можно отнести и к условиям строительства новой школы: если мы имеем новую по составу аудиторию, то другая составная часть школы—преподаватель—новый преподаватель не родился готовым вместе с революцией.

Нам приходится иметь дело с людьми, окончившими старую школу, воспитанными в ней, с людьми в большинстве случаев далекими и от производства и от

пролетариата. Это по преимуществу люди умственного труда, чисто узкие специалисты: им трудно сразу переродиться, проникнуться новой психологией, трудно сразу понять и воспринять новый строй, новую жизнь школы.

Как тут быть? Как приготовить новых педагогов?

Думается, что и на этот вопрос можно ответить словами Ленина из той же речи: «Если бы можно было строить коммунизм из спецов, не проникнутых буржуазными взглядами, это было бы очень легко, но только коммунизм этот был бы фантастическим». «Того, кто мечтает о фантастическом коммунизме, надо гнать из всякого делового собрания и надо оставить в этом собрании людей, которые из остатков коммунизма умеют делать дело. Трудности этого дела громадны, но это плодотворная работа, и всякого специалиста надо ценить, как единственное достояние техники и культуры, без которого ничего, никакого коммунизма не может быть.» (Там же).

Такова постановка вопроса. Но это не значит, что преподаватели сами, прошедшие прежнюю школу, безградежны, так сказать, в смысле изменения привычных способов работы, мировоззрения и т. д. Наоборот в самом процессе работы и рабочей аудитории—сама аудитория влияет на преподавателя. Умелый преподаватель многому сам учится от своих учеников. Человек, «действуя на внешнюю природу и изменяя ее, в то же время изменяет и свою собственную природу», говорит Маркс («Капитал» I стр. 109).

Преподаватель, уча учеников, сам учится. Вот здесь то пролетарское студенчество и должно проявить свое умение в строительстве новой школы, принимая с своей стороны целую систему мероприятий, которые дают возможность создать в аудитории атмосферу делового сотрудничества между преподавателями и студентами.

Один неверный шаг, сильный поворот руля, или наоборот, полная пассивность иногда могут испортить всю работу.

Только деловым подходом к вопросу, в процессе постоянного и довольно длительного сотрудничества можно постепенно приблизить к себе преподавателя и, буквально, помочь ему изжить все то, что он впитал в себе в старом обществе, в старой школе.

Химическая оборона СССР. *)

I.

Опасности химической войны.

Из ряда технических средств борьбы, примененных в последней войне, и ныне совершенствуемых, выдвигаются на первое место—*химические*. Уже к концу войны 1914—1918 г. г., последние заняли настолько выдающееся место в ряде средств поражения, что мировую войну считают на половину войной *химической*. И, в самом деле, она знает огромное количество отравляющих веществ, примененных в грандиозных размерах; так напр.—80 процентов артиллерийских снарядов, выпущенных в одной только второй битве на Марне (Франция) в июле 1918 года падает на *химические*.

Генеральные штабы всех государств единодушно утверждают, что грядущая война будет в более значительной степени, нежели последняя, *химической*, благодаря богатым тактическим свойствам химических средств, под действием коих погибают и, в лучшем случае, калечатся и выбывают из строя миллионы бойцов.

Но опасность грядущей войны заключается не столько в том, что она будет поражать боевыми химическими средствами армии, сколько в том, что *она грозит гибелью мирного населения глубокого тыла страны*.

Стратегической целью ее, несомненно, будет уничтожение, с помощью мощного воздушного флота, крупнейших экономических и политических центров тыла враждебной страны, чтобы тем самым лишить действующие на фронте армии управляющих ими и питающих их центров.

Воздушный флот, долженствующий выполнить указанную задачу, представляет собой особо грозную силу, именно потому, что он «помножен на химию», т.-е., что разрушительная и смертоносная сила его будет заключаться в химических средствах поражения.

Опасности *химической войны* можно легко себе представить, если иметь в виду, что покрытие пространства в 500 верст от фронта эскадрильями противника (сотнями, если не тысячами самолетов) не представляет особых затруднений. Сила же эскадрильи будет заключаться в тех отравляющих веществах, коими будут начинены аэрохимические бомбы. В том случае, если население не поддастся «газовой панике», будет соблюдать «газовую дисциплину» и будет обучено применению средств химической обороны (противогазы, газозубежища)—оно может рассчитывать спастись от химического нападения врага.

Таким образом, химическая война—а грядущая война будет в значительной степени именно химической,—не знает границ между *фронтом* и *тылом*. Более того, средства поражения ее будут, надо думать, главным образом, направлены на тыл противника. Вот почему дело *химической обороны страны* становится в настоящее время, на ряду с воздушной обороной, задачей первостепенной важности, в разрешении которой кровно заинтересованы самые широкие круги населения нашего Союза.

*) Из подготовляемой к печати книги «Химическая война и оборона Союза».

Чтобы принять действительно активное участие в химической обороне СССР, трудящиеся массы нашей страны должны быть ознакомлены с перспективами грядущей химической войны, с ее *опасностями* и вытекающими отсюда задачами.

II.

Первые газовые атаки.

Начало химической войны обычно относят к 22-му апреля 1915 г., когда германцы впервые произвели в северо-восточной части Ипрского выступа (западный театр войны) газовую атаку, выпустив из особых баллонов волну давно известного газа—хлора, отнесенную ветром к французским окопам. Последствия этой первой атаки были весьма значительны. Дивизия, занимавшая атакованный германцами участок, потеряла свою боеспособность и много орудий, сотни людей погибли.

Американский генерал Фрайс, автор книги «Химическая война», дает следующее описание атаки 22-го апреля.

«Попытайтесь вообразить себе ощущения и положение цветных войск, когда они увидели, что огромное облако зеленовато-желтого газа поднимается из-под земли и медленно двигается по ветру по направлению к ним; что газ стелется по земле, заполняя каждую ямку, каждое углубление и затопляет траншеи и воронки. Сначала удивление, потом ужас и, конец, паника охватили войска, когда первые облака дыма окутали всю местность и заставили людей, задыхаясь биться в агонии. Те, кто мог двигаться, бежали, напрасно пытаясь обогнать облако хлора, которое неумолимо преследовало их.

Появились французские солдаты ослепленные, кашляющие, тяжело дышащие, с лицами темно-багрового цвета, безмолвные от страданий, а позади них в отравленном газом траншеях остались, как мы узнали, сотни их умирающих товарищей».

Таковы результаты первой газовой атаки.

С введением других еще более действительных боевых отравляющих веществ и усовершенствованием техники химического нападения (газометы, химические артиллерийские снаряды), химическое оружие приобрело исключительное значение.

III.

Химическая война—борьба «газа» с «противогазами».

Под химической войной следует понимать такую войну, большая часть средств поражения которой взята из химии (наука о веществе и его изменениях).

Химия знает много отравляющих веществ (газов), одни из них поражают органы дыхания и кровообращения, другие прямо убивают все живое.

Война 1914—1918 г. г. выдвинула до 40 боевых отравляющих веществ. По своему действию эти газы могут быть разделены на:

Удушающие, вызывающие болезненный кашель, острое воспаление легких, отек их и смерть от удушья.

Ядовитые, действующие моментально и поражающие, главным образом, красные шарки крови.

Слезоточивые, раздражающие слизистую оболочку глаз, вызывая слезотечение, спазмы век и как бы временное ослепление.

Нарывные, (гл. образом иприт или «горчичный газ»), вызывающие воспаление кожи и слизистых оболочек и причиняющие ожоги.

Чихательные, вызывающие сильный насморк, чихание и рвоту.

Дымящие, обладающие свойством уже выше отмеченных групп и, наконец.

Глушительные, действующие на слух, вызывая покалывание и «мурашки» во внутренних полостях уха, а также головокружение, обмороки, расстройство двигательных способностей и чувства равновесия, так что люди непрерывно спотыкаются и падают.

При этом необходимо иметь в виду, что некоторые из этих веществ обладают сложными свойствами, они не только ядовитые, но и удушающие, иногда еще слезоточивые и т. д.

Подобное соединение различных свойств в одном веществе делает его, несомненно, радикальным средством по своей разрушительной силе.

Одни из ядовитых веществ *летучи*, быстро испаряются, другие *стойки*, медленно испаряются и долго остаются на участках, зараженных ими.

Обычно, когда говорят о боевых веществах, употребляемых в химической войне, имеют в виду *газы*.

Но это заблуждение, так как для боевых целей служат не только *газообразные* вещества (хлор), но и *жидкие* (иприт) и *твердые*. Вот почему термин «газы» не исчерпывает понятия веществ, применяемых в химической войне, поэтому мы и придерживаемся более точного определения—«боевые отравляющие вещества», которые охватывают собой и газообразные, и твердые, и жидкие химические вещества.

Из предыдущего изложения видно, как разнообразны отравляющие вещества. Все они, при введении в действие в качестве боевых, были рассчитаны на то, что *наличные* средства защиты (химической обороны) не в состоянии будут парализовать, приостановить их разрушительное действие. И в самом деле, средства химической обороны в начальный период химической войны были настолько примитивны (просты), что в борьбе газа с «противогазом» первый оказался победителем. Однако в скором времени армии получили противогаз, который спасал войска от газа противника. Этот противогаз защищал дыхательные пути и глаза от действия большинства газов, применявшихся за период апрель 1915—июль 1917 г. г. Но борьба не прекращалась. Вместе с усовершенствованием противогазов, начали применять на войне такие новые газы, против которых противогаз должен был оказаться несовершенным. И такой газ был найден. 12-го июля 1917 года он был впервые применен на Ипре, откуда и получил наименование «иприт». Против этого *нарывного* отравляющего вещества не помогает самый совершенный противогаз. Чтобы уберечься от его сильно поражающего действия, необходимы в дополнение к противогазу «противогазный костюм», «противогазные перчатки» и наконец, «противогазные сапоги».

Но на этом борьба газа с противогазом не закончилась. С усовершенствованием средств противоипритной обороны, вооруженный до зубов империалистический мир, только вышедший из кровавой четырехлетней бойни, продолжает это соперничество уже в тиши своих «мирных» химических лабораторий, находящихся подчас под вывесками весьма «гуманных» учреждений...

Все вышеуказанные отравляющие вещества поражают людей и животных, когда с помощью особых *средств нападения* перебрасываются на далекие или близкие расстояния.

Способы химического нападения следующие: артиллерийская химическая стрельба, минометная химическая стрельба (газометание), атака облаком, огнеметание и применение ручных и пушечных химических гранат и наконец аэрохимнападение.

Несомненно, что в будущей войне именно этот последний способ явится наиболее опасным для *всего* населения страны.

IV.

«Доброхим» и его задачи.

Чтобы не быть застигнутыми врасплох, трудящиеся нашей страны должны *организоваться* для дела обеспечения химической обороноспособности СССР. Правильное решение вопросов, связанных с химической обороной, не под силу отдельным ведомствам или учреждениям: для это *необходимы усилия всех трудящихся нашей страны, всех ведомств.*

Эти усилия объединит и реализует (осуществит) вновь созданное *Общество Друзей Химической Обороны и Химической Промышленности СССР—«ДОБРОХИМ»*.

Какие же задачи станут перед новым Обществом?

Прежде всего «Доброхим» должен будет добиться того, чтобы дело химической обороны Союза стало действительно «кровным делом рабочего и работницы, крестьянина и крестьянки». Для этого ему необходимо будет широко распространить популярную военнохимическую литературу, которая ознакомит массы населения с опасностями химической войны, вовлекающей, как мы уже указывали, в сферу своих боевых действий «мириных жителей» глубокого тыла страны.

Для достижения реальных (действительных) результатов «Доброхим» придется самым решительным образом разрушить вредные, распространяемые лицемерной и лживой буржуазной печатью иллюзии (обман) о возможном, якобы, международном запрещении употребления отравляющих веществ для боевых целей, с одной стороны, и «гуманности» т.-е. «человечности» этих средств,—с другой.

О значении так называемых «международных обязательств» в вопросах сокращения вооружений лучше всего говорит пресловутая «Лига Наций»^{*}), вынужденная констатировать в одном из своих заседаний следующие истины:

1) «У цивилизованных (культурных) стран нет единообразия взглядов на возможность воспреещения газовой войны».

2) «Нет такого авторитета, который мог бы поддержать такое воспреещение».

3) «Международные организации не могут занять решительной позиции в этом вопросе первостепенной важности».

4) «Вопросы химической войны остаются открытыми и предоставлены на разрешение каждой страны».

После подобных заявлений «Лиги Наций» «цивилизованным странам» не остается ничего другого, как объявить химическую войну самой гуманной, долженствующей стать «единственным способом, которым будут пользоваться без колебания все цивилизованные народы».

Как нам следует относиться к этой «гуманной» войне—в достаточной мере указал тов. Троцкий в речи, произнесенной в Тифлисе.

Необходимо особо подчеркнуть, что только при успешном разрешении задачи мобилизации общественного внимания страны «Доброхим» сумеет привлечь необходимые для дела химической обороноспособности СССР силы и средства.

Заручившись последними, «Доброхим» получит действительную возможность сосредоточить внимание на основной своей задаче—развитии советской химической промышленности, долженствующей явиться крупнейшим фактором (силой) химической обороны Союза. Не следует при этом упускать из виду, что развитая химическая промышленность нам нужна для нормального (правильного) роста народного хозяйства страны.

С другой стороны отравляющие вещества с большим успехом могут быть использованы в борьбе с вредителями полей, для стерилизации (обезвреживания) воды, дезинфекции (уничтожения заразы) и т. д.

«Доброхим» сумеет тем более уверенно строить советскую химическую промышленность, что СССР обладает неограниченными запасами химического сырья.

Третьей задачей «Доброхим» явится непосредственная забота о защите населения страны от химического нападения врага. Химическая война—борьба «газа» с «противогазом».

Хорошие противогазовые средства спасают от «газов». «Доброхим» поэтому будет призван дать населению эти противогазовые средства.

^{*}) Лига Наций—объединение государств, созданное по предложению Соед. Штатов после мировой войны, якобы, для предотвращения будущих войн. На деле Лига—является послушным орудием в руках «великих держав».—Англи, Франции, Италии. Лига Наций содействовала также интервенции РСФСР союзниками. Советская власть неоднократно заявляла, что не признает Лиги Наций и считает ее решения для себя совершенно необязательными.

Кроме того, перед «Доброхимом» во всей остроте станет вопрос о *массовых средствах химической обороны*—газубежищах, каковыми при соответствующем оборудовании могут быть: туннели, метрополитен (подземная железная дорога) и подвалы отдельных зданий. Таким образом, дело массовой защиты от химнападения упирается одним концом своим в коммунальное строительство.

Обеспечение правильного разрешения вопроса массовой защиты при составлении планов коммунального строительства—прямая задача «Доброхима».

Однако, мало будет дать населению те или иные противогазовые средства. Важно, чтобы оно умело пользоваться ими, не поддавалось «газовой панике» и соблюдало «газовую дисциплину».

Все это достигается военно-химическим обучением. Содействие соответствующим органам в организации и проведении военно-химического обучения—четвертая задача «Доброхима».

Военно-химические организации основных составных частей вооруженной силы СССР будут несомненно пользоваться особым вниманием «Доброхима». Таков общий набросок задач «Доброхима».

«Доброхим» и О.Д.В.Ф. (Общество Друзей Воздушного Флота)—два учреждения, одинаково необходимые для обороны Советского Союза.

Создать военно-химическую промышленность можно только на основе промышленности мирного времени, опираясь на текущие нужды народного хозяйства. Надо исцелять деловой увязки потребностей военно-химической обороны с жизненными потребностями государственной промышленности и крестьянского сельского хозяйства.

В данном случае такая увязка дается сама собою. Саранчу, суслика и хлебного жука отравляют теми же веществами, что и человека.

Каждый крестьянин Подольской, Одесской или Ставропольской губерний понимает необходимость и важность борьбы с вредителями сельского хозяйства. Если мы проявим необходимую инициативу, крестьяне могут нам поставить для этой цели химическую лабораторию или пустить в ход химический завод. А завод этот можно будет, в случае нужды, без труда перевести на потребности армии.

Мы думаем, что это единственно правильный путь. Подобную же увязку мы найдем с Горным делом, текстильной промышленностью, с лесным хозяйством и проч.

Задача в том, чтобы как можно меньше требовать средств специально на нужды военно-химического дела, опираясь везде, где можно, на творческую роль химии и химической промышленности в хозяйстве страны...

Из статьи Л. Д. ТРОЦКОГО.

В. Л.

Поясное время.

С 1-го мая 1924 г. у нас проведен в жизнь декрет о «*международном счете времени по поясам*», уничтожающий разноречивый местный счет времени.

Посмотрим, в чем заключается эта реформа.

Испускаемые радио электрические волны несутся со скоростью света, т.-е. со скоростью 300,000 километров в секунду. Если бы удалось построить мощную радиостанцию, слышимую на весь земной шар, то посланная телеграмма в одну секунду облетела бы семь с лишним раз вокруг земли. Понадобилось бы меньше одной седьмой секунды для того, чтобы вернуться обратно на станцию отправления.

Пущенная, скажем, ровно в 2 часа дня из Москвы по направлению к Уралу, через Сибирь (на восток) такая телеграмма пришла бы обратно с Запада (со стороны Америки и Англии) ровно в 2 часа и одну седьмую секунды, т.-е. практически ровно в те же 2 часа.

Если бы мы могли полететь вместе с этой телеграммой, то заметили бы во время своего путешествия вокруг земли интересную картину. Вылетев ровно в 2 часа по московскому времени из Москвы, когда все магазины «заперты на обед», мы,

пролетая через Казань, услышали бы, как башенные часы бьют *три* часа: магазины открываются. В восточной Сибири уже вечереет. В Иркутске, например, уже семь часов вечера. Жители этого города спешат в театр. На Сахалине совсем темно. Горят фонари. Там 9 часов вечера, и т. д.

Такая разница во времени объясняется тем, что наша земля, вращаясь, постепенно подставляет под лучи солнца один пояс за другим, и по этому в то время, как в Москве еще только светает, в Нижнем Новгороде солнце уже взошло, так, как он находится восточнее.

Несясь дальше через океан, мы застали бы в Америке—*ночь*. В Лондоне было бы 11 часов утра. Таким образом, вылетев с телеграммой на восток и вернувшись с запада, мы прошли бы через все пункты земного шара в течение одного мгновения *дня и ночи*.

С развитием *радио* уже не далек тот день, когда нам можно будет из Москвы говорить по беспроволочному телеграфу с товарищем, жующим где-нибудь в Якутской области, или скажем, на Сахалине. Может возникнуть вопрос, в котором часу, по московскому времени, надо вызвать якутского жителя, чтобы застать его дома. Может случиться так, что телеграмма или вызов его к телефону произойдет *ночью*. Например, если мы будем его вызывать по телефону из Москвы в 10 часов, мы не получим ответа. В Якутске в это время—4 часа ночи, и все спят.

Международный счет времени по поясам был выработан еще в 1884 г. на конференции в Чикаго. На этой конференции всю земную поверхность было решено разделить на 24 доли (зоны)—23 полумеридианами. Таким образом ширина, каждой зоны оказалась равной пятнадцати градусам (15°) ($360:24=15^{\circ}$). За нулевой меридиан был принят меридиан, который проходит через обсерваторию в *Гринвиче* (Англия). Таким образом Европа, Азия и часть Африки попадали в первые 12 зон (поясов), Америка, Тихий и Атлантический океаны со всеми их островами—в остальные 12 зон.

Однако, это постановление Международной конференции оставалось долго только на бумаге. В 1891 г. в Западной Европе восторжествовало даже так называемое *национальное* время. Так, в Англии было принято—*гринвическое* время во Франции—*парижское*, в Австрии—*венское*, в Швейцарии—*бернское*, в Италии—*римское* и т. д. Россия, в виду ее растянутости с запада на восток, к соглашению 1891 г. не примкнула и специального «*русского времени*» не существовало. Но, как нам хорошо известно, на всех дорогах было введено «*петербургское время*». Несчастному иркутскому жителю долгое время приходилось вычислять, в котором часу по его местным часам приходит самарский поезд, так как в железнодорожных справочниках расписание было составлено по петербургскому времени.

Национальное время, принятое на Западе, вело, разумеется, к большим неудобствам. Так, в пограничных местностях, где сходятся территории нескольких государств, на небольших сравнительно пространствах смена времени или часов мелькала, как в кинематографе. Одной из наиболее интересных в данном отношении местностей были долгое время берега Боденского озера, к которому примыкают баварское, австрийское, швейцарское и др. государства.

Только в январе 1921 г. большинство западных государств присоединилось к соглашению относительно счета времени от Гринвического меридиана. Для России «*зональное*» время имеет огромное значение при составлении железнодорожных расписаний, времени прихода и отхода пароходов, датирования телеграмм или выдающихся событий. Скажем, если на телеграмме помечено: «2-я зона, 2 часа пополудни», то ясно, что по *гринвическому* времени телеграмма отправлена ровно в полдень, по иркутскому времени ровно в 7 часов и т. д.

Наша республика охватывает 11 поясов, начиная с 2-го и кончая 12-м.

Например, в 3-ий пояс, как бы врывается Каспийское море. Ясно, что для сношений по Каспию надо, чтобы на всем море было *одно общее время*. Границы на море не создашь. Вот почему все Каспийское море отнесено к одному поясу—к 4-му.

В такой же мере естественно было сделать границей поясов многие горы. Вот почему третий пояс, как бы залезает в 4-й, 9-й, в 8-й и т. п.

Любопытна граница 4-го и 5-го поясов. На юге эта граница поворачивает под прямым углом. Это потому, что Бухарской республике удобно иметь *одно общее местное время*.

Если мы посмотрим на карту, то увидим, что во *второй* пояс вошли вся Украина, города: Москва Ленинград и др. К *третьему* поясу отнесены весь Волжский бассейн, Кавказ и т. д.

Любопытно, например, что, садясь в Баку на пароход, чтобы плыть по Каспийскому морю, придется, выйдя в открытое море, перевести часы на час вперед и т. п. Переставлять стрелку на час придется также при переезде границы поясов. Благодаря произведенной реформе в счете времени на телеграфах, радиостанциях, пароходах, банках, в редакциях газет и т. п. можно будет завести *универсальные часы*, которые показывали бы время всех пунктов нашей республики.

Такие универсальные часы можно было бы сделать в виде карты СССР, поместив в каждой зоне маленькие часики, идущие по местному времени.

Наши новые часы позволят не задумываясь сказать, который час в каком либо месте СССР.

Инж. В. М. ЛЕБЕДЕВ.

Радиолобительство и его значение.

С первого взгляда, особенно по названию, можно было бы предполагать в радиолюбительстве некоторый элемент легкомыслия, несерьезности.

Но более внимательный подход к этому вопросу раскрывает перед нами важные и серьезные перспективы, особенно при глубоком разборе тех достижений, какие можно отметить уже в настоящее время за границей.

Достаточно будет упомянуть о необычайном расцвете любительства, хотя бы в одной Америке, где выпуск радиолобительских аппаратов за прошедший год превысил полтора миллиона штук.

В Германии это увлечение охватило немецкую публику настолько, что у дверей магазинов, продающих приборы и принадлежности для радиолобительства, замечались временами „хвосты“— в роде продовольственных. Франция, Англия и даже маленькая Голландия не только не отстают от Германии в этом увлечении, но в некотором отношении идут гораздо дальше.

Несколько миллионов любительских аппаратов—это цифра, заставляющая серьезно отнестись к данному вопросу.

В чем же успех радиолобительства на Западе и в Америке? Неужели все это лишь временное увеличение, что-то в роде модного спорта, подобно тому, как это можно было наблюдать много лет тому назад, при появлении любительских фотографических аппаратов, при выпуске дешевых граммофонов и т. д.?

Нам кажется, что огромный интерес к радиолобительству имеет более здоровые корни, чем простое увлечение модой.

В радиолобительстве прежде всего заинтересовано государство в целом. Разумно поставленная статистика и учет радиолобителей—при широком развитии радиолобительства позволяет военному ведомству любой страны значительно меньше беспокоиться о пополнении специалистами своих радиочастей. Это тем более важно, что выучка радиоспециалистов вопрос чрезвычайно сложный.

Для военного ведомства, кроме того, представляет большой интерес и материальная часть (оборудование) любительства, так как при повышенном спросе на мелкие аппараты успешнее развивается массовое их изготовление, совершенствуются способы их производства. Некоторые отрасли, как напр., фабрикация сухих элементов и дешевых аккумуляторов разворачиваются до громадных размеров.

Конечно, не одно военное ведомство заинтересовано в том, чтобы страна была, так сказать, насыщена специалистами радиотехники.

Ведомства гражданские, и в первую очередь, конечно, ведомства связи (путей сообщения, почт и телеграфа), несомненно значительно выигрывают при наличии большого выбора радиоспециалистов-техников высокой квалификации. Из громадной массы любителей всегда возможно будет, путем тщательного отбора, подобрать достаточное количество знающих и любящих свое дело специалистов.

Любительство, разросшееся в громадном размере, способствует развитию, укреплению и процветанию радиопромышленности страны. Каждая лишняя тысяча аппаратов, даже самых, казалось бы, пустяковых, несомненно расширяет и углубляет опыт предприятия, что отражается сейчас же на качестве и дешевизне остальной продукции.

Громадное количество разнообразных приборов, выпускаемых промышленностью, дает возможность проверить на опыте их пригодность и, при наличии некоторой связи с любителями, выяснить малейшие недостатки в этих приборах, дает ту необходимую практику, без которой никакой успех, особенно в такой живой отрасли техники, как радиотехника, невозможен. Русским радиоспециалистам это особенно важно, так как они задыхаются от отсутствия широкой практики, которая одна только способна дать, так сказать, окончательную отделку и ценность их знаниям и умению. Пытливый ум, наблюдательность и даже, быть может, изобретательская жилка среди любителей (ведь их громадное число, несомненно, среди них найдутся и отборные), вероятно, также скажутся при постановке тех или иных задач, что, в свою очередь, опять таки сослужит службу научно-техническому развитию радиотехники. При разумной постановке любительства явится возможность значительно расширить чисто научные наблюдения над некоторыми явлениями атмосферного электричества; быть может, и для метеорологии найдется в практике любителя ценный материал научного значения.

В обстановке нашей российской действительности, при необъятной площади, на которой раскинулось наше население, при отсутствии во многих местах мало-мальски сносных путей сообщения (а в некоторые периоды года—при полной оторванности)—возможность культурной связи с центрами имеет несомненно огромное значение.

Возможно ли широкое распространение радиолюбительства в ССР и какие следовало бы наметить главные этапы развития радиолюбительства у нас? Все предпосылки говорят за то, чтоб русское радиолюбительство широко развилось. Вопрос сейчас лишь в правильной и разумной постановке дела.

Начало, фундамент заложен: декрет о радиолюбительстве скоро будет опубликован. Быстро возникают общества друзей радио (в Ленинграде и Москве), создается смешанное акционерное общество для эксплуатации радиолюбительских центров, производства любительских аппаратов, организации их сбыта и т. п.

Этого, конечно, мало. Предстоит еще самая трудная работа по налаживанию центров, вокруг которых смогут объединиться радиолюбители, по разработке моделей любительских приборов, по производству их и т. д. Главнейшей и первейшей задачей всех организаций, работающих по любительству, является сейчас устройство двух-трех передающих станций, на которых была бы возможность проделать ту громадную работу, которая связана с налаживанием художественной передачи речи и музыки. Эти станции, как центры, собрали бы вокруг себя, в небольших пока районах, первоначальные кадры любителей. Когда дело понемногу станет на ноги, можно будет, имея организационный, технический и производственный опыт, увеличить число центров, привлекая этим все большие и большие массы любителей.

Чрезвычайно важно на первых же порах дать любителям действительно совершенную передачу, художественное исполнение, интересную программу лекций, словом, на первых же порах заинтересовать и не разочаровать любителя. Нужно бояться первого неблагоприятного впечатления, оно обычно очень трудно изглаживается.

И. Г. ЛИПКОВИЧ.

«Год работы журнала».

В начале октября исполняется год выхода первого номера журнала «Студент-Рабочий», органа Исполбюро Профсекций Урал-университета.

Хотя наш журнал является приемником ранее регулярно издававшегося журнала на Рабфаке под этим же названием, но кроме общности названия, наш журнал продолжает почетное дело организатора и строителя не только Рабфака—своего предшественника журнала, но в более широком, углубленном виде и в иной форме, распространить выполнение своей задачи на весь Урал-Университет в целом.

Как всякое новое издание, наш журнал еще по форме и программе не совсем установился, несмотря на определенность стоящей перед ним задачи. Но, как известно, с выходом каждого очередного номера, журнал все время приближается к необходимому содержанию соответственно новым и новым очередным запросам. Но, с другой стороны, студенческая печать в СССР богатого опыта не имеет и нам приходится искать новые пути.

Наш тираж.

Первый номер имел тираж 1200 экз. и состоял из 32 страниц, № 2—тираж 1800 экз., размер 48 стр. № 3—тираж 4000 экз., размер 74 стр. №№ 4-5 тираж 1800 экз., размером, 118 стр. № 6 тираж 2000 экз., размер 68 стр. № 7 тираж 2000 экз., размер, № 8, тираж 3000 экз., размер 80 стр. № 9 тираж 2000 экз., размер 80 стр.

По объему и тиражу журнал конкурирует вполне с центральным журналом пролетстуда Украины, обслуживающего около 2 десятков ВУЗ'ов.

Журнал бездефицитен.

Согласно постановления Урал-Бюро ЦКРКП(б) печатание, брошюровка и проч. производство журнала оплачивается по номинальной стоимости, без прибавления прибыли с тем, чтоб дать возможность пролетстуду Урал-Университета состоять постоянным подписчиком своего журнала. По расценке специальной комиссии при Отделе печати ЦКРКП (б) наш журнал должен продаваться по 45 копеек. Расходы по журналу выражаются в оплате бумаги, клише, печатания и проч. Для экономии средств мы даже гонорара в 23—24 году не платили.

При выходе первых номеров журнал давал дефицит из-за падения советской валюты, да и подписчики платили за него по курсу запоздавшей стипендии, а это значит месяц падения совзнака.

Опыт последних 3—4 номеров показал возможность продолжения издания без дефицита. Это будет почти первое бездефицитное издание в СССР. А это уже является одним из крупных достижений на фронте вуз'овской печати.

Связь с читателем

весьма слабая. Ее надо усилить. Достаточно указать—за целый год издания вопрос о журнале ни разу не был поднят и обсужден на обще-студенческих собраниях. А имеющаяся некоторая связь с группами читателей выражалась в том,

чтоб Редколлегия «душила» читателя, чтоб заставить его написать. Но многие из них «не задушены» и с веревкой на шее, продолжают упорствовать, избегая встречи с членами Редколлегии, несмотря на ответы: напишем время будет . . . некоторые писали одну статью целый год (Идкин, Чельцов).

Мы апеллируем к совести студентов-читателей уделить более серьезное внимание органу, который за один год создал, стал на ноги, развивается и по отзывам московской печати является одним из лучших студенческих органов, издающихся в СССР.

Характер журнала.

Вопрос дискуссионный. Если проследить все номера последнего года, то ясно видно, что в целом этот журнал является студенческим по духу и содержанию. На этот счет имеется и упрек. Вопрос стоит следующим образом: или журнал сохранить в настоящем виде, уделив с этого года больше внимания общегосударственным вопросам (по которым имеется богатая печать), или сделать его журналом по содержанию массовым, не исключительно студенческим с тем, чтобы им интересовался рабочий Урала, как и его студент.

Но с другой стороны, не являясь центрально-директивным органом, наш журнал не может взять на себя право решения, а не обсуждения вопросов общегосударственного значения, так как для этого в течение трех лет «выходили» центральные студенческие органы «Пролетарское студенчество» разных видов. У них было одно общее достоинство, заключавшееся в том, что они все выходили под № 1, но он оказывался на самом деле, только последним, несмотря на морально-материальную поддержку. Вместо «Знания Рабфаковца», вышел в мае «Красная Молодежь» орган Центрального Бюро пролетарского студенчества... но, я не уверен, сожалея, что хотя б к октябрю вышел этот журнал под № 2. Эти факты показывают, что характер издания, курс журнала, и само издание не настолько легкая задача, как многим кажется.

Курс и форма издания определяется необходимостью выполнения основных очередных задач, запросами читателей, настоящим нашим бытом, текущим моментом и постоянной борьбой за пролетаризацию ВУЗ'а в полном смысле этого слова, иное руководство работой всех наших организаций.....

Конечно, в это примитивное определение входят: связь с производством, организационные формы партии и профстроительства, связь с массами и проч. основные наши лозунги.

Исходя из этого определения, необходимо строить план нашего издания. Но предварительно необходимо вопрос обсудить широкой массой читателей, чтоб вопрос разобрать во всех остальных, не менее важных отраслях.

Это вопрос дня и к его решению необходимо подойти без огласки, так как опыт и достижения журнала служат исходным фундаментом для решения затронутого вопроса.

Организационная работа.

Опыт годовой работы приводит нас к следующим заключениям:

- 1) Необходимо установить курс и характер журнала. В этом вопросе ошибки могут принести неисправимый вред, а потому нужно уделить более серьезное внимание, а не отдавать его на решение Редколлегий.
- 2) Местные руководящие организации, не только не дали ни одной директивной статьи, но даже и мало нашим органом интересовались, о руководстве с их стороны и не было речи, в этом году, этот крупный недочет надо исправить.
- 3) Редколлегия необходимо конструировать таким образом, чтоб она состояла из лиц фактически руководящих или работающих в организациях, и интересующихся жизнью нашего студенчества. Одновременно необходимо подготовить и смену.
- 4) Поставить вопрос о журнале на первой общестуденческой сходке.
- 5) Необходимо усилить сеть корреспондентов в других ВУЗ'ах СССР.

- 6) Усилить сеть студкордов качественно и количественно.
- 7) Поставить на должную высоту издание стенгазеты на факультетах.
- 8) Связаться через журнал с заводами, опыт в этой области, правда небольшой, но имеется.
- 9) Привлечь профессоров и преподавателей к более активному участию. Как видно, они журнал читают, так как выражают активное недовольство, когда «красива», хотя слишком мало разоблачает некоторые дефекты.

Нужно все же указать, что сотрудничество профессуры со студентами не на словах, а на деле (журнал зеркало сотрудничества) проявило несколько человек — проф. Н. П. Горин, преп. Т. Каменев, проф. Карманов, Л. В. Суница, проф. Периханянц Я. И., проф. Кожевников и... только.

Как видите, читатель, их мало и очень мало.

Этот пробел весьма существенный; где сотрудничество и где же наши профессора.

Считаем возможным и необходимым включить представительство профессорско-преподавательского персонала в Редколлегню.

В заключение надо напомнить, что нельзя утешать себя успехом, а надо последний усилить тщательным подходом к этому делу, изучив направление пути дальнейшего развития. И только по выполнении затронутых здесь задач, пролетарское студенчество Урала создаст достойный себя орган, который уже занял почетное место в СССР.

Иосиф Григорьевич Липкович за редактор-
ским столом.

В связи с закрытием медфака из состава редколлегни журнала «Студент-Рабочий» вышел один из лучших работников студенческой печати — Иосиф Григорьевич Липкович. Под его руководством, журнал в течение года превратился в «один из лучших студенческих журналов Республики», так отзывался о «Студ.-Рабочем» — наш центральный орган «Красная Молодежь».

Редакция надеется, что т. Липкович и в дальнейшем не сложит пера, оставаясь передовым сотрудником журнала «Студент-Рабочий».

Редакция.

О слиянии хозчастей.

С момента организации Рабфака среди студенчества была тенденция отделиться от Университета в материальном отношении и быть отдельной единицей.

С этой целью была выделена своя хозчасть на Рабфаке, которая вела работу самостоятельно и не была отчетна перед Правлением Университета, а отчитывалась непосредственно перед отд. Рабфака, т. к. все кредиты на содержание Рабфака шли через последний. Но эта тенденция диктовалась тем, что студенчество Университета по своему составу было чуждо рабочему классу и ни о какой общей работе тогда говорить не приходилось.

Рабфак стремился самостоятельно укрепнуть, а потом повести атаку за обладание высшей школы: в первую очередь пролетаризовать состав ее студенчества. Но в данное время можно сказать, что это классовое разделение во многом изжито и со старым положением пора покончить. Состав студенчества Университета в данное время, хотя не идеальный, но не настолько чуждый, чтобы его чуждаться. Прием нынешнего года произведен почти за счет рабфаковцев. Следовательно, необходимо приступить к объединенной работе, как студ. организаций, так и хозяйственных. Студенческие организации на этот путь встали, дело за хозяйственниками. Но наши хозяйственники занимаются переливанием из пустого в порожнее. Главным образом хозяйственники Университета. Они никак не могут представить, что интересы Рабфака и Университета одни и те же, что Рабфак и Университет одно и то же, здесь я чувствую, что мне будут возражать и заявлять, что я их счел слишком близорукими, но на деле это обстоит действительно так.

Если разобрать, что мешает объединить хоз. работу Университета, с ихней точки зрения, так нам будет ясно, что они не представляют себе вышесказанного. Принципиально не возражают ни та, ни другая сторона и паходят, что это рационально и т. д., но вся беда в том, что у Университета на 3 коп. денег больше, чем у Рабфака и то не наличными, а только думает получить тов. Лазарев. Отсюда вывод, как можно вступить в союз. Ведь наши, т. е. техфаковские 3 коп. уйдут на рабфаковцев. Следовательно, подходя к вопросу объединения хоз. работы Университета и Рабфака с такой точки зрения, так никогда не объединить таковую. Нынешний год Университет предполагает получить 3-мя копейками больше на будущий Рабфак, и никогда не сойтись.

У нас зачастую из-за такого узкого взгляда страдает дело. Зачастую мы тратим много времени на такие вопросы, которые создаются благодаря хозяйственной неурядице, например, заседание Президиума Исполбюро: на повестке стоит жилищный вопрос. Представитель хоз. части Рабфака обвиняет зав. отд. обслуживания студенчества Ун-та в том, что последний на Болотной занял больше жилой площади, чем первый и наоборот, и дело доходит чуть-ли не до кулачного боя, тогда как, если бы был один административно-хозяйственный орган, дело приняло бы другой оборот, достаточно было бы сказать, что нужно разместить столько то человек и, конечно никакой дележки по национальностям (рабфаковцев и техфаковцев, а немного ранее и на медфаковцев) не получалось бы, а при таком положении, такое разделение существует. А то выделяется жилищная комиссия, задалживаются студенты и т. д. Но дело этим не кончается, хотя распределение и будет сделано, дальше идут счеты из-за лишней бочки воды, лишней лампочки, за которую ошибочно переплатила та

или другая часть справки, контокорентные выписки и проч. штуки. А если разберем, сколько людей занято этим делом там и здесь, кроме студентов, на содержание которых требуется советская копейка, то нам будет ясно, что и с этой стороны необходимо подойти к объединению хоз. частей. Заведующий административно-хозяйственной частью Рабфака, проректор Университета по административно-хозяйственной части, завхоз Ун-та, завхоз Рабфака, зав. «буха» Ун-та, да бух Рабфака. Пятерка счетоводов Ун-та, да тройка Рабфака и пр., тогда как при совместной работе можно одной хозчасти Университета справиться с этим делом.

Или вот другой факт. Доктору Ун-та нужны личные карты, для установления истории болезни каждого больного студента—он идет в хозчасть Рабфака и просит отпустить ему денег на издание последних, хозчасть отвечает, «как: зачем за наш счет. Ведь студенты Техфаков тоже ходят к доктору». Доктор идет объясняется с хозчастью университета, а здесь отвечают: «А рабфаковцы? Ведь они тоже ходят» и т. д. И ничего не остается делать, как идти в Исполбюро, которое объединяет все студенчество и просить его, чтобы оно отпустило из своих же имеющихся средств на издание последних.

Кроме того, при таком положении, когда Университет, который как-бы представляет из себя только техфаки, хотя Рабфак и считается при Университете, старается отстаивать свои интересы а Рабфак свои—получается параллелизм, но общего дела за укрепление Университета в целом видно мало.

Студенчество вследствие такой замкнутости также теряет общую линию укрепления Университета в целом, а зачастую стремится отстаивать только свои узкофакультетские интересы. Словом, все факты говорят за то, чтобы хозяйственную работу Университета и Рабфака объединить.

Это будет и в интересах студенчества, и в интересах государства—если мы сократим лишнего зава—тем самым сохраним лишнюю копейку.

Я полагаю, что студенческие организации возьмутся за этот вопрос и сведут на наших непримиримых окоченевших хозяйственников главное Университета. По моему, к новому бюджетному году эта реорганизация должна была бы быть проделанной. Довольно топтаться на одном месте.

Ф. ЗУБАКИН.

Курортный вопрос.

По статистическим данным врача Урал-Университета к началу курортного сезона оказалось нуждающихся студентов по всем факультетам У. Г. У. в санаторно-курортном лечении около 200 человек. Из них приблизительно 50% больные туберкулезом легких (в большинстве начальная стадия), 20% малокровием и неврастением и 20% ревматизмом и другими болезнями.

Перед Исполбюро-профсекции стал вопрос пропустить через курорты и дома отдыха максимум больных студентов. Было закуплено на местных курортах 20 мест; несколько мест было предоставлено профсекциям профорганизациями, что дало вообще возможность 30—40 студентам пользоваться курортным лечением.

Такое положение не разрешило острого вопроса. Нужно было предпринять другие меры. Исполбюро решило организовать свой дом отдыха в совхозе «Адуйский Камень». Через дом отдыха предполагалось пропустить страдающих переутомлением, малокровием и даже больных туберкулезом первой стадии.

Во второй половине июня месяца дом отдыха был открыт и была отправлена первая партия в количестве до 45 человек.

Несмотря на то, что дом отдыха был оборудован довольно прилично, как в отношении коммунальных услуг, так и в отношении питания, он все таки не оправдал в целом тех надежд, которые на него возлагались. Оказалось, что место

для дома отдыха было выбрано несколько неудачно—низкое болотистое место слияния двух рек, отдаленное от станции железной дороги (20 вест), причем к нему идет очень плохая дорога.

Отдыхающие больные студенты первой партии в конце срока пребывания в доме отдыха получили незначительные улучшения. Вот некоторые цифры медицинского осмотра:

прибыло в весе до 5-ти фун.—	23	человека.
" свыше 5-ти ф.—	16	"
без изменения	2	"
с ухудш. общего состояния	2	"

Итого 45 чел.

Эти цифры говорят за то, что дом отдыха может являться только действительно домом отдыха, служить же местом лечения для легочных больных он не может, так как отрицательные цифры относятся к категории больных, а не отдыхающих.

В конце июля месяца в дом отдыха была отправлена 2-ая партия студентов до 35-ти человек. В эту партию уже не старались включать тех студентов, которые там не получают более или менее положительных результатов в состоянии своего здоровья.

Таким образом через курорты и дома отдыха Исполбюро удалось за весь сезон пропустить 120-130 человек, удовлетворив приблизительно 60% нуждающихся студентов в санаторно-курортном лечении и отдыхе. Принимая во внимание то, что некоторые больные студенты сумели получить места непосредственно через ту или другую организацию процент удовлетворенных лечением и отдыхом несколько должен быть повышен.

Несколько слов о существовании дома отдыха Исполбюро в будущем году на «Адуйском Камне». Дом отдыха там может быть оставлен только при условии, что он будет служить местом для отдыха студентам, страдающим утомлением и малокровием.

Для лечения же там больных туберкулезом придется отказаться, а так как мыслится, что в будущем году мест на курортах будет предоставлено тоже недостаточное количество, потребуется же их едва ли меньше, чем в настоящем году, то придется за зиму подыскать для дома отдыха более подходящее место, предварительно его обследовав, дабы действительно иметь возможность подлечить больных туберкулезом хотя бы в начальной стадии.

Содержать же 2 дома нехватит ресурсов и если найдется более подходящее место для дома отдыха, то на «Адуйском Камне», дом отдыха конечно придется ликвидировать.

П. КОЗИН и Л. ЛАЗАРЕВ.

Учебный год и день студента в цифрах.

«Хочешь стать хорошим инженером строителем новой жизни и производства, умей наблюдать, рассчитывать и планировать во времени, пространстве и энергии.

Л. Лазарев.

Весенняя академическая проверка заставила все студенчество критически подойти к своей работе, к постановке учебно-преподавательского дела в ун-те и, наконец, заставила многих и очень многих задуматься над вопросом: а если так будет продолжаться, кончу ли я ун-т?

Вывод отсюда напрашивается вполне определенный: «техники» должны равняться по «рабфаковцам» в распределении времени, а «рабфаковцы» должны, сокращая и уплотняя расходы по III статье времени на личное обслуживание и др., выделить из 4.84 час. значительную часть времени и на II-ю статью—на учебу (плюсом к 6.09 час.) и к III-статье на самовоспитание, общественный труд (плюсом к 5.21 час.).

Только при этом условии, при строгой планировке времени можно избежать анархичности и более или менее правильно определить срок своего пребывания в ВУЗ'е.

Так как цикл предметов на каждом курсе технических факультетов оценивается по 100 очков, то постараемся здесь дать примерное количество часов, которое придется тратить «технику»—горняку на подготовку и сдачу теоретических зачетов, и на прохождение лабораторных и кабинетных практических работ.

Так, например, при прохождении последних:

1. Лаборатории количественного анализа (работа в лаборатории, подготовка и сдача зачета) (10 очков) затрачено 140 час., а на 1 очко падает—14 час.

2. Практические работы по палеонтологии (2 очка у геологов) затрачено 60 час. и на 1 очко падает—30 часов, в среднем на 1 очко лабораторной и кабинетной работы падает—22 часа.

А на подготовку и сдачу теоретических предметов (при условии, что лекции прослушаны), например:

1. Кристаллографии (3 очка) затрачено 50 часов, а на 1 очко падает около 17 часов.

2. Строительного искусства (материалы и работы), теория и черчение (3 очка) затрачено 80 часов, а на 1 очко падает около 26 час., а в среднем при теоретическом зачете на 1 очко падает около 21,5 час.

Конечно, эти цифры весьма приблизительны, примерны, т. к. у нас нет более точных данных академической хронокарты, которую следует немедленно применить.

Как первый подход к расчету полезного времени в распоряжении студенчества—а также к выявлению среднего количества зачетов (очков), которые сможет выполнить средний студент, мы и попытаемся использовать эти приблизительные данные.

Так как в среднем на 1 очко зачета как лабораторной и кабинетной работы так и теоретического потребно в среднем—22 часа.

Но при общем количестве часов в учебном году на академическую работу, на основании вышеприведенных данных весенней хронокарты, равным 4.06 час. в день,

при 180 днях
дадут—730.8 часов,
то-есть около— 33.2 очка.

Это ничтожно малая академическая производительность; если удалось бы достичь распределения времени согласно принципа 3-х восьмерок, то соответственно эта производительность повысилась бы, до 65.5 очков, или почти в 2 раза.

Настоящий материал является предварительным; желательно со стороны ст-ва внесение коррективов в публикуемый материал, а также дополнительных данных, которые позволили бы более объективно и полностью подойти к разрешению вопроса планирования учебного года, семестра и дня.

ВЛ. ЧЕЛЬЦОВ.

Академическая проверка студенчества Урал-университета.

Согласно постановления Совнаркома и соответствующих циркуляров Главпрофобра, в конце 1923—24 учебно-академического года была произведена в Уральском государственном университете, как и всех других ВУЗ и ВТУЗ'ах Республики проверка качественного состава студенчества.

В печати этому вопросу было уделено достаточно внимания.

К рабоче-крестьянской части и общественно-активному к строительству новой школы студенчеству было допущено понижение академической требовательности, исходя из того положения, что коммунистическому, советски настроенному студенчеству, пришедшему в школу от сохи и наковальни, должны быть оказаны особые льготы.

Особым дополнением был параграф 8, которым предусматривалось исключение лиц, активно враждебных Соввласти.

Окончательный итог проверочной комиссии, которая, кстати сказать, провела большую работу в течение двух месяцев, лучше всего будет просмотреть в следующих цифровых материалах, подсчете проделанном статистикой университета по окончании работ комиссии проверкома УГУ и областной.

Статистическая иллюстрация такова:

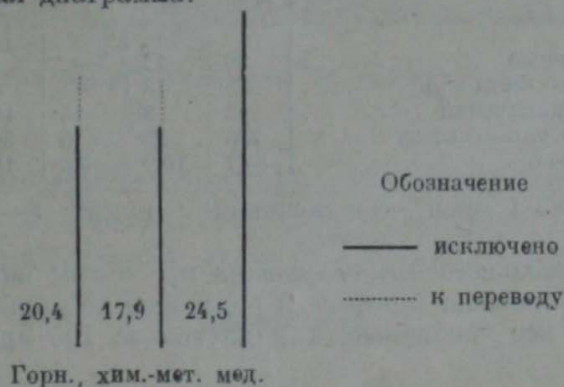
Общее количество по университету. По основному итогу (1) работ проверкома и частично облкомиссии (отчет Главпрофобра, конец июня) всего по Гуниверситету исключено 301 человек, т. е. 23,5 проц. общего числа, к переводу 4, т. е. 0,4 проц. итого 23,9 проц., по окончательным же данным (2) заключительных работ облкомиссии, состоявшие на начало августа, когда некоторое количество студентов из исключенных было оставлено в ВУЗ, или рекомендовано к переводу, имеем: исключено 253 человека, т. е. 19,8 проц., к переводу 21, т. е. 1,6 проц., итого 21,4 проц.

По-факультетно картину дает следующая таблица:

Таблица № 1.

Факультет	Время	Проверком-июнь		Облкомис.-август	
		Исключ.	Перевод	Исключ.	Перевод
Горный		48—20,4	1	39—16,6	9—3,8
Хим.-металлург.		88—19,5	3	70—15,5	11—2,4
Медицинский		165—27,8	—	144—24,5	1—0,2

Иллюстрирующая диаграмма.

Покурские изменения видны из таблицы 2-й, сопоставляющей количественное состояние до и после проверки,—май, август. Графа «август»—последние данные о составе студенчества Уралуниверситета.

Таблица № 2.

Факульт., курсы	Количество				Примечание
	Май	Исключ.	Перевед.	Август	
Горный					
Курс 1-й	142	22	8	112	2 оконч. факульт.
„ 2	82	15	1	66	
„ 3	8	2	—	6	
„ 4	3	—	—	1	
Хим. метал					
Курс 1-й	232	36	7	189	
„ 2	148	28	4	116	
„ 3	36	3	—	33	
„ 4	35	3	—	32	
Медицинский					
Курс 1-й	176	39	—	137	
„ 2	228	78	1	149	
„ 3	107	16	—	91	
„ 4	54	11	—	43	
„ 5	28	—	—	28	
Итого по факультетам					
Горный	235	39	9	185	2 оконч. факульт.
Хим.-металлург.	451	70	11	370	
Медицинский	593	144	1	448	
По Уралуниверс. всего	1279	253	21	1003	

Таковы данные о количестве. По вопросу о мотивах исключения и распределения студенчества по социальным группировкам, мы располагаем следующими цифрами (итоги проверки, июнь (1)).

а) О причинах увольнения.

Таблица № 3.

Факультет	Прич. увольн.			Итого
	По академ. неуспешн.	По п. 8	По неявке	
Горный	36	12	—	48
Хим.-металлург.	75	13	—	88
Медицинский	142	8	15	165
По университету	253	33	15	301
Проц.	84,1	10,9	5,0	100

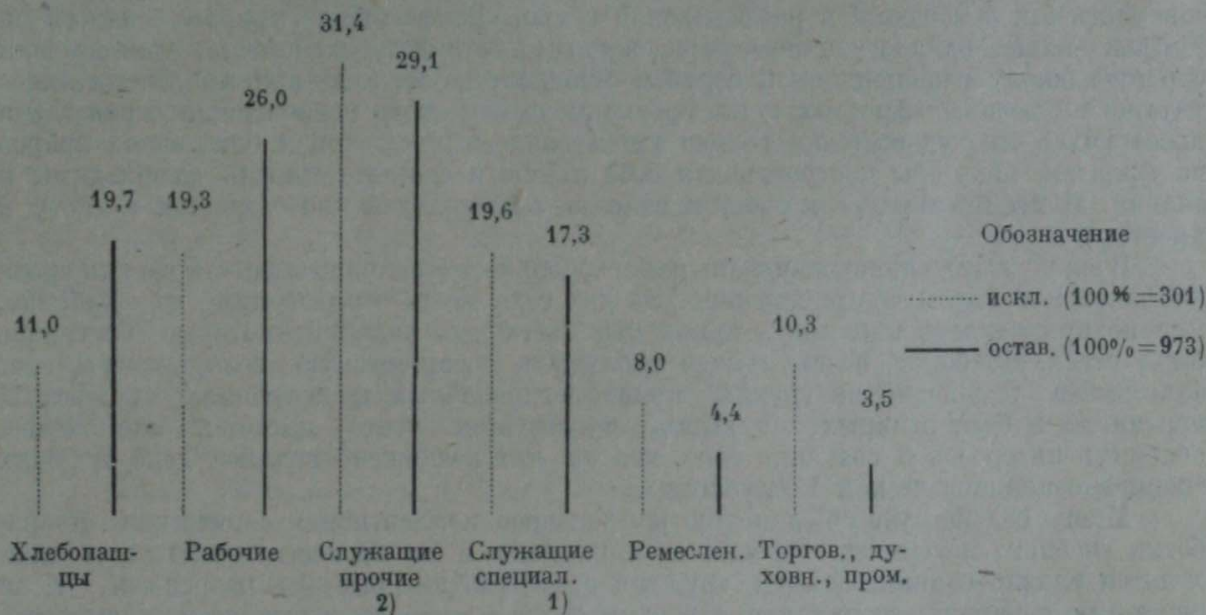
Главная причина—84,1 проц.—неуспешность, пункт 8—10,9 проц., неявка только на медицинском.

б) По вопросу социального происхождения мы имеем цифры таблицы 4. В основу классификации положена «профессия родителей до революции». За 100 проц. в одном случае берутся все уволенные, а в другом за 100 проц. все оставленные, для удобства сравнения.

Таблица № 4.

Профессии Факультет	Профессии						Итого
	Хлебопаш.	Рабочие	Ремеслен.	Служащие специалист.	Прочие служащие	Торговцы духовенст. промышл.	
Горный: исключен.	13	13	1	6	13	2	48
» оставлен.	49	50	9	28	46	4	186
Хим.-мет. исключен.	6	25	1	20	28	8	88
» оставлен.	56	109	13	59	114	8	359
Медицин. исключ.	14	20	22	33	58	21	165
» оставлен.	87	94	21	81	124	21	428
Итого по Ур.-ун.искл.	33	58	24	59	96	31	301
Проц.	11,0	19,3	8,0	19,6	31,8	10,3	100
» оставлен.	192	253	43	168	284	33	973
Проц.	19,7	26,0	4,4	17,3	29,1	3,5	100

Следующая диаграмма данным этой таблицы даст статистическую ясность.

Из диаграммы видно, что левое пролетарское крыло для исключенных с неохотой поднимается, как бы задерживая эти группы покидать ВУЗ, а центральные столбики и особенно крайний правый, наоборот, дают проц. исключенных выше среднего.

Таковы точные итоги результатов качественной проверки студенчества, большой долгой работы, давшей 21,4 проц. исключенных и переведенных—значительный для нашего малочисленного ВУЗ'а.

Общая цифра студенчества на август на технических факультетах, ее легко запомнить, 555.

Состав студенчества проверен. Балласт удален.

Новый прием — должен быть отборно-показательным как по своему социальному составу, так и по своим способностям.

Н. СКВОРЦОВ.

Вопросы быта.

Весною текущего года мною была проведена среди студентов Рабфака анкета по вопросам быта. В итоге получился весьма интересный материал, характеризующий взгляды нашей рабфаковской молодежи на отдельные вопросы, касающиеся их рабфаковского быта. Ответы студентов на анкету дают яркую картину жизни рабфаковцев, их интересов, стремлений и вводят нас, так сказать, в самое нутро той пролетарской кузницы, которой является Рабфак, выковывающий из представителей рабоче-крестьянской молодежи наших будущих передовых деятелей.

Анкета ставила на обсуждение следующие вопросы: товарищеские отношения студентов между собой в условиях их учебной и повседневной жизни; типы студентов, характеризующие их учебные и общественные интересы; студентки на Рабфаке и их взаимоотношения со студентами в рабфаковской общей работе; взаимоотношения студентов и преподавателей. По первому вопросу анкеты о товарищеских взаимоотношениях студенты отмечают прежде всего однородность своего социального состава, как благоприятное условие для установления искренних товарищеских отношений в рабфаковской семье. «Рабфаковцы пришли учиться на Рабфак—пишет один студент—с определенными взглядами на жизнь. Они прошли суровую школу революционной борьбы, большинство из них принимало активное участие на военных фронтах и на фронте экономического возрождения страны. Эта масса учла, что недостаточно только уметь владеть винтовкой и бить своих врагов на фронтах, но, чтобы построить для себя новую и светлую жизнь необходимы и знания. И мы потянулись к свету и знанию, как молодой побег тянется к свету и простору».

В силу этого единства чувств и настроений и «товарищеские отношения среди рабфаковской массы самые хорошие. За два года моего пребывания на Рабфаке, мне не приходилось наблюдать ярких отрицательных явлений, которые бросались бы в глаза. Наоборот, всегда можно наблюдать товарищескую солидарность, нет антагонизма и делений на группы привилегированных и непривилегированных, партийных и беспартийных, а всегда чувствуется нечто целое и компактное, общность интересов и сознание того, что на них возложено великое дело будущих творцов социалистической Республики».

Много содействует объединению рабфаковцев коллективная совместная проработка учебного материала, учебная взаимопомощь и «в процессе учебы нам приходится близко соприкасаться в трудных вопросах, которые мы разрешаем. Если некоторые товарищи затрудняются в проработке материала, то таковым оказывается товарищеская взаимопомощь со стороны успевающих.»

Наконец, и внешняя обстановка жизни рабфаковцев содействует сплоченности. Громадное большинство рабфаковцев живет в общежитии, в одинаковых условиях обстановки и общего распорядка жизни. Все друг у друга на виду; для развития одиночества, индивидуализма нет благоприятных условий. Наоборот, все содействует развитию коллективизма, согласованности чувств, привычек, стремлений, взглядов.

«В общежитии живут, почти, как одна семья, образуют коллективные котлы, некоторые пользуются общей одеждой».

А вот ряд картин общежитной жизни по анкетам. «Пред вами комнаты, в которые заброшено по 6—10—12 человек студентов. Раскроем хотя бы комнату № 4. Зайдем и понаблюдаем короткое время за жизнью комнаты. Посередине два стола, загруженные всевозможными предметами, начиная с ржавых перьев, карандашей, ручек, газет и кончая кусками хлеба, посудой. Вдоль всех 4 стен густо поставлено 10 шт. коек с небрежно заправленной, пыльной, мятой постелью. Возле коек стоит по столику, загруженному книгами, тетрадами, которые обычно покрывает кароваи хлеба, да несколько кульков с сахаром, яйцами, селедкой. Из-под стола или койки выглядывают запыленные старые голенища сапог, углы ободранных корзин. Таков внешний вид убранства и обстановки общежитных комнаток» (Дроздов).

«Утром с $\frac{1}{2}$ девятого до 4 часов вечера общежитие пусто. Но вот приходят с лекций. Приход с лекций всегда несет с собой новые вопросы, которые разрешаются в период 2—3 часов.

В этот период времени можно наблюдать в каждой комнате по несколько ораторов, сменяющихся один за другим. Есть такие из ораторов, которые говорят по часу, стоя на трибуне из скамеек. К таким можно отнести т. Максимова.

По приходе с лекций он влетает на трибуну и изливает горячую речь по поводу международного положения С. С. С. Р., оккупации Рура.

Последующее время заполняется математикой. Все сидят с понуренными головами, смотря на какую-нибудь плоскость, проходимую через основание пирамиды, так сидят до 8—9 часов. Часа за два перед сном большинство переходит к чтению каких-либо книг» (Урушев).

«Вот спорят два, три, целая группа товарищей, с такими жестами, с приподнятым голосом, что получается просто крик, глаза горят, думаешь вот схватятся друг с другом. Спор кончен. Товарищи шутят, смеются, как будто ничего не было (Лопатин)».

«И иногда в часы досуга слышно в корридорах общежития балалайку, мандолину, даже гармонику. Звуки музыки заражают весельем молодой организм. Тогда пляшут, поют, но это редко» (Федотов).

Переходя к обрисовке типов студентов, рабфаковцы единодушно отмечают задачу своего пребывания на Рабфаке. «И рабфаковец учится—это его главная цель. Лозунг тов. Троцкого: «грызите гранит науки молодыми зубами» рабфаковец выполняет твердо. Некоторые ломают зубы и уходят из наших рядов—мы называем их малодушными». (Федотов).

Но грызя гранит науки, рабфаковцы не сводят науку исключительно к учебе.

Типы ученых студентов, исключительно занятых учебой, составляют небольшой процент и не пользуются популярностью. Идеал рабфаковца—гармонично совместить ученость с «общественностью».

«Общественники—ищут студенты—не менее ученых интересуются и изучают академические науки, но, вместе с тем, они не отстают от жизни. Всякий вопрос общественного значения, где бы он ни был—на Рабфаке, в С. С. С. Р. или в мировом масштабе, общественниками быстро подхватывается; изучается и по нему делается соответствующий вывод.

«Наши общественники студенты являются главными коноводами и барометрами Рабфака. Они за собой увлекают и остальное студенчество, что называется дают ему тон». (Лапшин).

Между этими двумя выраженными рабфаковскими типами—ученых, которые в меньшинстве и «общественников», которых большинство,—располагаются и средняки с уклоном в ту или другую сторону. Иногда между представителями этих двух течений возникают шуточные перепалки: «Общественник ругает математика односторонней математической точкой и цифровым схоластиком. А на общественников льются остроты, в роде болталоги, идеалисты, и бездельники. Но это ничуть не раскалывает рабфаковцев на какие то лагеря». (Костарев).

Среди основных рабфаковских типов, попадаются и исключения. «Есть и такие рабфаковцы, которые пришли на Рабфак для того, чтобы расправить себе крылья, пробраться в Университет, а там, мол, мы покажем себя. Такие молодцы на Рабфаке «заигрывают в демократию». Всячески подделываются под общие условия жизни, но видно сокола по полету».

«Есть и хлысты—ребята. Ходит себе иной рабфаковец, стреляет по Главному и в ус не дует, что у него есть повседневная постоянная работа по учебе. Только мысли о «пропеллере» заставляют его схватить тетрадку в руки и зубрить Федорову и закон Ома». (Костарев).

По другому эти хлысты-ребята называются также «обломовцами». «Их небольшой процент. Они как их предок, любят поговорить, построить планы, но когда дело дойдет до выполнения, то у них не хватает ни терпения, ни воли. Но таких на Рабфаке единицы». (Лапшин).

Студенток—женщин на Рабфаке сравнительно немного. В анкетах пишут о них: «Есть среди них много дельных, активных товарищей, не хуже любого общественника, но большинство из них более отсталые, чем остальная рабфаковская масса. Из них, пожалуй, большой процент «ученых», чем общественников». (Лапшин).

Другой студент пишет: «Рабфаковки резко отличаются от уездных барышен прежнего типа. Они работают с мужчиной наравне, несут те же обязанности». (Костарев).

Одна из студенток горячо возражает на обвинения в неактивности, указывая, что над женщиной больше, чем над мужчиной, тяготеет власть прошлого. «Привычнее видеть женщину в кухне и в вечном страхе и таком явлении, как ее учеба, кажется ненормальным. Отсюда делают заключения о ее нежизнеспособности, такой взгляд на женщину, как на слабый элемент, непростителен. Среди девчат очень мало «общественников», это вполне естественно, потому что ребята более развиты политически, а девчата в этом отношении отстали. Но в этом виноваты только условия, в которых жила женщина» (Назарьева).

Такова рабфаковская студентская семья. Дружно и сплоченно стремится пролетарская молодежь на широкую дорогу и бодро, уверенно звучат ее голоса.

Вполне налажены отношения студентов с преподавателями. Преподавателей на Рабфаке около сорока человек. Большинство из них работает на рабфаке с начала основания. Вместе со студентами преподаватели пережили наиболее трудные первые годы в жизни Рабфака, вместе с ними голодали и холодали, но неустанно, с увлечением строили новую пролетарскую школу.

И теперь, на пятом году рабфаковской жизни, основное ядро преподавателей продолжает углублять поиски новых путей в преподавании. Этого неизменно требуют сами студенты, для которых старые методы преподавания решительно неприменимы. Студенты требуют тесной связи всех наук с жизнью, с производством на фабрике и заводе. В отношении общественных наук, они держат твердый курс на марксистское миро и жизнепонимание.

Понятно, что эта требовательность и настойчивость студентов в отношении методов преподавания, заставляет преподавателей вести чрезвычайно трудную и ответственную работу. Многие вопросы еще не разработаны и в научной педагогической литературе.

Как трудно надеяться в ближайшие годы на надлежащее оборудование лабораторий и кабинетов. Приходится поэтому часто идти по цельному неизвестному пути. Но выручает в этом трудном положении активность самих студентов, их производственный и жизненный опыт.

Благодаря этому взаимодействию дело налаживается и движется вперед.

Обо всем этом студенты и пишут в своих анкетах. «Взаимоотношения преподавателей и студентов благополучны, нет антагонизма и недоверия, наоборот найден общий язык и друг друга понимают». (Лапшин).

«В преподавателе видят старшего товарища по группе и задают вопросы ему, как товарищу. Есть некоторые методы преподавания, которые развивают крайнюю индивидуальность учащихся, т. е. каждый слушатель как бы отвечает сам за себя. Но благодаря общности выкристаллизовавшейся на производстве, слушатели своим пролетарским чутьем поворачивают по своему, не идут в эту индивидуальность, а делают так, чтобы один из них и все за одного» (Михайлов).

Один из студентов развивает мысль о посылке преподавателей на производство во время летних каникул. Нужно летние перерывы использовать для подготовки преподавателей путем посылки их на производство. Естественник и математик возьмут на заводе материал для задач, примеров, фактов и узнают какими примерами из производства можно будет иллюстрировать материал по физике и математике и соответственно этому будет строить программу.

Общественнику (история, литература) тоже хватит работы на заводе. Вот, например, дискуссия на собрании в заводе вопрос быта или производства, Здесь можно сделать научный анализ всему, что говорится: почему так понимают, а не иначе.

В заключение итогов анкеты коснулись вопроса о здоровье наших рабфаковцев. Единодушно отмечая свою готовность «грызть молодыми зубами гранит науки», рабфаковцы отмечают неблагоприятие своего здоровья.

«Вот беда, 80—90%, если не на 100% рабфаковцев больны. Болеют Т. В. У. (туберкулез), болеют неврастенией, катарром кишек, малокровием. Это ужасное зло. Это трагедия в обществе современного молодняка. Биологически можно объяснить вот чем. Раньше работали на производстве. Двигался, мускулы были гибки, эластичны, упруги, как сталь. Вдруг попадает в такие условия, в которых трудовые физические процессы занимают редкое, ничтожное место. Отсюда осложнения. Отсюда заболевания. Особенно это относится к женщинам. Женщины цветущие жизнерадостные, после поступления на Рабфак, к концу оказываются желтолицыми, апатичными». (Федоров).

Таковы итоги анкеты наших рабфаковцев в своем быте.

Все, что здесь написано, пережито ими за три года пребывания на Рабфаке. Половина пути пройдена, фундамент заложен. Кадры новой пролетарской интеллигенции пополняются все больше и больше. Настроение молодежи бодрое, смелое. Верится, что полученный рабфаковский закал будет упругим и твердым в борьбе и работе.

Нужно только беречь здоровье молодежи, создавая для нее благоприятные жизненные условия в обстановке.

АНФИЛОФОВ.

Нужны-ли рабфаковцам экскурсии.

Вопрос об экскурсиях у нас ставился в последнем полугодии текущего 1923—24 учебного года. Многие группы целиком, с жадностью ухватились за этот вопрос, начав ходатайствовать пред президиумом и факкомом рабфака о принципиальном разрешении затронутого вопроса, а попутно с этим предлагали конкретные практические предложения. Но вопрос застрял в отделе «волокига».

А интерес к экскурсиям настолько велик, что рабфаковцы даже соглашались изыскать средства отчислением от стипендии.

Но из нашей среды оказались «счастливчики», которым была оказана всякая поддержка союзом железнодорожников, как то: бесплатный проезд, денежное пособие и т. п.

Они осмотрели промышленность Урала и центра, ознакомившись с ее техникой и т. д. Польза безусловная. О результатах экскурсий, проделанных железнодорожниками, они напишут, но заранее уверен, что пользу ихней поездки принесли громадную. А теперь пока несколько слов о пользе экскурсий вообще и нужны ли они нам, пролетарскому студенчеству.

Это так было, но так не будет и вопрос об экскурсиях, он не может вторично запутаться в паутине волокига, экскурсии нам, пролетарскому студенчеству, руководителям будущего социалистического хозяйства, бесспорно нужны и полезны. В процессе экскурсий мы получим отдых, который, нам, вчерашним слесарям, токарям, молотобойцам и пахарям ценней и полезней, чем санатория или дом отдыха с однообразной постановкой, не могущей удовлетворить привыкшего к деятельной жизни рабфаковца. С научной стороны мы не только познакомимся с экономикой и культурной жизнью городов и целых областей, не только получим кое-какие географические и исторические познания, но мы узнаем, как применять получаемые знания, и из истории, и из полит. экономии, и, главное, какие запросы делать в дальнейшем при изучении этих наук и в таком виде реформировать наше

преподавание. Изучая физику, химию, мы можем ее всегда проработать, применить к практике в лаборатории на фабрике, заводе, а историю, географию и частично полит-экономию в данных условиях на своих производствах применить и как следует проработать в аудитории не предоставляется возможным. Экскурсия для этих предметов является прекраснейшей лабораторией, с природными препаратами, дающими возможность произвести те или иные эксперименты.

Эта польза для нас. А для других? Всем, кто встретится с нами в поезде, на пароходе, в деревне, фабрике и заводе мы сумеем показать на деле культурной работой и товарищеской солидарностью, кто такие рабочие студенты и какая пропасть между нашей поездкой и прогулками с жиру бесящихся студентов буржуазной школы.

Во время экскурсии мы можем выполнять поручения партии, выступая с теми или иными докладами, устраивая концерты с революционно-агитационной сатирой.

В пути мы будем в силах изучить быт и обряды разных народностей нашей страны.

Проезжая городами, хуторами, селами, деревнями и заводами мы сможем собрать показательную коллекцию разных издающихся стенных и других газет, камней и разного сорта и качества интересующих нас вещей.

Желательно и будет возможно фотографически заснять местности, жилища, производства того или иного значения, типы крестьян и рабочих.

Набравшись энергии и старания, можем из личных наблюдений и обследований проработать и составить несколько естественно-географических докладов.

Много еще полезного принесет экскурсия—это бесспорно, только для этого необходимо создать благоприятные условия в смысле материальной базы, на которой возможно строение здания. Анализируя финансово-экономическое положение страны, нужно сказать, что располагать на государство, чтоб оно за свой счет проводило экскурсии учащихся, не приходится. А поэтому мы, рабфаковцы, привыкшие к борьбе военного и трудового фронта, выходявшие в силу своего пролетарского мужества из всяких бедствий и, я больше чем уверен, что мы на фронте завоевания высот науки выйти из тупика, загораживающего движение, сумеем.

Синтезируя сказанное, я полагаю, что вопрос о полезности экскурсий очевиден, только теперь нужно немедленно, с начала учебного года заняться практическими мероприятиями по затронутому вопросу.

На первый взгляд я считаю необходимым, более реальным и существенным создание экскурсионного кружка. Этот кружок при условии максимальной инициативы посредством субботников, спектаклей, концертов и отчислений может создать к лету фонд, средства для экскурсий.

В прошедшем учебном году мы устраивали несколько экскурсий по фабрикам и заводам города Екатеринбурга без всякого, я бы сказал, плана и целей достижения. Кружок, при непосредственном в нем участии преподавателей экономистов, должен наметить план летних экскурсий с определенными задачами. Тогда только у нас будет польза, тогда только мы приступим к изучению нашего производства. Из наших материалов экскурсии будет видно техническое оборудование, рациональное использование труда и разные недочеты. Имея этот материал, кружку, совместно с кружком Н. О. Т., придется его анализировать с точки зрения научной организации труда и выносить свои мнения об улучшении производства. Занимаясь этим делом, мы практически закаливаемся, как будущие строители социалистического хозяйства.

Итак, за новое дело возьмемся дружнее,
Будет полезно и жить веселей.

ГР. ВЕРШИНИН.

Рабфаковцы на отдыхе в Карабаше.

Филиальное отделение «Рубанка» за работой.

Мы, группа рабфаковцев, получив от Исполбюро билеты в санатории, отбросив все «людские помыслы», спешим туда, где можно забыть на время квадраты, кубы, радикалы, где можно на время вырваться из бурлящего рабфаковского водоворота, отдохнуть от каждодневных собраний, заседаний, подремонтировать растрепанное здоровье, очистить легкие.

С таким настроением попадаем в Кыштым, где нас по узкоколейке должны доставить в Карабаш.

Но... больной предполагает, а Обздрав располагает и мы 40 верст мчимся на тряских телегах, вначале в облаках пыли, а потом в тучах грязи.

Неприветливо показалось начало, неприветливо встретил нас и Карабаш. Холод, дождь, грязь...

Идем в столовую. Занимаем свободные места.

— Будьте добры, очистить место—раздается у нас над ухом. Оглянулись, недоумеваем и... продолжаем шамать.

— Вам говорят—очистить место!—надоедливо скрипит какой-то благообразный галстух.

— Местничество отменено—лаконически отвечаем—отвяжитесь и не мешайте обедать... а то будем всегда на «Ваше» место садиться.

Местничество, хвост больных за супом, удивительная коллективность, вежливость, кислый кумыс и... тысяча и одно правило, развешанное на дверях, стенах и шкафах только для того, чтобы их в большинстве не соблюдать, привели нас в немалое уныние и удивление.

Прошла неделя—другая. Изучив окружающий нас элемент, ознакомившись с условиями, пытаемся поднять бурю в управлении санатории. Начинается борьба за лучшее существование. Посылаем делегатов к заву с рядом требований. Обещают улучшить.

Обещанного ждем, но живем по старому. Пускаем в ход испытанное рабфаковское оружие: наш незабвенный «Рубанок».

Разрешают устроить вечер и выпустить газету.

Между пьеской и концертом под шумные аплодисменты и крики больных и остальной публики (всего человек 300) выходит «Рубанок».

С глубоким вниманием слушается передовая, прерываемая вставанием в память погибших во время империалистической войны, а дальше смех и аплодисменты сопровождают чтение «Рубанка».

Через день. Чистка белья, уборка палат, ликвидация «хвостов» за пищей, во время кумыс, прибавка посуды, увеличение порции и настороженность низшего персонала.

В жизни санатории—перелом, больше товарищества, больше общности с администрацией и несомненные улучшения.

И все благодаря «Рубанку». Слава же ему и наш горячий привет ему на Рабфак с гор Южного Урала.

ДИМ.

Наша басня.

Анализируя работу студенческих организаций, невольно наталкиваешься на весьма неприятные факты в деле распределения общественной работы между отдельными товарищами.

До сих пор обыкновенно осенью во время переВыбора у нас назначались «жертвы нынешнего года», как выражалось большинство работников.

И действительно делалось так: если тот или иной товарищ показал себя работником, на него делается такая нагрузка, от которой он едва ноги таскает и не имеет времени заглянуть в аудиторию—и как «попрыгунья стрекоза... оглянуться не успела, как зима катит в глаза», но разница лишь та, что катит весна с зачетами, а не зима, но сущность одна и та же.

Стрекозе следовал ответ: «Иди-ка, попляши», а нашему герою на вопрос: дадите ли мне хоть годик свободно позаниматься? следует: «Еще тарелочку, мой друг».. В результате получается породистый, общественный работник с 4—6 годичным стажем, а воз с учебой все ни с места. Время с этим недостатком покончить: отказаться от «жертв нынешнего года», а рационально распределить всю общественную работу между отдельными товарищами, которая бы им позволила справиться с учебой и участвовать в общественной работе студенческих организаций Университета.

Для этого стоит только вовлечь широкую массу студенчества в общественную работу Университета.

М. ЯРУШЕВ.

Опыт и итоги массовой работы медиков в городе.

После проведения двухнедельника, перед студенческими организациями встал вопрос о необходимости изыскания новых путей работы, так как двухнедельник всколыхнул находящееся в спячке студенчество, выявив стремление к работе.

В конце марта профком Всемедикосантруд решил первый шаг в этом направлении, выделив 20 человек студентов старших курсов членов профсоюза. Ячейка Комсомола дала 4 человека и ячейка РКП/б/ выделила одного партийца в Бюро массовой работы. Для начала были взяты для опыта 4 больницы: городская больница, туберкулезный диспансер, венерический диспансер, повивгинекологический институт.

Студенчество было разбито на группы от 6—7 человек в каждой группе и избран староста группы для связи с Бюро, с другой стороны; с месткомом больницы. В основу раздельности групп было положено то, что группы имеют целью только культурно-просветительную работу, которую ведут под руководством месткома, являясь толчком, будирующим массы низовых работников к самодеятельности и ни в коем случае не вторгающиеся в повседневную деятельность месткома.

После организационного собрания, старостам групп было поручено связаться с месткомами, провести информационные доклады о предстоящей работе и выявить запросы и потребности масс. По проведению этого собрания для разработки плана работы были намечены следующие области: политико-просветительная, культурно-просветительная, (как-то: естествознание, санитария, гигиена, ликвидация неграмотности, экскурсии и т. д.). Каждая группа дала отдельному товарищу тему для разработки и подготовки к определенному по плану дню.

К 10 апреля подготовка работы закончилась и с этого дня можно считать начало работ. За период с 10 апреля по 20 июня проделано следующее:

Назван. месткомов	Естество- знан.	Анат. и физиол.	Зараз. болез.	Социальн. бол.	Проф. движ.	Работа сре- ди женщ.	Камп. по текущ. мо- менту.	Экскур- сии	Стенгаз.	Сред пос.
Гор. б-ца	1	2	—	—	—	2	4	2	3	20
Туберк. дисп.	1	2	1	—	1	—	9	1	3	15
Венер. дисп.	2	2	3	2	1	—	6	2	3	20
Гинекол. ин.	2	2	1	2	1	—	6	1	3	15
В.-Исет. б-ца	4	2	—	—	—	1	3	—	3	20
Дом безработ.	1	2	1	—	—	—	—	—	—	20
Итого	11	12	6	4	3	3	28	6	15	18

Итого по культурной работе 38 бесед, по политпросветительной 28. Стенгазеты выпущено 2 номера—всего 15 номеров. Экскурсии—6, а всего обслужено 1296 чел.

С первых же дней работы на местах выявилась потребность в стенгазете; после некоторых дебатов была организована общая Редколлегия по 1 представителю из месткома с участием студентов. В начале, у некоторых товарищей была тенденция организовать самостоятельные стенгазеты при каждой больнице, затем мнение общих собраний работников больниц говорило за то, что работников недостаточно и поэтому газета замрет с первых же шагов, а потому и организовали одну газету на 5 больниц. Произвели выборы корреспондентов и первый № вышел 1-го мая.

Стенгазета всколыхнула массу, выявился живой интерес к ней, а кроме того, через этот свой орган повелась борьба с недостатками на местах, вызывая низовых работников к самостоятельности. Газета оказалась жизненной, хотя противники предсказывали, что она замрет с первых же дней, но к 20 июня вышел третий номер, более большого формата и более художественно отделанный.

Если проследить развитие работы, то только в апреле и мае она была интенсивна, но в июле уже начала ослабевать: студенчество начало раз'езжаться на каникулы, перед Бюро встал вопрос продолжать начатую работу на летнее время с оставшимися студентами в городе. В такой плоскости вопрос был поставлен перед профкомом, который поддержал необходимость продолжение работы, после чего провел регистрацию оставшихся в городе.

Здесь пришлось снова провести перестройку групп из новых лиц, незнакомых с работой и большей частью студентов первых курсов. Число групп увеличилось и число студентов, охваченных группами, было около 100 человек. Но качественно они не все были способны выполнить предстоящую работу, а поэтому пришлось уделить много внимания на составление календарного плана с таким расчетом, чтобы работа шла продолжением прежнего плана, а там, где она начиналась снова, то в том же направлении, что было уже приобретено опытом. Для работы в стенгазете были подобраны новые товарищи.

Из опыта прошлой работы было видно, что не всякого товарища нужно выпустить с докладом, были провалы, а поэтому необходима была осторожность. Тема давалась недели за 2 до доклада, с указанием пособий—литературы; докладчик должен был составить конспект, который перед докладом передавался старосте группы и здесь совместно пересматривали его, дополняя слабые стороны, затем было поставлено в обязанность, чтобы во время доклада по возможности присутствие вала вся группа и учитывала промахи делавшего доклад товарища, а после доклада провести беседу на тему этих недочетов. Работа продолжалась только один месяц, как как в связи с ликвидацией Медфака, пришлось ее ликвидировать.

Проделано следующее:

Назван. местк.	Естество- знание.	Анат. и физиол.	Зараз. болез.	Социальн. бол.	Профес. движ.	Раб. среди женщин.	Текущ. момент.	Полит- грамота	Экскур- сии.	Стенгаз.	Другие темы	Средн. нос.
Гор. б-ца	1	—	1	1	—	—	1	—	—	1	—	24
Тубер. дис.	1	—	1	—	—	—	1	—	—	1	—	13
Венер. дис.	1	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	47
Дом безр.	—	—	—	—	—	2	3	—	—	1	1	14
Жел.-д. б.	1	—	—	—	2	1	1	—	—	1	—	37
Гинек. инст.	1	1	2	—	—	—	1	—	2	1	—	27
Детск. изол. и нервн. больн.	2	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1конц.	31
Детск. незар.	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	17
В.-Исет. б.	2	—	2	—	—	—	2	5	1	1	—	15
Хирург. кли- ника	—	1	2	—	—	—	1	—	—	—	—	47
Итого	9	2	9	1	2	3	13	6	3	7	2	27

Еще нужно сказать, что кампании по текущему моменту и политграмота про водились силами членов партии.

Подводя эти итоги, нужно сказать, что массовая работа «не иллюзия», опыт оправдал себя. Мы нашли тот путь, по которому должна проводиться связь студен чества с тем производством, в котором оно должно работать с выходом из стен университета, и не только это возможно в больницах, но вполне возможно вести культуработу и среди рабочих производственных предприятий.

Втягивая студенчество в массовую работу, мы тем самым будем переваривать его, готовя врача-общественника. В связи с переходом ВУЗ'ов на новые рельсы, эта массовая работа указывает дорогу не только для культуработы, но и для практиче ской деятельности, которую необходимо связать с учебой. Начиная работу с сани тара—нужно постепенно дойти в работе до врача.

Куртамышский завод.

Наше землячество, состоящее из 3 человек (студентов УГУ), встретило дру жеское отношение в ячейках РКП (б.) и РКСМ, под руководством которых рабо таем. К настоящему времени сделано следующее: прочтены доклады: о Доброхиме, Мопр'е, интервенции. Нами была проведена кампания по выяснению убытков от интервенции по Куртамышскому сельсовету, куда подано 40 заявлений; имуще ственных убытков на сумму 13.000 р. и кроме того претензий о расстрелах и дру гих личных убытках.

При клубе ячейки РКСМ организовался естественно-научный кружок и тут мы взяли на себя проведение бесед и лекций.

На-днях был поставлен спектакль в пользу Мопр'а.

Среди крестьянства вести работу приходится мало, так как сейчас в деревне горячее время и собрать крестьянство дело трудное, все же стараемся делать все возможное.

Главным же образом, наша работа сосредоточена вокруг комсомола. Отноше ние к нашей работе самое дружеское и доверчивое.

Студенты куртамышцы.

Наше студенчество на Асбестовых рудниках Баженовского района.

В текущем 1924 году на Асбестовых рудниках на летнюю практику съехалось из разных университетов и институтов 32 чел. Из них 10 студентов Ленинградского Горного института, Урало-университета 6 человек и др.

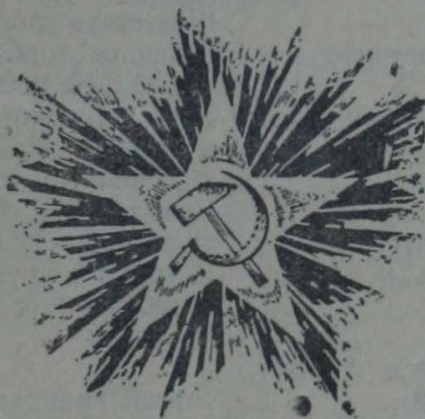
Интересно отметить, что при регистрации студенчества сказалось: членов и кандидатов РКП 8 человек—25 проц., членов РКСМ 2 чел.—6,25 проц., членов профсоюзов 8 чел.—25 проц., беспартийных и не членов профсоюзов 14 чел.—43,75 проц. Итого 32 чел.—100 проц.

Для более правильного распределения студенчества как для прохождения летней практики, так и для ведения планомерной культурной работы и связи с партийными и профессиональными организациями на рудниках, организовано Студбюро из 3-х лиц (находящееся в центре рудников) и 2-х представителей для двух участков, удаленных от центра на расстоянии 1¹/₂ и 5-ти верст.

Проделана за это время помимо, конечно, текущей летней практики на культурном фронте следующая работа, примерно за 3¹/₂ недели: для 3-х рабочих клубов выделены руководители от студентов в ленинский, профдвижения, жендвижения, физкультуры, самообразования и драматический кружки. Кроме кружковой работы проведены доклады-беседы на общественно-политические темы: о резолюциях XIII съезда, о Доме Крестьянина, о хлебном займе, о значении рабочих клубов, о кооперации, кодексы законов, колчаковщина и т. д. Участие в проведении кампании помощи Дому Крестьянина, которая дала, примерно около 200 рублей.

Ведутся занятия по подготовке на рабочий факультет. За этот период поставлено 6 спектаклей, из которых 2 бесплатных и 4 платных (в пользу Дома Крестьянина, Мопр'а, на усиление средств местной ячейки РКСМ и клуба). А также некоторые из студентов участвуют в работе партийных и профессиональных организаций.

Староста Асбестовской группы **И. Перминов.**

В. МОЛЧАНОВ.

Новому рабфаковцу.

Эй, ты, нового приема —
Пролетариев расцвет,
Рыцарь красного под'ема,
Принимай себе привет!
Разгони туман в долине,
Разожги везде огни
И к намеченной твердыне
Смелой поступью шагни!
Посмотри, по всей Советской
Звонко песни разлились;

Размахнись по молодецки,
Мощной грудью развернись!
Ведь недаром побежденный
Под ногами враг лежит,
И недаром затаенный
Взор твой критикой блеснит!
Скоро ты захватишь в руки
Новой мудрости резец,
У преддверия науки —
Разрабфаковский боец!

И. КЕЛЛЕР.

Товарищ Аня.

Из поэмы В. Гиршгорн.

—1—

С пустого неба ночной стек лак,
залил квадрат окон;
дверные звякнули стекла,
побежали шаги легко...
Мандат из рыжего портфеля
развернувшись, упал на стол,
и глаза мои, прицелясь,
читали приказ простой.
Оттиск штабной печати,
число на штампе в углу...
Почему у левого плеча тик
неожиданно стал глух?..
Маленькая, в грубой гимнастерке,
в кепке, сдвинутой назад,
но все время оставались зорки
теплые глаза.
Улыбнувшись, уронила: — Аня,
энергично руку потрясла...
— «Значит вместе мы работать станем
В *Агитпропе* с этого числа!..»

—2—

В детстве Ани: город тихий и чистый,
перерезанный мутной рекой...
Только — озорные *гимназисты*
нарушали дракой покой.
Жили все одинаково просто,
погруженные в сладкий транс,
Будто город — заброшенный остров,
а поля вокруг — океан, —

Поезда — в огнях — пароходы
Проплывающие вдали...
Так ползли караваном годы,
не касаясь жирной земли!..

—3—

Аня любовно письма копит,
радуется, когда их становится больше
(у Ани брат — в вонючем окопе
где-то в далекой Польше),
Первые дни горячечным бредом
городок, до крыш, захлестнули...
Шелестело слово «победа»
в канаве горбатых улиц.
Но закаты пылали и гасли,
годы плавило небо — домна;
и каждый был в городе счастлив,
убаюканный сонью комнат.
Война стала тихим словом,
уплывал сумасшедший фронт.
И город погрузился снова
В меланхоличный сон!

—4—

Ночью приехал Сережа,
вместо серой шинели — пальто;
Аню поразила: обгорелая кожа,
голова, повязанная бинтом.
Одет был странно — неряшливо,
зрачки — беспокойны, как ртуть;
часто сухо покашливал,

платок подносил ко рту.
Сонный дом испугал стуком,
вошел чужой и далекий...
Аня: руки горячим галстуком
целуя небритые щеки.
Щеки щетиной щекочут,
поцелуй слезой солен...
И казалось, что этой ночью
воздух—раскален!..

— 5 —

Шелестит, шелестит везде,
надоедливо — дезертир.
Сергей сидит весь день
в своей комнате взаперти.
Но когда черной ночи щит
чернильную чертит тень;
уходит.... Попробуй, сыщи
в обманчивой темноте!
Отец—истеричен и желт,
частой руганью глушит дом;
и стал непомерно тяжел
несказанных мыслей ком.
Только Аня входит могла
к брату в комнату эти дни,
и зрачки любопытных глаз
отражали страницы книг.
Ни любовной тоски разбег,
ни охрипшие соловьи,
а о том, как нужно в борьбе
за повод года словить!
Ни ночами мятых простынь,
ни кольцо синевы к утру,
а слова—как они просты!—
поющие потный труд.

И когда уходил Сергей
(может быть не придет назад...)
у Ани—камнем в серге—
горели глаза!..

— 6 —

Обыватели долго толпились
не могли догадаться, зачем
Красный флаг поспешно прицепили
на застывшей цаплей каланче.
Сергей в ундервудном хрипе...
Слово, время все учтено!
Не важно, что чай не выпит,
что бессоницей пухнет ночь,
что порвалась блуза на локте,
что рубаха грязна,
когда нужно, что-б злобных строк течь
подавала к восстанию знак.
И кляксы—красные вишни—
усыпают корявый стол...
—Если есть агитатор лишний,
отправьте немедленно в полк!..
—Телеграмма на адрес Совдепа:
Керенского сверг Ревком!..

Вот он, вот он—великий эпос
расцветает стальным цветом.
Ане много работы тоже,
разбирать брошюр этажи
и для Ани всего дороже
бессонная эта жизнь!

За окнами—старым плакатом
синевы линиялый лоскут
и грязные краски заката
на ржавые крыши текут!!
Одесса 1924 г.

ГЕРМ. ПЛЕСС.

Поэтам эмигрантам.

Поэт тебе-ли безмятежный
Будить железные сердца,
Твой непонятен голос нежный
А льстить!—О, кажется с лица-ль?
Бряцающая бывало лирой томной,
В решетке чувств души своей,
И шел один дорогой темной
Зачем теперь, изменник ей?
Бывало ради восхваленья
Ты говорил, что «Ни для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв».
А помнишь-ли, как гордо, смело,
Отрекся ты от всех от нас?
— Подите прочь! Какое дело
Поэту мирному до вас?

Теперь, изменник, ты за гранью,
Из черни чернь теперь с тобой,
Ругаешь нас презренной бранью,
Зовешь: «живое», все на бой!
Иль пританчившись за спиною
У нас, на ложный путь зовешь,
И как всегда один ты ноешь,
Но почему один нейдешь?
Иди своей дорогой, смело
Влечет свободный ум куда.
Мы знаем сами свое дело,
Не по пути нам господа.
Мы рождены ни для моленья;
Для песни грохота машин.
Твои нам чужды вдохновенья,
Мы—коллектив, а ты—один.

Л. СЕЙФУЛЛИНА.

Преступление.

Р а с с к а з.

I.

Только и разговор, что про половой вопрос. В комсомоле даже своя «спеца» в этом деле завелась. Самый главный спец—Колька Быстринский. Четвертого класса, второй ступени. Из старых реалистов. Акушерки сын. Фореля профессора книжку у матери стащил. Так по ней насобачился, все по научному теперь объясняет. Костю он же в беседы эти о половом чувстве втянул. Остановил один раз в коридоре:

— Сообщи мне сведения, Семенцев... Идем-ка сюда.

Прошел в зал, и Костя за ним. У окна пристроились. Собрал лоб в складки. Строгим сделал угристое старообразное лицо. Внутренне спросил:

— Ты работаешь в детской коммуне имени Карла Маркса?

Костя смутился:

— Да... то-есть... Две недели я там не был.

— Ага-м... Но все таки работал, наблюдал?

Глядит, как из Губкома партии посетивший.

Костя обозлился. Что-ж что года на два старше? Не больно начальник.

— А тебе какое дело? На собраньи расскажу, когда спросят. Чего ты вяжешься, долговязый?

Быстринский сквозь зубы короткий снисходительный смешок пустил:

— А ты чего окрылся? Я к тебе с полным доверием: пролетарского происхождения и сын коммуниста. По-товарищески, наблюденья твои прошу сообщить... Статью обещал Зайцеву в страничку. Так меня вот интересует, каковы там отношения между полами. Там правонарушители на исправлении... Очень показательно. Как ты говоришь?

— Сходи, да посмотри. Я что-ль знаю.

— Некогда мне... Завтра должна быть готова статья. Не замечал ты там романов, связей между старшими возрастами?

— А, ну, тебя к чорту. Ничего я не знаю. Лунят мальчишки девочек,—видел. Топка разнимала... Некогда мне.

— Все таки вечером обязательно на нашу дискуссию приходи...

И ушел. Дай ему сведения. Ладно на готовое то. А пойдв-ка с ними, с коммунной с этой, поговори. Вот две недели назад пришел Костя книжку одну антирелигиозную с ними читать. А они, старшие мальчишки, в спальне о чем то совещались. Костя к ним, а Семка рябой глаза сощурил и говорит:

— Нам некогда. Иди, иди, куда шел. У нас тут своих вопросов много.

И вытолкал его за дверь. Драться с ним, что ли? Больше не ходил. Что-ж один на этой работе остался. Топка на копи уехала, Петр командировку в Москву учиться получил, Васька Силантьев в своем районе да над книжкой изводится, двое в деревне. А один что туту сделаешь? С антирелигиозной тоже на Колокольниковской мельнице провалился. Выскочила старушенка одна... И как вперлась молодаяжничка слушать не видал Костя. А она всю музыку испортила. Простенько, бедно одетая, а оказалась из благородных.

— У меня, говорит, сын студент. Он мне объяснял. Вот молодой человек сомневался, как Ной в один ковчег больно много понабрал. Тогда мало было разного сорта птиц и зверей...

Что тут скажешь? Может и вправду их десяток какой немудрящий был... Этого Костя не знает, хоть тоже в четвертом классе. И тоже еще до революции учился. Пошел было к секретарю своего комсомольского губкома. Петьку Буша сменил Боря Зайцев.

Стукнул и открыл дверь.

— Что, товарищ?

Досадой у Зайцева оживились глаза. Помешал Костя. Тоже и с этим разговаривать... Чисто икона за престолом—за своим письменным столом. Губы строго сжимает и глаза как у отрока мученика.

— Я насчет антирелигиозной пропаганды. Вот когда такой вопрос задают...

— По этой части товарищ Воронцов. Пройдете к нему. Он в типографии, но сейчас вернется... А я спешу закончить...

А на чорта Косте Воронцов? Крутится, вертится, заикается, глазами мигает. Статьи тоже, как Борька Зайцев, умеет писать. С книжкой оба в статьи, да в тезисы ушли. Тезисы ладные, а что же? Косте живой разговор надо. А, ну, их. А антирелигиозной тоже заниматься бросил. И все это в этом комсомоле так. Ткнулись куда неумехами, осрамятся и скапуются. И все как то вразброд. Раньше вместе были. Бывало раньше до нутра в комсомоле забирали. Теперь все по кружкам. А на самом деле одна мертвячка. Только и выются около Быстринского с Форелем, да еще по драматическому обучению.

— И туда Костя совался. Вчера пришел в большую комнату, увидел, собрались братишки. Обрадовался. Поговорить есть с кем. Заулыбался. Ответили молчаливыми кивками головы, косыми внимательными взглядами. Потом все опять затылком к Косте. Лекция, что ли? Сразу то и не рассмотрел. Беляков Уральский орудует. Обучение драматическому искусству. Занятно посмотреть. Присел тихонько на скамью позади. Впереди на стульях те, что обучаются. Сидят в развалку и лица сонные. Три девочки на диванчике сидят впереди, а пятеро мальчишек перед ними растерянно шепчутся. Первый то Колька Кочергин. Ничего, ловко вихляется. А четверо за ним, как бараны напуганные. Кучкой. Вид у них смущенный, жалостный. Тонкогубый, без усов, без бороды, гладко выбритый, в золотом пенсне, манерный Беляков у окна. Кривя рот, сердился:

— Я вас попрошу, товарищ Бурункин, не поддегивайте штаны. В салоне штаны не поддегивают. Ну? На диване графиня и ее две дочери. Одна замужняя. Целуйте руки замужним... Девице не надо. Говорю девице руку не целуют. Куда вы, Каплан? К графине сначала подходите. Де-ви-и-це руку не целуют. Опять вы, Бурункин, за штаны...

Длинный Бурункин конфузливо свел узкие плечи. Голову в них утянул. Покраснел мучительно. Но смех в зале рассердил. Срывающимся от смущенья и обиды голосом отозвался:

— А когда спадывают, так что же, пускай, упадут? Похудал я...

Беляков от окна дернулся:

— Не похудал, а похудел. Подтяжки надо носить. Изображаете салон, а не ночлежку... Надо овладевать культурой буржуазного общества. Подходите, целуйте графине руку. Ужасно неуклюже. Сгубят вас ваши штаны.

Над Бурункиным Костя со всеми смеялся. Но потом скучно стало. Долго Беляков-Уральский рассказывал и показывал как надо входить и садиться. Садился, манерничал, слова сквозь зубы цедил. Изношенное актерское лицо то и дело досадой кривилось. Но старался, учал.

— И графьев то всех прикончили, а они с графинями. Придумал бы хоть что-нибудь позанятнее.

Костя зевнул и вышел. В коридоре с Друзякиным столкнулся. С копей. Высокий, широкоплечий мальчишка, а лицо прожелтевшее. С малолетства на тяжелой работе. Кивнул головой на дверь и спросил Костю:

— Видал, представление то? Дело бы какое лучше раз'яснил. Изгиляется бритый над нами, а они, дураки, маются. От безделья тощица тут у вас, хоть не ездит.

Набрал книг и уехал Друзякин. А Костя совсем скис. За что приняться? Домой только обедать да спать ходил. Больно уже там сквернота. Квартира, слова нет, теперь хорошая. Три комнаты. У Кости своя отдельная. А черта ли в ней? Когда отец железнодорожным слесарем был, в привокзальной то слободке, конечно,

сравнения нет. Всего и было у Кости отдельного, что стол. Маленький и трясуний. А от родителей помехи меньше было. Теперь каждый день грызутся. Да еще разбирать их дела Костю заставляют. Сегодня вот с утра...

Мать вошла в комнату тихонько. Бочком. Как заговорщица. Костя сердито двинул стулом:

— Опять про отца выспрашивать начнет...

Хоть не про отца, а все к тому же клонит. Как ей не надоест? И на лекцию эту «О новой морали» из ревности ходила.

— Ну, чего же тебе еще объяснять? Ведь сама была на лекции... Слышала. Только заниматься мне мешаешь. Иди, да у отца выспрашивай.

Марья Романовна хотела поговорить спокойно. Недовольное Костино бурчанье разозлило. Лицо под пудрой красными пятнами. И голос визгливым стал.

— Не фырчи, а то я тебе фыркалку то одерну. Больно высоко задрал. Да и отцу то новые зачесы на старые лохмы поверну. Я, не боюсь, не машинистка, а законная жена.

Костя сорвался с места. Хотел уйти. Но за дверями сердитый басок отца:

— Постыдилась бы сына своей дурью конфузить. Ошалела к старости.

Мать с размаху дверь распахнула. Чуть отец уклонится успел. В угол подался. Высокий и плотный, а с'ежился, как заморыш. Испугался крика и скандала. Ведь за стеной соседям слышно. А матери уж все равно. В испугленьи, со взвизгиваниями кричала:

«Мне то стыдиться нечего. На себя оглянись»...

Оторопело и безнадежно отец старался крик ее утешить.

— Да ты что?... Что ты вопишь? Ну, ска-ажи, пожалуйста, нельзя служащему человеку женского пола слова сказать... Ведь по службе, по слу-ужбе должен я...

— Ты меня не задуривай... Не больно учена, а в дурах не считава. «По службе», по службе. Жилков тоже все по службе, а у секретарши, наместо наградных, дите служебное. Не-т, Павлушенька, дружечек, я тебе не Жилкова жена. Не на таковскую напал. В коммунисты подался, ладно. В люди вышел, в начальники. А чтобы так, как вчера на лекции на этой, конопатенькая из'ясняла, не желаю. Не же-ла-аю. Товарищ Коллонтай, товарищ Коллонтай... Ей она ни том, что товарищ, а может заместо матери родной, как никто замуж не берет... А я шестнадцатый год без Коллонтаевой подмоги в законном супружестве... Детей то рожала, слезами в бедности поливала не затем, чтоб за ихнего отца Коллонтай какую свою пристроила. Трех схоронила, а живой вот он сидит... Пускай рассудит, как выращивала. Как кусок для его обучения добывала. Шестнадцатый год уж. Может сказать на что нагледелся.

Отец беспомощно от жены попятился. На стул в изнеможении сел.

— Да уймись... Уймись. Постыдилась бы людей... Слышать все хозяевам.

— Не стучи кулаком. Посуду выдали, перебить хочешь? Не позволю, сохранию. Не веки добро нам в руки будет лететь...

Костя швырнул книгу на стол и вихрем через столовую. В прихожей рывком пальто и шапку на себя.

В комсомол, как в крепость, от родителей защищенную, прибежал. А вот и тут приткнуться себя некуда. Рад был, когда Нюра—библиотекарша попросила билетки на книжные корешки наклеивать. До пяти вечера все таки время убил. На прощанье Нюра сказала:

— Приходи вечером. Быстринский доклад будет делать. Всю литературу о половом вопросе забрал.

Отвела глаза в бок:

— Очень важный вопрос... Ломка старой морали. Мы должны быть во всеоружии.

Обедали вдвоем с матерью. Сначала все вздыхала, молча. Жует, как по приказу. А на лице панихида. Уж лучше бы ругалась. Чего изводится? Липнет отец к своим губпродкомовским расфуфырам. Слышал Костя про это. И сам видал.

Ну, так что же с ума то сходить. Махнула бы рукой. Какая сласть, подумаешь, когда он дома. Губы только кривит. А она для него над собой измывается. Пудрой лицо сандалит. Волосы подстригла, чуб завивает. А под пудрой кожа дряблая. Под задорным чубом забота и печаль в глазах. Из кожи лезет, на советских новейшего фасона барынь походить старается. Только когда разозлится, по своему, по старому говорит. А то ужимается. Слова вновь услышанные повторяет. На черта они ей сдались? Не понимает, так и не говорила бы. Как бедная родственница в гостях у богатых.

После обеда в Костиной комнате к столу принаилась.

— Дай литературу какую почитать.

А самой совсем никакой «литературы» не надо. Так представляется, что ей интересно. Я, мол, сознательная. Отца чтоб заманить. Мусолит книжку. Три слова прочтает да зевнет. Сладко до слезы. Будто не губы шепотком шевелила, а камни ворочала. Да это бы пускай. Васька Силантьев также тужится, когда читает. Но ему надо. А ей совсем не надо. Глядеть на нее, сам зевотой рот своротишь. Рад был, когда час пришел на рассужденья о половом этом итти.

В библиотеке у стола сгрудились человек пятнадцать. На двух скамейках близко друг к другу сидели. С двух сторон стола. Быстринский один, как председатель. Читал недолго по листкам своим. Костя рассеянно слушал. От какого дела у мужика с бабой дети родятся, давно знал. Но несколько этим озабочен не был. Чего рассуждать? Положено и скоту и человеку. Только когда о ревности заговорил, оживилось Костино внимание. Даже невольно громко подтвердил:

— Правильно. Пусть выметается, коль ненадо...

Все засмеялись. В складки от смеха угрюмое Быстринского лицо. С'узил глаза и продолжал:

— Вот, товарищи, нам необходимо выработать строгий критерий половых отношений. Мы создали новый свободный союз. Мы раньше, чем предшественники, начали жить взрослой жизнью. Оттого и половое чувство у нашего поколения развивается раньше обычного. Наблюдения показывают...

Начал разные случаи рассказывать. Говорит, как священник проповедь. А знающие глаза блудливо по девченкам бегают. Косте вдруг стало неудобно сидеть. Лизкина нога мешает. Горячая и точно прилипла к его ноге. То, будто, просторно было сидеть, сейчас стало тесно. Задвигался беспокойно. Неловкость какая то и расслабленность в теле. Точно сразу мешком грузным на скамейке. От этой неловкости жар в щеках. И уши тоже загорелись. Но странное дело слушать Быстринского хотелось. Когда тот к товарищеским отношениям перешел, Костя уж весь пунцовый сидел. Сердцебиение ни с того, ни с сего началось. Но о товарищеском, об уважении женщины, как равной—скоро закончил.

Вышли на улицу толпой шумливой. Но Косте было почему то не весело. Вялость язык сковала. Чтоб не разговаривать, переулком один на главную улицу вышел. От свежего воздуха, от ходьбы лучше стало. Ногами уж не шаркал, легко ступал. Но мысли были путанные, обрывчатые. Будто он их нарочно выталкивал. Бессознательно оберегал себя, чтобы не думать о том, о чем после сегодняшнего вечера захотелось думать.

Зажглись фонари. На главной улице наглей и нарядней витрины. Откуда что взялось? Ведь так недавно в трещинами или совсем выбиты были зеркальные стекла. Наглухо закрыты двери. А в некоторых магазинах—рядами серые койки и шинели. Весь город—стоянка войска. Сразу в память остро и сильно: ухање орудий в ближайшем леске. глухой треск пулеметов. Тогда не было ночью этих фонарей. Тесны и жутки были улицы. Костя с винтовкой вместе с другими на охрану города ходил. С Петром вместе, пока тот самый фронт не пробрался. В каждом доме чудился враг. Темень со всех сторон облипала. Сердце колотилось, как зверушка в клетке. Не от страха. Совсем не от страха. Радость взмывала оттого, что опасно. А потом собранья какие закатывали. Как Петр тогда... Ох, это были слова.

Оттого, что вспомнил ночной обход, опасность, субботники, неустроенность тогдашней жизни, все о чем мать говорила: «слава богу, прошло» — грудь расширилась и плечи раздвинулись. Серую пелену будней, будто солнцем пронизало. А теперь вот совершенно не знал что делать. Что-нибудь бы такое, чтобы вот также от восторга грудь распирало. Зайцев все книжки читает. А книжки что-ж? Костю книга утомляет. Не по нарочному только на словах, а чтобы на деле живое настоящее было. Вот как раньше. Тогда и слова за жабры забирают.

Мимо освещенных витрин Костя мчался быстро. Костя только глазом на них. Изредка вклинивалась в думы мысль о том, что сбоку мелькало.

— Все для бабья. Помирают над этими самыми тряпками... Топшке бы вот эту шляпку...

Мгновенный мешок и опять к своему. Отец тогда хороший был. На митингах Костя слезы глотал. От любви и умиленной гордости за отца, когда тот говорил. Из колчаковского подполья только что вернулся... А теперь... Легко на помине. Чуть не столкнулись. От мыслей о прошлом, еще не сошла ласка с лица. Костя отцу улыбнулся. Но сейчас же потемнел... Как всегда от неприятного неуклюже с'ежился. Бородка у отца клинушкой, на губах складка, а на широком лице блудливая просящая улыбка. И барыню свою спиной закрыть старается. А та не понимает, за рукав теребит:

— Дайте же руку... Ужасно неустойчивые каблучки, но модные...

Голос пискливый. И слова растягивает. Голос слышал, но какая, она, Костя даже не разглядел. Пролыгнуть мимо постарался. Но отец рукой попреридержал. Через плечо своей барыне бросил:

— Я сейчас.—Костя, ты куда бежишь? С занятий... Гм... Слушай-ка. На-ко вот денег тебе... Может в кинематограф или в театр забежишь... Дело молодое... Что дома то сидеть.

Голос у отца противный, не свой. Смотреть ему в лицо стыдно. Ну, чего за плечо держит? Отпустил бы. Левою рукой деньги сует и совсем шепотком почти:

— Ты матери то не сказывай, что меня встретил. Не понимает, расстраивается. А теперь новая экономическая политика. Не поужинаешь в компании в государству убыток... Вери деньги.

Костя рванулся. Чуть не сдвинул отца широким и сильным не по летам плечом. Юркнул в улице направо, не разбирая дороги. Щеки горели. Будто отец их нахлестал. Тоже подкупает... Сволочь. Обида за отца и на отца сердце в жесткий кулак сжала. До ощущения физической боли.

«Еще по улицам с девкой шляется. Заперлись бы уж где нибудь. Сволочи...»

И другое, грубое и грязное ругательство, в мозгу засело. Клубком к горлу непрошенные слезы. Тоже коммунист..., а не коммунист.

От боли и гнева забарабанил в дверь кулаками с остервенением. Мать бегом открывать прибежала.

— Кто?

— Открывайте. Ночевать на крыльце что ли?

— Да ты белены, что-ль об'елся? Теперь звонок есть, чего дубасишь? Чисто бешеный. Напился, что ль? От вас, от нынешних теперь станется.

— Не ваше дело. За собой глядите. Сами «нынешние» хороши.

Мать хотела ногами затопать, раскричаться. Но в прихожей при свете увидела пылающие Костины щеки. Испугалась:

— Ты, может, захворал? И, господи батюшка, целый день бегаешь не жрамши. Как не захворать. Иди скорее, чаю выпей. Для тебя грела. Отец то на собраньи.

Но Костя скорей к себе, торопливо сорвал одежду и под одеяло. Ничком в подушку.

Мать долго над ним охала:

— Сынок, да что у тебя болит. Костинька...

С растрепанными волосами, в простой домашней блузе, не завитая, не намазанная. В глазах тоска, руки трясутся. Родная, как раньше.

— Мама.

Совсем, как семилетний. Приникла к нему, будто, телом закрыть от кого то хотела. Не плачет, а трясется.

— Костинька, сыночек. Обидел что ль кто? Скажи матери то. Маме скажи.

Да, как раз. Матери то и не скажешь... Передернул плечами и зарылся головой в подушку.

— Голова болит. Потуши свет.

В темноте долго сидела. Кажется, уснул? Вышла тихонько успокоенная.

— Сном пройдет. Рост тяжелый у него. Ишь, какой вымахал. Улыбнулась любовно.

— В отца... Только с завтрашнего дня погляжу, чтобы хорошенько обедал. Голодный бегаёт. Есть надо побольше.

Костя не спал. Мать ушла, крепиться перестал. Беззвучно жалобно, как маленький, заплакал.

Слышал, как вернулся отец. Слышал обычную ночную ссору. Костиной кроватью дверь в родительскую спальню заставлена. А через дверь все слышно. Когда помирились, целоваться начали. Заскрипела кровать. Костя привстал. Приник осторожно ухом к двери. Глаза стали тупыми и мутными.

II.

Поглощает снежную печаль властная солнечная радость. Еще лежат бугры у стен. Пластами снег по краям дороги. Но крупны, различимы крупинки его и не тверды. Поддаются тяжести шага. Дыры, как поры от ступней. В кровь в'едлив истомный воздух. Близо дышет весна. И небо взбудоражила. Синей, радостней оно. Четки в воздушной синеве ветви деревьев от давящего зимнего освобожденные. Все вокруг полегчало. А на Костины дни скука грузом налегла. Радостно бес-покойными бывали иногда только сны. Оттого много спал. Проснувшись, еще долго валялся. Поднимался вялостью раскисленный. Думал с позевотой:

— Куда-а то-орошиться.

С одеждой в руках, сидя на кровати, застывал в бездумьи. Оживлялся за едой. Смаковать кушанья научился.

Мать радовалась:

— Ешь, ешь... Рост у тебя... Лучше есть стал, и сам получшал. Добрей, а то все волченком.

Еще крупней стал. Любовалась.

— Ну кто скажет, что шестнадцатый год. Прямо под двадцать парню. Вы-ходиллся. Наша рабочая кость отходчива. Ровно с измальства откармливался. Вот гляжу на других-то однолетков твоих, а ты лучше всех Костинька. И брови от-метные и тело с весом.

Это льстило. В зеркало даже на себя посматривать стал. Тело свое чувствовал. Приходили в голову мысли, от которых ныли ноги. Часто мутным становился Костин взгляд. Жег щеки неровный румянец. Украдкой подробно женщин разглядывал. Потом, маялся. Приходила расслабляющая тоска. Иногда начиналось с воспоминанья о Тошке. С ней дружен раньше был. Теперь в думах о ней всегда тоскливая нежность. О ней нежно и сразу, как то две мысли рядом, грубое стыдное о другой, случайно отмеченной женщине.

Вместе с матерью отца выслеживать начал. В мыслях Ляличку машинистку стал в стыдных мыслях себе представлять. И отца...

Оттого отец, как чужой. Наплевать какой. Раньше стыдился за многие отцовы поступки и слова. Досадно было, когда о коммунистах и обо всем коммунистическом так говорит, будто партию по плечу похлопывает. Теперь не досадовал. От равнодушья ласковей с отцом. О комсомоле сам, как отец. Усмехается отец в бородку:

— Ну как у вас? Ленина с Троцким от должности еще не отменяете?

Он ему в тон:

— Терпим покудова.

В школу часто не ходил. Вторая смена. После обеда тащиться не охота. Там тоже скучища. Учителям будто как по башке здорово набил. Растерянные. Учеников бояться. Прежде больно—сверху, а теперь больно—снизу. Платят им плохо. Придут в школу как с молотья. Ждут не дождутся вместе с учениками, когда урок кончится. Иногда с урока Костя шляется по улицам уходил.

В комсомоле тоже редко. Боря Зайцев Костину оценку понизил. И другие. Сами то какие.

Сегодня вот растревоженный день. Будто ветер в душу ворвался. Пошел в комсомол. Работу там себе нашел. К первому мая. Старательно все делал. Точно Петр уже здесь, перед ним заглаживал. Письмо утром от Петра пришло.

— «Чего ты не пишешь мне? В работу что ль по уши увяз? Это правильно, ворочай. Только все таки и мне зацепку за ваше дай. Напиши, что там у вас. Вот что, как в детской коммуне? Знаешь, один раз я с диспута поздно возвращался и видел парнишку одного. На тротуаре комком у стены. Спит, а наверно помнит: чтобы не заметили, не согнали. Прилип серый комок к серой стене. Приспособился. И еще видал... Одним словом, много. Как парша, на нынешнем московском велелешни. Это, брат, для нас от отцов наследство. Придется с ними валандаться. Научились вы с ними работать? Выходит что или нет? Я не умею, а вы, может, там на практике научитесь, как надо с ними».

Да на практике. Учителя опытные и то от них бегут. А у кого тут научишься, что делать? Наряды, белендрясы всякие есть, а город все равно глухой. Работники на-перечет. Костя хотел было все это написать Петру. Но начатое письмо порвал.

Обещает скоро приехать, ну и увидит сам. Дома не сиделось. Афишу увидал: знаменитая танцовщица из столицы проездом в Рабочем дворце сегодня. Надо поглядеть. Мать с отцом тоже собирались. Разругались и оба дома доругиваться остались. И прекрасно. А то: мать в отца вцепится, тот улизнет. Начнет она Костю гонять:

— Где отец? Сходи в курилку. Сходи в буфет.

Одному хорошо. Повеселевший с Рязановым по дворцу разгуливал. Гул разговоров, яркость света, вновь зазывно нарядная женская рать, приманчивая игривость их смеха—в голову мальчишкам, как вино. О всяких пустяках говорили возбужденно. Взглядывали по взрослому женщинам в глаза. Ловили ответный огонек. Беспричинно смеялись. Левка позвал:

— Пойдем пиво пить.

Пили, курили. Как в зале прошли на стуле не сиделось. Оглядывался, двигался. Настойчиво заглядывал в глаза одной барыне направо. Она—ничего невредная. Рядом тоже ничего. Встретились взгляды. У женщины в карих глазах смех. Где то он ее видел? Сама заговорила:

— Вы меня не узнаете? А я узнала.

А, вспомнил. В комиссии по устройству недели ребенка. Давно еще. И кто она—вспомнил: управделами губнаробраза.

— И я узнал. Только не сразу. Здравствуйте.

Смеется. Красивенькая. Искося глянул дальше. Нет, там на стуле не с ней пришел. Одна. От этого, как от предчувствия стукнуло сердце. И говорить с ней легко. Только отвечай. Когда погас свет, ощутилась стала ее обнаженная до локтя рука. Почти вплотную у Костиной. Как от щекотки беспокойно. Отодвинул свою, опять ощутить захотелось. Приблизил украдкой. Не замечает. На стену смотрит. Костя даже не сразу видеть стал, что там делается. Так взволновался. Еле очухался. Стройная женщина совсем без юбки, только с оборкой у пояса, сверху тоже голая, быстро двигала руками и ногами. Трясла худощавыми бедрами. Взметывала высоко ноги, обнаженные до самого своего основания. Выпячивала чуть прикрытые груди. Когда поворачивалась, ходуном ходила у ней спина. Прекрасно ли это—Костя не знал. Видел непривычно обнаженное женское тело. Эта обнаженность ему показалась

бесстыдной. Но глаз оторвать не мог. Задрожали кисти рук. По телу прошел озноб. Задвигался. Усилием воли заставил себя успокоиться. Соседка к нему повернула лицо. Лукавым шепотком спросила:

— Нравится?

Со злостью буркнул почти вслух:

— Нет.

И ушел из глаз туман. Смешным зрелище показалось. Фыркнул, когда на сцену вылетел танцовщик. Здоровый, рослый детина руками разводил, высоко подпрыгивал, ногой об ногу стучал и на носках за балериной гнался. Грудь колесом, ногами камни разбить можно, а он ручками томно разводит, да ляжками трясет. Вот глупо. Соседка опять к Косте:

— Что вы?

— Ему бы жернова ворочать, а он... Хххх...

— Тише...

Но Костю уж задор забрал. Возбужденье дерзость разбудило. Когда кончился танец, шумным прибоем—аплодисменты. Дергались люди на стульях. Били в ладоши неступленно. Ревели одной мощной глоткой:

— Bravo-o.

Костя смеялся. Соседка говорила:

— Ногами подергали, а они в восторге, будто не знай, какое добро им сделали.

Соседка возмущалась.

— Как вы не понимаете, это же красота... Разумеется, добро. Чистая красота линий.

А глазами и смешком воркующим Костину дерзость поджигала.

— По моему ерунда. Мясом трясут. Да, перестанут ли реветь? Мать родная, кланяются то как. Обрадовались людской дури. Я их сейчас угощу.

И во хмелю от всего, что видел, Костя дерзко пронзительно свистнул. Задвигались головы впереди. Говорок прошел по ближайшим рядам. На Костю со всех сторон негодующие взгляды. Но сверху откуда то неожиданная поддержка. Такой же дерзкий свист. Совсем всполошились в рядах. И на сцене заминка. Танцовщица с кавалером за кулисами медлили. Верно, услышали свист. Еще яростней, чтоб их успокоить—аплодисменты. Костя громко вызывающе смеялся.

— Ладоши греснут. Больно уж стараются.

Недовольство сидящих около Кости громким стало. Повернул голову впереди сидящий полный мужчина:

— Это хамство, молодой человек.

Другой сбоку зашипел:

— Всемирно известная величина, и вдруг...

Соседка Костина тоже уж испуганным голосом:

— Только ничего не отвечайте... Ради бога... Скандал.

Но Костя уж не мог остановиться:

— Хамством нас часто попрекали, только глотку вам маленько заткнули. А теперь опять?

— Я попрошу вас вывести...

— Ну и выводите. А я имею право. Вы хлопать в ладоши имеете право? А я, значит, свистать могу.

Негодующий полный господин встал со стула. На сцене уже успокоились. Пианист заиграл какую то томительную жалобу. Костя уж тише проворчал:

— Услаждают непачей.

Потом сорвался с места и под шиканье публики вышел из зала. Ну, их к чорту. Скверно только, если мать с отцом узнают. Изведут. Перед новыми буржуями задами трясут. «Прилично... неприлично». Злостью старался смущенье побороть. Сам уж раскаивался. Чорт его знает, как вышло. Жалел, что ушел. Все, наверно,

видели. Думают: испугался. Вовсе не испугался. Так ушел. Что с дураками связываться? Медленно побрел к передней. Этот толстяк, наверно, только припугнул. Пусть бы стал выводить. Зря ушел.

— Товарищ. Товарищ, подождите.

Соседка... Что эта она? Улыбается, догоняет Костю. Остановился. Я за вами вышла. Публика ворчит, но мне что то жалко стало, что вы ушли. Может быть, просто устала сидеть. Ведь после работы сюда. Получите и мое пальто.

На улице сама взяла под руку. Костя высокий, почти одного роста с ней. Удобно идти, приятно близко ее около себя чувствовать. Она ласково бранила:

— Вы не правы. Такое замахиwanie на искусство возможно только у нас, потому что мы не культурны. Большая область красоты нам непонятна...

Долго говорили. Ходили по улицам. Косте сначала просто льстило, что вон какой женщине, ответственному работнику не скучно с ним. Сама за ним вышла. Повеселел. Бросал меткие ответы. Радостно подхватывал воркующий смешок. Прощался уж с нежностью. Руку душистую не хотел выпускать. Она легонько высвободила. Сгладила холодок ласковой просьбой:

— Вы скорее ко мне приходите. С вами очень хорошо разговаривается. Завтра, а?

Часто стал ходить. Каждый вечер. И просыпался с мыслью, что к ней пойдет. Всю скуку Ксения Львовна с жизни сняла. Дни собой наполнила. Когда не заставал, дождался. Сама просила:

— Я без вас скучаю. С Леной поболтайте до меня, дождитесь.

Но с Леной плохо говорилось. Девятилетняя дочка Ксении Львовны. Большеглазая, кроткая, послушная, очень худенькая девочка. Всегда Костю старалась занимать:

— Вот я сегодня рисовала. Поглядите-ка.

Все у ней как то слишком, как надо. Смеется во время и негромко. Никогда не капризничает. Слез у ней Костя не видал. Спокойно в лицо смотрит синими глазами. Без детского захлебывания и про радости свои рассказывает.

— Мама мне купила игру, которую я очень, очень хотела иметь. Я так рада.

А в глазах искр нет. Как всегда спокойно. Очень уж правильная. Косте почему то казалось, что Леночка за всеми наблюдает и все видит, и понимает. Оттого и с Ксенией Львовной легче говорить, когда Леночка спать уйдет. Хоть она в разговор и не лезет. Все своим где-нибудь в уголке тихонько занимается. В куклы играет, читает, рисует. Костя силился с ней простым, ласковым быть. Но победить особой стесненности не мог.

Ксения Львовна Косте все про себя рассказала. Оказывается, жена офицера. Убит на германской войне. Смеялась:

— Я ведь буржуйка была. Под Москвой и сейчас у меня дача, дом прекрасный есть. Сама все бросила.

Потом сдвинув красивые четкие брови, вдумчиво, задушевно сказала:

— Я искренно с вами... Не в партии, потому что не считаю себя готовой. Но жизнь свою и работу определила ясно. С вами. И вот к вам так близко подошла, потому что вы из пролетарской семьи. Искренний. Милый.

Умеет говорить задушевно. Легко с ней. Всем интересуется, все понимает и женское не забывает. Как то платье на ней отчетливо. Только и дум, что о ней. Сегодня, когда шел, сердце замирало. И так хорошо, что она сама открыла. За руку в коридоре взяла:

— Я ждала вас. Что вы запоздали? Ленушка что то прихворнула, уж спит. Я одна скучала сидела. Вы для меня скоро необходимы будете. Это опасно. А?

И засмеялась. На кушетке сидели близко-близко друг к другу. Какая то сегодня особенная. Тянет к себе. А смотреть на нее стыдно. Руки до плеч голые. Капот что ли такой?

— Ну, что замолчали? Давайте сегодня болтать пустяки... Мне хочется сегодня молодой, веселой, задорной болтовни. Ну!

Близко у Костиного лица ее искристые темные глаза и яркие губы. Кружит голову запах духов. В открытое окно темная беззвездная ночь. Темнотой, как пологом их двоих от всего, что там, за окном не ими живет, отделяет. От этого полога душно. Но не вырваться. Только и есть в мире этот диван и они двое. Плотнo прикрыта дверь в спальню. Леночка спит. Никто не мешает им сидеть близко.

— Я сегодня думала, скоро старость придет. И страшно этого испугалась. Потом решила: нет, еще далеко до старости. Ведь не совсем старуха.

Одна лампочка в углу под красным абажуром. Свет не смущает. Глаза у Ксении Львовны в полутьме светятся. Как у кошки. Жутко, но тянет. Разве такие старухи бываюT? Но ответить ничего не мог. Она в глазах у него ответ увидала. Засмеялась странным, будто против воли выдвленным, смехом. Качнула узенькой ногой. Задела Костину ногу. Не отдернула. Дальше, как в горячечном забытьи. Сполз с дивана. Ткнулся лицом. Сквозь тонкий чулок ощутил горячую живую ногу. Плечи у Кости затряслись. Весь он, не по летам рослый, комком поганеньким, хлюпающим на полу. Тыкался в ее ноги. Дрожал. Не то плакал, не то выкашлять удушье хотел... Искаженное желаньем лицо мальчика, с мутными глазами и распустившимся заслюенным ртом, мерзкая поза его, как душ холодный на Ксению Львовну. Передернулась вся. Вскочила. Костя ткнулся головой в мягкое диванное сиденье и затих. Жалкий, опоганенный дыханьем взрослой безлюбовной скверны. Сразу угар прошел. Б-рр, как не хорошо. Ведь, сын такой мог быть... Плачет, что ли он тихонько? Преодолевая легкую внезапную брезгливость взяла его голову обими руками.

— Костя!

Он стремительно поднялся. Жадно потянулся руками к ней. Она заставила себя улыбнуться. Легонько отвела его руки. Уже вполне овладела собой. И уже оправдала в мыслях себя. Глядела ясными глазами.

— Раньше времени созрел. Этим и меня возбудил и смутил. Глупый, глупый, бедный мальчик. Надо помочь ему образумиться. Не грубо, осторожно, с лаской. Усадила на диван. Не придвигаясь близко, погладила рукой его волосы.

— Милый, мальчик! Надо успокоиться. Я тоже взволновалась. Иди домой... Дай и мне успокоиться. Не сердись на меня... Завтра приходи обязательно. Не сердись? Дай я твои глаза поцелую.

— Костя еще весь дрожал. С мольбой тянулся к ней... Отстранила решительно. Но говорила ласково:

— Иди, милый. Иди, голубчик. Завтра буду ждать.

Отдышался. Покорился ей безвольно. Сама на пуговицы, будто маленькому пальто застегнула. Шел по улице, как в бреду. Плохо, что произошло, сознавал. А Ксения Львовна уж совсем успокоилась, делая на ночь папильотки, подумала:

— Еще не испорченный. Если б развращенный был, мог бы и насильно овладеть.

А Костя до утра в кровати промаялся. Было стыдно, скверно и тоскливо. И зачем сегодня пошел? Но на утро властно, сразу с пробуждением, охватило желание увидеть ее. Бессознательно стремился что то заглядить. Надо увидеть ее. Вель она же все таки вчера целовала и звала. Еле дождался вечера. Дома на застал. Так пять дней маялся. Дома лежал целый день в кровати. С матерью чуть не подрался, чтоб доктора не звала. А вечерами шел к Ксении Львовне. Не было дома. Все не было дома... Наконец, застал, но только хуже, что застал. Сидел у нее посторонний. Этот кудрявый Васютин, председатель Губпрофсовета. С чего припер? Раньше у нее не встречал. В какой то комиссии вместе были. Оттуда чай пить к ней приехали. И вдруг в сердце первый ожог мужской ревности. Смеется с ним, как с Костей. А Костю встретила спокойно, снисходительно:

— А, Костя. Пу что у вас нового?

Улыбнулся неловко.

— Ничего особенного.

Она уж не слушает. Опять к этому губпрофсовету:

— Я хочу им предложить следующий план распределения...

Сидел, молча, торчком в кресле. Уйти не мог и сидеть так непереносно. Наконец Ксения Львовна на него взгляд кинула.

— Ну, а у вас как дела?

Опять ответа полного не дождалась. Дочь от ее тихой игры оторвала.

— Леночка, ты свои рисунки Косте еще не показывала?

Послушно откликнулась.

— Сейчас покажу. Вот идите, идите, я вам вот покажу. Смотрите-ка, как я нарисовала.

Смотрел, в ответ Леночке и ждал, когда девочка устанет занимать его разговором. Не дождался. Встал, чтоб опять к Ксении Львовне поближе. А Ксения Львовна:

— Уж уходите? Мы сейчас тоже доклад слушать поедem. Заходите.

Шел, как нахлестанный. Почти бежал. Ночью опять маялся, но усталость сморила. Утро было солнечное, радостное. И на душе полегчало. Просто дела много у нее. И этот лупоглазый по делу. Раньше иногда на службу Костя к ней на минутку заходил. Бумаги ей подшивал. И сегодня отважился. Поздоровалась приветливо. Потом глаза в сторону. В бумагах старательно роется. Уходить надо. Неловко. Занят человек. И люди кругом.

— Ну, до свиданья.

— Сейчас... Я с вами. Мне на курсы зайти надо.

Просветлел. Сразу распрямился. Било сердце тревогу, пока ее у под'езда ждал. Идет... Как идет. Земли точно не касается. Встретила горячий его взгляд и сдвинула брови.

— Идемте,

Помолчала. Не то вздохнула, не то кашлянула. И вдруг с настойчивым холодком вразумительно:

— Костя у нас с вами нечто дикое вышло. Это меня мучит. Вы в сыновья мне годитесь... Пожалуйста, забудьте. На меня дурман какой то нашел, а теперь я одумалась.

«Оду-умалась». Что это? В ушах зашумело. Обида в голову ударила. И откуда то, точно издадека, ее строгий голос:

— Виновата, разумеется, я. Но когда вы станете взрослым, то поймете, что иногда человек делает глупости из-за многих причин, чисто... физических что ли. Ну, одним словом, я сильно себя виню, и все же, пожалуй не виновата. Вам надо перестать ходить ко мне. Когда все уляжется, мы снова сможем стать друзьями, а сейчас не приходите. Я вовсе не хочу вас... ну как это... соблазнять, что ли. Чтобы вам было легче, я уеду на время. Устраиваю себе командировку в Москву.

Ловко. Злость сорвала пелену с глаз. Мало разве видел, чтобы понимать. Только одурел. А теперь ясно. Посто любовника не находилось. И Костей не побрезговала. Что же раньше не боялась соблазнять? А теперь этот кудрявый наклеивается. А еще говорит, как учительница или мать.

Осевшим, хриловатым голосом бросил ей в упор:

— А «губпрофсовет» тоже с вами в командировку?

— Ну, это уж наглость. Я хотела с вами искренне...

Громко, с детским высоким выкриком:

— Сама ко мне лезла. А теперь я знаю. Просто сволочная баба.

В испуге закрыла уши руками в перчатках и дернулась в переулоч.

— Не беспокойся, не побегу. Таких... много без тебя.

Обиду изживал тяжело. Осунулся, залегла синева под глазами. На родителей опять зверенышем. Опять часто на кровати без дела валялся. Шел в школу, а шлялся по улицам. Новую привычку взял: ногти грызть. Мать приставала:

— Сходи к доктору. Ничего не ешь, худеешь. Может, внутри что болит?

— Отвяжись от меня, а то хуже будет. Всю посуду, наконец, перебью.

Опостылела мать со своим аханьем. Что ей рассказывать, что ли? Совсем перекосятся. Оделся и пошел в комсомол. Уж темнело, но хорошо рассмотрел... И надо же было нанести... Вороная, рослая лошадь, а в экипаже двое. Близко кудрявый в глаза Ксении Львовне заглядывает. А у нее лицо, как тогда... Паскуда-а. Вздурораженный, злой в комсомол пришел. В корридорчике на Шурку налетел. Тряхнула кудрявым чубочком.

— Медведь. Куда это как на пожар?

— А ты чего здесь слоняешься?

Играет глазами девочка. Тоже видно сволочь. Ну и ладно. И вдруг—мутное, скверное желанье. Втолкнул ее в маленькую угловую комнатку, где хлам всякий. Обнял. Вырывается, а смеется. Тоже в смехе воркованье.

— Что ты очумел? Войдет кто-нибудь... Пусти. Тут темно, что мы тут делать будем? Пойдем в зал.

Молчал. Противно сопел. Грубо Шурку ощупывал. Потом опять к себе притянул. Искал губами ее рот. Поцеловала, а потом опять со смешком вырывается.

— Я думала. Костя Семенов—серьезней мальчишки нет. А ты вот какой. Потихоньку целоваться любишь. Пусти, войдут.

— Ничего. Придержим дверь.

Уперся в дверь спиной, подтянул опять Шурку к себе. Зашумело в ушах. Притиснул с собой к двери. Нелепо дергал на ней, то кофточку, то юбку. Его шумное дыханье, тяжесть притиснувшего тела испугали Шурку. Отчаянным невольным выкриком:

— Пусти-и. А-а-а...

— Молчи.

Но в дверь уже с силой кто-то. Резким, отрезвляющим свет из корридора. Зайцев в дверях:

— Что это? Кто здесь?

Из библиотеки напротив головы. Любопытные лица.

Шурка с громким плачем:

— Он меня... он меня...

У Зайцева даже губы побелели. Разорванные кофточка и юбка Шуркины объяснили.

— Какая гадость. Здесь... Это преступление, которому... которому... Убирайтесь отсюда...

— Ну, не ори, сам уйду.

Теперь уж все равно. Размахнулся и двинул Зайцева кулаком в грудь. Убрал с дороги. Стуча громко отяжелевшими ногами, пошел к выходу. Зайцев крикнул в догонку:

— Я предаю вас товарищескому суду.

С отчаянным вызовом, как яростную брань, кинул от двери:

— А мне начхать на ваш суд.

Теперь ведь уж все равно. Ничего поправить нельзя. Решил:

— Я удавлюсь.

III.

Крепкий толстый шнур приготовил. И крючек был прочный в комнате. Все обдумал. Но каждый день решал: завтра. Ведь, не идет никто за ним. И дома еще ничего не знают. Крепко к жизни было привязано здоровое тело. При упорной мысли о смерти острее ощущал желание—быть. Замечал по утрам солнце. Оглядывался кругом цепким взглядом. Нет, не сегодня. Потом, хитрил, торговался с собой. Противны удавленники. Лучше застрелиться. Но оба револьвера у отца. «Завтра вытащу тот, из стола». День проходил. Томился мыслью: все равно куда же теперь деваться? Но жил и хотел жить.

Целых пять дней дома ничего не знали. Только сегодня рано вернулся домой отец. Красными пятнами лицо. Не снимая пальто, в столовую к матери:

— Это мерзавец достукался... Судить будут за покушение на изнасилование.

У матери с грохотом чашка из рук на пол. Поняла, но все же спросила:

— Кто?

— Сынок наш любезный. Выпестовала на свою голову. Иди сюда, скотина. Завтра в двенадцать на суд. Ведь, этакое преступление. Не всякий взрослый отважится, а тут мальчишка шестнадцати лет.

Костя стоял в дверях. Глаза в землю, но спокойно сразу стало. Стыд лег клеймом. Клеймо уже проболело. Не мучит. Они сами все сволочи. Значит, можно и Косте такому жить. Отец плевался, ругался, стучал по столу кулаком. Костя молчал упрямно. Только когда отец закричал:

— Мне то из-за тебя какой позор. Выкручиваться надо. Рассказывай, как на исповеди, как было.

Повернулся и насмешливо, кривая рот, ответил:

— Нечего рассказывать. Сами знаете. Вам можно, а нам нельзя.

И ушел к себе в комнату. Целую ночь длилась пытка. Родители до белой зари изводили. Мать головой о дверь в рыданиях билась. Отец стульями швырялся. Охал. Выспрашивал. Наконец устал. Стих. Сказал сыну:

— Смотри, выкручивайся. Меня топишь, срамишь. Настаивай, что ничего не было. Просто шалили. У тебя то все в порядке в одежде было? Ага, ну и говори: ничего не было.

Усталость тело спом связала. Проснулся Костя, сразу вспомнил. Сегодня суд. Ну, что ж? Отец правильно советует. Все врут, и Костя сумеет. Это решение взбодрило. На суд пошел почти успокоенный.

Все в зале, как прежде, в дни больших собраний. На белых стенах отчетливо красное знамен, плакатов, обтянутых материей портретных рам. Плечо к плечу, рядами товарищи на длинных скамейках. Как на праздник много собралось. Только сегодня все они—Косте враги. Стоял перед столом. А спиву взглядами будто жгло. Ежился. Оглянулся раз на стук неосторожно отброшенного стула. Увидел только Ваську Силантьева. И он сейчас же от Кости глаза в пол. Уши и щеки зарделись. Рот сердито дернулся. Все теперь будут так от Кости глаза отводить. Нет, нет, ничего не было. Клепами не выдавят, чтоб я сам себя опозорил. Не было.

Больше головы к скамейкам не поворачивал. Шурка на стуле впереди сидела, лицо в платок. Плакала. Потом закричала, забилась, ее увели. У Кости дыханье комком в горле. В теле противная трясучка. Временами мелкие золотые искры в глазах. Пять дней почти ничего не ел. Плохо спал. Трудно стоять. Колени дрожат. Сзади вдруг выделился чей то шипящий шопот. Слов Костя не разобрал. Но знал: о нем. Поднял глаза с безмолвной просьбой: скорей судите. За столом худое желтое лицо. Это из комиссии по делам несовершеннолетних. Встретился с Костиными глазами, взгляд усталый и пустой. Новый номер дела, больше ничего. Оттого от Костиного взгляда не оживился тревогой. Рядом иконописный лик Бори Зайцева. Взглянул на Костю, жилка на левой щеке задергалась. Но взгляд, как у святителя, каменно строг. На остальных за столом Костя уже не смотрел. Сразу, без оформления в слова, сознание: один. Без дружбы, защиты, или пониманья. Сразу от всех товарищей за невидимую, но больно чувствуемую черту отодвинут. В отбросы. Нет, не преступник, нет. Отец учил... Оправдаться... Клясться, как угодно. Только оправдаться.

Лживым, вымалывающим доверие голосом давал ответы:

— Просто дрались... Шалили... Юбку печально дернул... Кофточку тоже немного... Нечаянно. Шура по злобе наговаривает... Раньше с ней ссорились.

Крикнул Зайцев:

— Не надо лгать. Отвратительно... Простите, товарищи, я не сдержался.

У Кости задрожали губы. Заметался по лицам судей взгляд. Как звереныш пойманный, глазами щелки для выхода искал. Вдруг ровный ласковый голос. Странно знакомый.

Расскажите все спокойно и откровенно. Здесь не прокуроры, а люди, которым желательней оправдать вас.

Это же тот кудрявый из Губпрофсовета. Ну да, он же тоже в комиссии... Сразу от бессознательной ревнивой обиды мужество к Косте вернулось. Неожиданно громко и дерзко ответил:

— Не больно нужно ваше оправдание. Может, я про вас могу рассказать...

Но голос оборвался. Повернулся от стола и быстро к выходу. Вдруг все поплыло перед глазами. Голова от волнения и недоедания последних дней с утра кружилась. Пошатнулся и тихо, будто старательно, мешком на пол. Очувствовался только, когда ехали. Увидел улицу, услышал стук колес и пофыркивание лошади. Но даже не рассмотрел, кто его вез в пролетке. Опять закрыл глаза. И дома все как в тумане. Мать причитала:

— Уходили. Сынок, проглянь. Сами гадют, а дите дермом своим замазывают. Костя, Костинька опамятуйся... Наплюем на их, на вродов.

Хотел сказать, чтоб перестала кричать. Но в глазах опять поплыло все. И тошно, тянет. Долго рвало желчью. Доктор потом.

— Да я устал... Опять. Устал я только.

Доктор капель дал. В сон как провалился. Быстро очень уснул. Глухо и спокойно стало. Этим сном, будто стыд заспал. Все все равно стало. Отец сушил, но вслух не ругал. Марья Романовна ему наедине сказала:

— Только растревожь Костю, я тебе такой содом устрою, в год не поправишься. Ладно, натешились. Померла что ль, ваша девченка то? Жива. И ничего ей не сделалось. А полез к ней, значит, сама приветила. Знаю, сама девкой была. А парнишку уходили, словно месяц, а не три дня прохворал. За дите постою. Не тревожь.

Сама Костю обильной ласковостью тревожила. Как над трехлетним.

— Может поешь? Может полежишь? Гулять не сходишь?

Вяло отмахивался. Иногда сердито кричал:

— Не приставай ко мне.

Мать вздыхала и отходила. Потихоньку в церковь молебны с акафистом заказывать бегала. Наговорной воды в чай подливала. Сразу все свободомыслие на прокат взятое в горе потонуло. Пудриться забывала. Костя отошел. Ел, пил, опять смеялся. Только взгляд тусклей стал. Да разговор грубей. О суде не вспоминали. Решения не знал. Не спрашивал о нем. А ну их всех к черту. И без них Костя проживет. И без школы, и без комсомола. Отцу об'явил:

— Я дома за реальное готовиться буду.

Но не занимался. Опять на кровати валялся. Иногда во дворе с книжкой сидел. Про сыщиков читал. Мать подсунула занятное. По улицам шатался. Только к комсомолу близко долго не ходил. Дружбу с Жоржиком свел. Моложе Кости, а продувной и веселый. Полковницы сын. Отец без вести, а у матери теперь кафе-столовая. В одном дворе с Костей живут. Прежде друг друга сторонились. Вместе с Жоржиком по пивным стали ходить. Обоим им матери деньги потихоньку давали. К женщине одной его Жоржик звал. Костя не пошел. Тянуло. Но сказал Жоржик:

— Ты не думай, что простая. Тоже из бывшей офицерской семьи, деликатная девчечка.

В памяти всплыла Ксения Львовна. Тошно стало и противно сразу. И вернулся с дороги:—зубы что то заболели. Потом уж Жоржик не звал. Но дружба с Жоржиком скоро оборвалась. Сказал ему раз Жоржик:

— Знаешь, я думал ты коммунистов сын, так тоже сволочь. Потом, гляжу благородный челове-ек.

И так это важно в нос. Жоржикова манера говорить часто Костю раздражала. Только сдерживался. Скучно одному. Насупился.

— Много ты понимаешь. Сволочи везде есть, а я все равно по убеждениям коммунист.

Жорж захихикал.

— Это ты как... Туману напускаешь. У вас семья ничего. Мать только пролетарским отдает. А отец хорошо держится.

Ах ты слизняк. Хоть выгнали Костю, а все равно он тогда не притворялся. А он на все прежнее Костино слово своей поганой брызжет. Повалил Жоржа на землю и вздул так, что тот чуть поднялся. Дама, мимо проходящая, заахала. Костя плюнул и ушел.

Опять Косте не с кем. Один ходил вечером по улицам. Горели в окнах огни, чтоб дольше в домах шла суета. Мчались автомобили. Неслись быстрым бегом лошади. Куда то спешили доехать люди. А куда-а? Домой жрать или к бабам. А если на дело, тоже только бы отвести скорее. И опять к жранью, да к бабам. Чего же это тогда Костя смерти побоялся? Приходил домой усталый и злой. И во сне томила тоска. Утром однажды неожиданный громкий голос разбудил. Неужели? Сердце застучало.

— Ничего. Пора вставать. Я его разбужу.

В дверях Петр. Быстрым шагом к кровати.

— Чего глаза гаращишь, как на привиденье. Уже неделю я здесь. Ну, вставай, сонная тварь.

Дернул руку. Стянул Костю с кровати.

— Я сейчас оденусь.

— Воздух тут у тебя стоялый, сонный. Что это ты? Жуликов боишься, окно закрываешь.

Худощавый, невысокий Петр как ртутью валит. Уже три раза комнату обежал. Все выглядел. Книжку про сыщика под стол бросил. Своим смешным длинным носом будто углы все вынюхал. Живой, настоящий, как прежде.

— А гимнастику ты по утрам не делаешь? Оттого рыхлый и дурной. Иди, умывайся скорее. А потом пойдем.

— Куда?

— Я на вокзал в райком. А ты меня проводишь. Чаем твоя мать нас напоит?

В столовой мать на Петра как на икону. Не погнушался, пришел. Может и билет Косте выправит. А то изводится парень. Она, ведь, видит.

А Костя чаем давился. Он был рад Петру, но у самого было такое ощущение точно на него засаленную вонючую одежду надели. Подальше от Петра отодвигался. Что он? Исповедывать что ли хочет? Но Петр на улице только спросил:

— Ты напакостил случайно или по убеждению?

И маленькими, остро живыми глазами прямо Косте в лицо.

Тот растерялся.

— Слу-у-чайно.

— Я к тебе каждый день идти хотел, да больно неловко. Чисто пош с отпущеньем грехов. Сегодня Тошка приехала, прогнала. Я послушался. Девченки дрянь, но иногда у них сердце острее глаз видит. Вот и пришел. Дело твое, брат, там замать решили. У нас всегда так. Сперва во все колокола, а потом заминать. Наробразов этих натащили, сами бы... Ну, одним словом, обмороком ты их разжалобил. А я плюнул, когда про обморок узнал...

— Я захворал... Не нарочно...

— Да я не про то... Черт с тобой. Одним словом, наробразам сказали: сами проучим. И тебя только временно... Хоть говорят, сволочью ты стал...

Костя сердито оборвал:

— Я и не больно к вам лезу. И сволочью проживу.

— А ты не кусайся. Это я так. Знаешь очень трудно об этом деле разговаривать, а все таки ты из сволочи в люди вылезай. Был ты ладный парнишка. Давай тут на травушке-муравушке отдохнем.

Свернули к городскому саду. Но сели не на муравушку, а на скамью. Только что дождь прошел. Все умытое и бодрое вокруг. Костя тянул,пил воздух. Будто последнее время и не дышал совсем. А сейчас почувял радость дыхания. Повернул к Петру лицо, а в глазах блеск подозрительный. Если бы не стыдно было сиропиться, сказал бы Петру, какой он свой, какой он Косте дорогой. Но стыдно. Сказал смущенно:

— Чего мы тут сидеть будем?

— А вот книжка записная и карандаш. Давай писать о ближайших задачах в работе комсомола. Это для газеты. Ну. Писали долго. Спорили какой пункт поставить первым.

— Ну, ладно. У тебя мозга еще не заплесневели. Ну-ка подветистей конец. Букет для слабо-нервных в утешенье. Девченки наши очень любят.

Костя писал, черкал.

— Ну ты не умеешь на Пегасе скакать. Ладно, Борька Зайцев присовокунит. Айда.

В райком Костя не шел. Долго упирался. Но Петр его вытащил. Было неловко. Глаза товарищей прямо долго не взглядывали. Но потом отошло. О происхождении жизни на земле читали. Потом Костя электричество проверял, исправлял. Исправил. На станцию прежде бегал, знал. Корректуру листовки ему сунул Петр. Сказал:

— Я к тебе почевать приду.

И убежал во Всевобуч.

Ночью легче разговаривать. Лица не видно. И будто себе рассказываешь. Костя начал:

— А все таки я завтра к ребятам не пойду.

— Что? Уже лень?

— Нет. Да ты сам знаешь. Все-таки на мне пятно. Преступление... И голос осекся. Ждал ответа от Петра, затаив дыхание. Сразу в жар бросило. А Петр ответом медлил. Потом раздумчиво сказал:

— Преступление то ты совершил. Это так. Только перед самим собой. Кабы ты был слизняк из баричей... А то на-те. Себя из за чего с грязью смешал?

Костя приподнялся на локтях:

— А что же тут? Если бы, как прежде. А то все сволочи. Одуреешь. Ты погляди на больших наших...

И Петр на кровати сел:

— А ты что на родителей, на учителей уповал? Нет, брат, взрослые только пороки свои умеют подносить заманчиво. А на счет всяких воспитательных эдаких методов, теории одни. В революцию не до нас было. Без всяких теорий вырастай. Да вообще с теориями то только в благородных домах было. А у нас откровенно и просто: карабкайтесь сами. И правильно. Гниль сгниет, а здоровые друг друга вытащат. Сами, без начальников, родителей и учителей. Такую, брат, закалку выдержим, дак крепченной золотой жилой в жизни проляжем. Мечты у нас мало останется, зато к точным знаниям в-ва... Тяга. И теперь видно. А что ты в девченку то в эту втюрился что ль больно?

Костя сначала заикался. Обрывал фразы. Потом спокойно все Петру рассказал. Завтра, может, стыдно будет. А сейчас миг такой нашел. Все мог рассказать.

Петр отозвался.

— Наробразиха—стерва. А насчет той девченки... Я ее знаю от нас отсынется.

Быстринского уже прощупывают. Твоя выходка и пользу принесла. У нас в комсомоле раскиселились было. Теперь опять густей пошло дело. Насчет полу мы все раскиселились. Я чуть не сдрейфил. По нашей комсомолке было засох. А потом пожалел. Наши девченки тоже рецидиву подвержены. В бабы выходят. Помаялся.

На гимнастику налег, на работу. Ну и выплыл. Дедушка у меня какой то спасибо ему, немец был. А немцы народ строгий. Осилит. А много больно тютюшкаться этим вопросом не надо. Ну, спи. А то опять половой вопрос.

Как распахнул Петька в то утро окно, так будто оно открытым и осталось. Свежо жить и радостно. Как после хвори все новым и хорошим кажется. В комсомол Костю еще не приняли официально. Но он там все дни проводил. Новых троих прислали. Те сгоряча хорошо берут за жабры. Спорт ввели. Размерены часы дня. Ночью сон морит. Мать не очень радовалась:

— Веселый, а худеет.

Но Косте некогда ее вздохи слушать. На книгу налег. Учиться еще скучно. Но от других неохото отставать. Кружок точных знаний в комсомоле образовался. Из-за математики и в школе не пропускал. Петр с Тошкой на копи уехали. Вздохнул, когда провожал, а сейчас и вспоминать их некогда. Но не без задоринки в теперешнем. В работе братва с Костей как со всеми, ничем не напоминает о том... как свихнулся. А в часы общего досуга часто то умышленно, то случайно кольнет. Васька Силантьев вчера:

— Что ты больно Тошку выхваляешь? Гляди, не прищипь где нибудь. Опытна-ай.

Он это без злости. Обычно грубы его шутки. В гимназии не обучался. И родители без тонкостей. А у Кости иное мерило. В лице изменился. Скоро ушел. Разумеется, опять вернулся. Не мог бы теперь от этого общего дела оторваться. Остро ощутил это первого мая в рядах. Колыхал ветер красные полотнища. Взметывалось и обрывалось нестройное, громкое пение. Слова с красных возвышений уж губами многими зашлепанные. Все не в первый раз. Уж в обиход праздников советских вошло. Но оттого, что Костя стоял в тесной, молодой, все своей верой оживляющей толпе, вернулась словам их значимость.

Подумал, что мог бы стоять теперь затерянным вон в той серой кучке. Нет, одного растопчут. В шелуху выдавят. Пусть мучают иногда скверным напоминанием, все таки здесь в семье. Не так же жить, как те живут.

Поэтому официальное восстановление было как именины. Но кончился день будничным. Поссорился с библиотекаршей. Она:

— Грубый какой. По настоящему тебя выгнать следовало. Уж забыл. Потому только приняли, что сын коммуниста.

Разъярился. Тоже, и эта дрянь попрекает.

— Из-за чего бы не приняли, да приняли. А тебя выгонят, так не примут. Примазалось, а сама с мамашей в церковь бегаешь.

Нет, трудно все таки. Как выжгли здесь на нем: скверный. Судили! Когда Петр приехал, ему рассказал. Тот сплюнул:

— В другом месте тебе надо беспорочней стаж приобрести. И дома у тебя в семье дух тяжелый.

А через неделю сообщил:

— Во флот тебя сдадим. Ведь ты не заваль, тебя можно?

Костя от радости чуть передохнул.

— Петька, ты не врешь? В другой город? Я, ведь я куда ездил? Эх, кабы сдали.

Сдали. Мать на вокзале горько плакала. Отец конфузливо на нее косился. Не умеет себя держать. А Костя возбужденный, радостный с товарищами прощался.

Васька Силантьев и тут беззлобно кольнул:

— Гляди, там не женись. А то обрастешь семейством.

Костя не рассердился. Засмеялся. Теперь и насмешки не страшны. Не замурован в этом городишке. А там, после поговорят кого скорей оженит или свихнет баба.

*Перепечатка воспрещается.*Студ. медик П. ЮШКОВ.

Малярия*)

(народная беседа в стихах).

Много горя и печали
 Мы в те годы испытали
 Когда к нам пришел сыпняк
 — Далеко был не пустяк.
 Помнишь тяжкий год разрухи,
 Люди гибли словно мухи,
 И в казармах и палатах,
 В городах, крестьянских хатах,
 И в заводах и столицах.
 Не хватало мест в больницах.
 Всюду царствовал злой враг,
 Распустивши гордо стяг.
 Враг не очень, так, приглядный
 Не спесивый, не нарядный
 Просто серенькая вошь.
 (Факт известный, а не ложь)
 Раз тебя она кусала,
 Перед тем же кровь сосала
 У больного сыпняком,
 Знаешь, что было потом:
 Через десять ней знобит,
 Голова, как печь горит,
 Без сознания по неделе,
 Сыпь обильная на теле.

Но едва мы тиф изжили,
 Постепенно вшей убили,
 Как пришла болезнь не слаще.

Ей болели раньше чаще
 На Кавказе, в Дагестане,
 По Поволожью, в Туркестане
 Словом, южные края.
 За последние-ж года
 Она всюду появилась
 И на севере резвилась.
 Захватила Мурман, Псков,
 Ленинград, Москву, Тамбов,
 Часть Сибири, наш Урал,
 Много я еще б назвал
 Тех различных областей,
 Где сейчас столкнулись с ней,
 Но, пожалуй, проще взять
 И на карте показать
 Всю Россию. Ну так вот
 Ту болезнь народ зовет
 «Лихорадка», «Гресовица».

Всяк болезни той боится
 И не диво, что за радость,
 Как придет такая гадость.
 Начинается озноб,
 Посинеешь словно боб,
 Холод адский обнимает,
 Зуб на зуб не попадает.
 Чтоб не делал, хоть доху,
 Хоть две шубы на меху
 И тулуп бери одеться
 Все напрасно—не согреться.

А затем в жару горюшь
 Стонешь, мечешься, кричишь
 Покраснеешь словно рак,
 В голове туман и мрак,
 Жажда мучит—мочи нет,
 А порой начнется бред.

Постепенно жар пройдет
 И ручьем польется пот
 — Не приходится зевать
 Успевай белье менять.
 Наконец пот прекратится
 (После встряски крепко спится),
 Встанешь утром—нет следа
 Тех мучений, что вчера
 Будто рвали на аркане,
 Но не радуйся заране,
 Не считай, что то был сон
 — Скоро вновь вернется он.
 Не пришла ведь лихорадка
 Жди повторного припадка.

Через день иль через два
 Вновь начнет знобить тебя,
 Снова, как в огне зажжет,
 Вновь польет обильный пот
 И такие повторения,
 (проклянешь и день рождения)
 Так измучат истошат,
 Что поди родимый брат,
 Коль увидит не узнает:
 Едва жизнь в чертах витает,
 Худ, как щетка на прилавке,
 Как лимон в татарской лавке
 Желт, страданьем изможден
 Не забудешь долго сон.

*) См. наш журнал № 8. Сифилис.

Но вот кончились припадки,
 Нету больше лихорадки.
 Уже с месяц ты здоров,
 Но не верь—вернется вновь.
 Подожди, пройдет зима,
 Снег растает и весна
 Воскресит зеленый луг—
 —С ней воспрянет твой недуг.

Год за годом повторенья,
 Распатают без сомненья
 Все здоровье — силы нет
 Ты калека, в цвете лет.

Чтоб беду предупредить
 Должен ты себя лечить,
 Коль открылась лихорадка
 Сразу с первого припадка.

Но ни бабушка знахарка,
 Ни трехлистная припарка,
 Ни на воду заклинанье
 И не поп—бесов изгнанье,
 Ни святое приношенье—
 —Не дадут тебе спасенье.
 Это все пустые сказки
 Без начала и завязки.
 Ты скорей врача зови
 И ему все расскажи.

Он пропишет тебе хину.
 Брось заботы и кручину
 Ты спасен, болезни нет.
 Помни твердо мой совет!

Как же та болезнь идет,
 Как несчастье несет,
 Где ей можно заразиться
 Как и с кем это случится?

Но не воздух и вода—
 —Есть причина корень зла.
 И не общая посуда,
 Не погода и простуда.
 Ряд известнейших врачей
 Доказали, что у ней
 Есть свой путь распространенья
 (В том не может быть сомненья).

Еще прежде замечали,
 Что болезнь эту встречали
 Чаще в местности сырой,
 Где болот, прудов застой
 И близ устья тонких рек,
 Что болел ей человек,

Чаще летом и весной.
 И причиной зараженья
 Все считали испаренья
 Скверный воздух, смрад и сырость
 Оттого и появилось
 Ведь названье МАЛЯРИЯ.*)

Рассуждения такие,
 Без сомненья, ложны были,
 Как в потьмах тогда бродили,
 И ученый Лаверан
 Доказал нам тот обман.

Изучивши кровь больного,
 Он нашел в ней очень много
 Таких крошечных существ
 С полным признаком естеств:
 Они дышат и живут,
 Размножаются, растут,
 Формой в виде ободка,
 Иль яичка, иль кольца,
 Простым глазом не видны,
 Так ничтожны и малы.
 (Рассмотреть помог прибор
 Микроскоп. В нем есть набор
 Стекол выпуклых таких)
 Вот при помощи то их
 Паразитов он открыл
 И подробно изучил.
 Доказал, что вся беда
 От того, что иногда
 В кровь проходят паразиты
 (Все страданья в этом скрыты).
 На готовый счет живут
 Зреют, спеют и растут,
 Не по дням не по часам.
 Разделившись пополам
 Вырастают быстро вновь,
 Разрушая нашу кровь.
 И от этого, мой друг,
 Происходит весь недуг.

Как же он передается,
 Как болезнь тебе привьется,
 Паразиты где живут,
 В кровь каким путем пройдут?

Путь один. В местах сырых,
 У озер, в лесах густых,
 У прудов, застойных вод,
 Сонных речек и болот,
 Комарья увидишь тьму,
 Там приволие ему—

*) Примеч. Малярия в переводе «дурной воздух».

—В тине дряблых берегов
Он находит себе кров.
Ветра нету. Тишина,
Не шелхнется вода,
Есть куда яички класть,
Захотел покушать всласть,
Полетел к жилым местам.

* * *

Так безвредны они нам;
Ну, укусит—заживет,
Много крови не возьмет.
Хоть и скверное созданье,
Но особого вниманья
Мы бы им не уделяли,
Но врачи нам доказали—
—Есть меж них одна порода—
Злейший враг людского рода,
Что разносит малярию
И вредит на всю Россию,
Также, как в голодный год
Вошь губила наш народ.

Малярийного больного
Покусает он немного.
Его крови раз напьется,
А затем к другим несется,
Но в иголку-хоботок
Попадает целый ток
Паразитов лихорадки.
Берегись тогда. Припадки
И палящий жар замучит,
Если он тебя укусит.
Берегись его и знай.
От другого отделяй.
Тот второй простой комар
Не несет тебе кошмар,
Малярии не рассадник,
Безобиднейший проказник.

Его каждый отличит,
—Вон, смотри, он там сидит:
Крылья светлые, как пленки,
Кверху задние пожелтки,
Тельце прямо над столом.
Пару слов и о другом,
Что заразу переносит.
Он на крыльях пятна носит
И размерами крупнее
(Этот признак всех вернее),
Коль сидит, где отдыхает
Корпус кверху поднимает
—Ножки задние притом
В одной плоскости с брюшком.
Отличишь их без сомненья.
Раз причиной зараженья

Служат эти комары,
То понятно, что должны
Люди их остерегаться,
Заражения бояться.

Почему-ж за это время
Так пошло болезни семя,
Как пришло от зноя Крыма
До Тобольска и Нарыма,
От Саратова, Казани
До Смоленска и Рязани,
Появилась и в Москве,
И на Северной Двине.

Вспомни голод и войну,
Что измучили страну.
Помнишь—беженцы толпами
Проходили перед нами
С юга, запада на север,
Вспомни тех, что ели клевер,
Польную, кору, осоку,
Что прошли в Сибирь—к Востоку
От Поволжских, берегов,
Бросив свой родимый кров.
Тех, что с Врангелем сражались
И домою возвращались
От Одессы и Кавказа
И поймешь ты, как зараза
Охватила всю Россию—
—Юг занес нам малярию!

Много к нам больных попало—
Комаров—где не бывало?!
Тотчас начали кусать
И здоровых заражать.
А к тому-ж почти везде
За разруху по стране
Развелось тьма болот,
Луж, канав, застойных вод.
И вредителей число,
С каждым годом все росло.
Ряд волнений, тиф и голод,
Обнищание и холод
Так ослабили народ,
Что зараза шла вперед,
Как весенний ураган,
Мчит столб пыли сквозь туман.

* * *

Затыкай большие щели,
Полотном завесь все двери,
Окна сетками закрой
И вечернею порой
Избегай быть на прогулке,
Так как в каждом закоулке
Можешь встретиться с врагом.

Раз пришлось покинуть дом,
 Приспособь тогда вуаль,
 Или тоненькую шаль
 Вкруг лица в виде палатки.
 Не забудь надеть перчатки.
 А когда ложись спать,
 Завесь пологом кровать.
 Помни (это не пустяк),
 Что не любит он сквозняк,
 Запах дыма, камфоры,
 Можжевельника, смолы.
 Раз устроилась стая
 В помещении сарая,
 Или в сырости подвала,
 Или в комнаты попала,
 То закрыв все окна, двери,
 Заклеив бумагой щели,
 Подожги кусок серы,
 В миг погибнут комары.

Содержи двор в чистоте,
 Луж, чтоб не было нигде,
 Убирай почаще срам
 Изо всех помойных ям.
 Знай, он яйца кладет,
 Там, где чуточку найдет

Застоявшейся вель.
 Все болота и пруды
 Постарайся очищать,
 Керосином заливать,
 Или нефтью и тогда
 Победишь ты комара.

* * *

Вред большой от малярии
 Каждый день для всей России,
 Много горя и забот
 И расходов и хлопот.
 Истерзает человека
 До того, что он калека
 Не способный ни к чему,
 Даже к легкому труду
 И не мало умирают—
 —Чаще дети погибают,
 Так как та болезнь для них,
 Что для нас тяжелый тиф.

Победим же зло народа,
 Смерть вам, мерзкая порода,
 Злые мошки—комары,
 Истребить мы вас должны.

ХРОНИКА.

Предложение английского министра просвещения. Коллегия Наркомпроса выразила принципиальное согласие на предложение английского министра просвещения Травельяна командировать в СССР английских студентов для преподавания английского языка в наших школах и командировать русских студентов в Англию для преподавания русского языка.

Радиостроительство в СССР. В настоящее время строятся новые станции в Тифлисе, Баку, Эривани, Хиве, Эллисете (Калмыцкая область), Воронеже.

Октябрьская радиостанция (на Ходынке) расширяется и будет доведена до мощности трансатлантических станций, что позволит ей работать с Америкой и с Дальним Востоком. На станции устанавливаются машины высокой частоты, системы профессора Вологодина, в 50 килоуатт. В 1925 г. будет установлена машина на 150 килоуатт. На этой же станции произведено усовершенствование антенны (приемного провода) и противовеса, что даст возможность усилить передаточную мощность станции.

Радиостанция им. Коминтерна будет в ближайшее время в связи с разрастающимся движением радиолюбительства использована, как радиотелефонная станция по обслуживанию радиокружков.

Намечаются к постройке новые радиостанции в Кузнецком (Томской губ.) бассейне и по р. р. Оби, Енисею и Лене.

Всех же действующих радиостанций в СССР в настоящее время имеется: 300 приемных и 43 передающих.

О новых программах на Рабфаках. Составленные отделом рабфаков и утвержденные государственным ученым советом новые программы для рабфаков по всем предметам вводятся с начала наступающего учебного года.

В отличие от примерных программ 1921-22 г. новые программы являются обязательными и вводятся полностью на 1 курсе рабфаков, а на 2-й и 3 программы вводятся только по тем предметам, преподавание которых согласно учебного плана начинается на этих курсах.

Восстановление Мариинской системы. СТО признал необходимым отпустить средства, потребные на восстановление Мариинской системы и на приведение приладожских каналов в исправное состояние.

Обнаружение древних погребений. Недавно, во время работ при кирке св. Михаила, на Вознесенской ул., обнаружены интересные погребения конца XVII и всего XVIII веков. Найдены склепы с истлевшими гробами, но с сохранившимися от них ручками и скобками. На черепах покойников имеются оригинальной формы шапки из серебряной вызолоченной канители прекрасной работы. Тут же найдены обломки изразцов XVIII века русских и иностранных, а также обломки посуды. Кроме того, обнаружены хорошо сохранившиеся надгробные плиты с надписями.

Эти обнаруженные погребения относятся ко времени до 1771 года, когда в Москве, в виду свирепствовавшей тогда эпидемии чумы, было запрещено хоронить покойников при церквях.

Права на звание зубного врача. Наркомздрав сообщил местам, что лица, практически работающие по зубо-врачебной технике, но не имеющие звания зубного техника, могут получить таковое, выдержав не позднее 25 мая 1925 года испытание при одной из зубо-технических школ республики.

Редактор: И. ЛИПКОВИЧ.

Члены редколлегии: А. МАЛЬШАКОВ, И. ФУРИН, А. ТЕПЛЯКОВ.

Оглавление.

	Стр.
1. Наше положение и перспективы в наступающ. учебн. году— Ч. Морозов	3
2. Технические факты к началу 24-25 учебного года— Н. Горин	10
3. Рабфак к началу учебного года— Тампофольский	19
4. Старая и новая школа— Г. Каменев	19
—————	
5. Химическая оборона СССР— Авиновицкий	30
6. Поясное время— В. А.	34
7. Радиолобительство и его значение— инж. Лебедев	36
—————	
8. Год работы журнала— И. Г. Липкович	38
—————	
9. О слиянии хозяйств— Дим	41
10. Курортный вопрос— Ф. Зубакин	42
11. Учебный год и день студента в цифрах— П. Козин и Л. Лазарев	43
12. Академическая проверка студенчества УГУ— Вл. Чельцов	47
13. Вопросы быта— Л. Скворцов	50
14. Нужны ли рабфактовцам экскурсии— Анфилофов	53
15. Рабфактовцы на отдыхе в Карабаше— Г. Вершинин	55
16. Наша басня— Дим	56
17. Итоги массовой работы медиков в городе— М. Ярушев	56
—————	
18. Новому рабфактовцу— стих. В. Молчанов	60
19. Товарищ Аня— стих. И. Келлер	60
20. Поэтам эмигрантам— стих. Г. Плесс	61
21. Преступление— рассказ Л. Сейфулиной	62
22. Малярия— нар. беседа в стихах—П. Юшков	79
—————	
23. Хроника	82

